

ТАТЬЯНА БАРАНОВСКАЯ

**ПОГОВОРИ СО МНОЮ,
ДОЖДЬ...**

Повесть и рассказы

Рязань, 2014

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6 Ряз

Б 24

Книга издана при поддержке
Министерства культуры России

Барановская Т.Н. Поговори со мною, дождь...: повесть и рассказы. –
Рязань: Издательство «Старт», 2014. – 118 с.

Член Российского союза профессиональных литераторов Татьяна Барановская представляет новую книгу «Поговори со мною, дождь...», окутанную харизмой автора. В сборник вошли повесть о любви «Лето вернётся через год» и рассказы, насыщенные креативными мизансценами, интригующими сюжетами, неожиданной, непредсказуемой развязкой.

ISBN 978-5-902405-06-1

© Барановская Т.Н., 2014

© Издательство «Старт», 2014

ЛЕТО ВЕРНЁТСЯ ЧЕРЕЗ ГОД

ПОВЕСТЬ

1.

Хорошо помню, что звали её Аня. А муж называл непонятно ласково – Ано. Их младший сын – Кико – был черноволос и темноглаз... Но обо всём – по порядку.

9 января 1903 года состоялось открытие Гагры как великосветского курорта. А уже в середине пятидесятых годов того же века Гагру наводняли люди среднего достатка, газета «Правда» политкорректно именовала их гражданами СССР, которые будут жить при коммунизме.

Первый раз меня привезли к морю лет в пять. Дом тёти Ани, у которой мы снимали комнату, был с краю от базара, шумно просыпавшегося на рассвете. В полудрёме я слышала какой-то невидимый скрип, приглушённое квохтанье кур и басовитое кукареку... Всё это перемежалось человеческой речью, нерусской, непонятной, но притягательно плавной...

А поздними вечерами мы с мамой сидели на маленькой веранде, мама – в кресле-качалке, я – на скамеечке, у её ног. Потом мама вставала и уходила, подол её длинного халата задевал моё лицо, приятно его холодая. Через мгновение я поднималась вслед, спускалась по каменной лесенке, оглядываясь на одиноко раскачивающееся мамино кресло. В летней кухоньке мама жарила на керогазе молодую картошку на постном масле. Папа играл с дядей Ваню в нарды. А мы с Кико носились по дорожкам, подпрыгивали, старались задеть руками мокрые полотенца и купальники, развешанные на веревках... Сладко, мятно и очень сильно пах базилик... Иногда монотонным бисером моросил дождь, и тогда мы рано ложились спать... А утром солнце, как ни в чем не бывало, апельсином выкатывалось на небо, к оранжевому постепенно добавлялось розовое... красное... потом золото блестящее, как мамино колечко... И мы шли на пляж...

2.

«И не мечтай», – говорит мама и, чтобы подсластить горькое «нет», протягивает мне карамельку. Карамелька потная, фантик противно прилипает к моим рукам, и я тут же передариваю конфетку Кико.

Мне так хочется поехать с мамой. Они с тётёй Любой – ещё одной отдыхающей решили отправиться в Сухуми за босоножками на пробковой танкетке – слышала, как мама уверяла папу, что это очень модно и, говорят, дёшево, а ей, маме, просто необходимо. Папа, как всегда, посмеялся, но уступил. И я на целый день осталась на его попечении.

Прежде всего, он сел играть в шахматы с мужем тётёи Любы – дядей Костей. Это значит, надолго. Папа проигрывать не любит и будет биться до

победы. Мама говорит, что я упрямством пошла в него. Так я ж с Украины, – гордится папа. Как будто это что-то объясняет. Я, кстати, тоже оттуда и, когда вырасту, запишу себе в паспорт – украинка. А мама у нас русская. Только я не понимаю, какая разница.

Первым делом мы побежали с Кико за дом и стали делать секретики. Это я его научила. Что такое секретик? Палочкой или просто руками нужно раскопать ямку, положить на дно красивый камешек или цветочек, закрыть стёклышком и присыпать землёй. А потом, когда захочется, можно отрыть землю и любоваться на секретик. У Кико секретики свои, у меня – свои. Он мне свои показывает, я тоже, но не все.

Было уже очень жарко, когда мы пришли на пляж. Дядя Костя опять играл с папой в шахматы, а мне папа расстелил полотенце и сказал: «Загорай. Захочешь пить – скажи».

Кико с нами не отпустили, он должен был наносить воду в бочку, откуда потом её брали для душа. Было скучно. Купаться меня одну не отпускали, и на все просьбы папа отвечал: «Сейчас, вот партию доиграем». Я немного побегала по берегу, гоняясь за волнами, тщетно высматривая медуз, которых накануне было много, а потом улеглась на горячей подстилке.

Проснувшись от того, что страшно болела спина. «Попить», – попросила я. Папа обернулся от шахматной доски и ахнул: «Да ты обгорела!» И мы, бросив дядю Костю, понеслись домой.

Оказалось, что мы пробыли на пляже три часа, и я так и пролежала вверх спиной. Тётя Аня намазала мне спину мацони, оказавшимся под рукой. Папа побежал за сметаной, он сказал, что это более проверенное средство. Они немного поспорили...

Когда мама вернулась, мне уже, чтобы сразу ее не пугать, надели халатик, спина была закрыта, но жгла. А мама всё-таки испугалась. Ночью у меня поднялась температура, родители меня будили и давали таблетки. Но всё прошло, только мама долго выговаривала папе, что он безответственный человек.

3.

Не припомню случая, чтобы мы, отдыхающие, и наши хозяева были довольны друг другом. Лишь однажды, в самом начале, случилась размолвка.

– Зачем вы купили виноград? – в тот раз хмуро, без обычной улыбки спросила тётя Аня.

Мама от неожиданности уронила спелую кисть, от которой я так и не успела отщипнуть ни ягодки: «Ань... Как зачем? Кушать».

– Нет, я спрашиваю, зачем вы виноград купили? – тётя Аня голосом подчеркнула последнее слово и, поскольку мама в недоумении молчала, добавила: «Разве вы не знаете, что у нас за домом растёт полно винограда? И белого, и чёрного. Какой приглянулся, тот и берите. И мушмулу рвите». И

тут же скомандовала: «Кико, возьми корзинку, набери винограда!»

Больше всего мне нравились вечерние разговоры у раскидистой шелковицы, наивно затесавшейся среди апельсиновых и лимонных деревьев.

– Вот вы думаете, что тут у нас всегда был земной рай, – дядя Ваню разливал взрослым в стаканы домашнее вино, а нам – детям в кружки персиковый компот, – нет, не всегда, даже очень не всегда. Тут, ещё до нашей эры торговые фактории стояли. А название «Гагра» впервые встречается на карте, которую составил один итальянец. Если мне не изменяет память, в 1308 году... Погодите, я за книгой схожу...

– Нет, не изменяет, – возвратившись через минуту-другую и открыв увесистый том, дядя Ваню кивает головой, явно удовлетворённый: «Вот тут всё написано, как было. Хотите, прочитаю?»

– Конечно, читай, Ваню, – неизменно говорит мой папа и отпивает глоток вина.

«Я переведён в ужасный климат Абхазии. Есть на берегу Чёрного моря впадина между огромных гор. Туда не залетает ветер, жар там от раскалённых скал нестерпим, и, к довершению удовольствий, ручей пересыхает и обращается в зловонную лужу...»

Дядя Ваню хлопывает книгу, удерживая пальцем нужную страницу, и смотрит на нас: «Это писал декабрист Бестужев-Марлинский в июне 1836 года. Здесь тогда стоял 5-й Черноморский батальон. Только через двадцать лет после присоединения Абхазии к России Гагрскую крепость заняли русские войска! Малярийное было место...»

– Расскажи ещё, почему так назвали – Гагра... – просит тётя Аня.

– Если всем интересно...

Мы дружно киваем.

– Жил на нашей земле когда-то старинный абхазский род Гагаа, от него и пошло...

Светлячки крошечными огоньками оживляют подкравшуюся незаметно темноту, дядя Ваню говорит, мы слушаем... Я знаю от Кико, что у его папы есть толстая тетрадка, куда он записывает свои рассказы.

4.

Я сбросила сандалии и зарыла ноги в мелкую гальку, она ещё хранила дневное тепло. Небольшие волны накатывали на берег, отсчитывая время, как исправные часы. Море нашёптывало вечерние мелодии. Солнце, ласкаясь, осторожно трогало воду, казалось, впитывая её душисто-солёный аромат, постепенно растворялось в синеве бледным золотом. Слезавшийся свет ранних фонарей остался далеко – на набережной...

Мы смотрели друг другу в глаза – дольше, чем подсказывали обстоятельства. С почти незаметной улыбкой Кико сказал: «А ты... выросла...» Я и сама это знала. Мои когда-то острые коленки округлились... Иногда не-

понятно отчего хотелось плакать или – напротив – беспричинно смеяться и танцевать на редких школьных вечерах, вздрагивая от неловких прикосновений одноклассников... Из ребёнка я превратилась в девушку со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Стихи мало кого оставляют равнодушными, – сказал Кико, первым отведя взгляд.

– Стихи?

– Ну да. Их или любят. Или нет.

– Слушай, почитай, – попросила я и уточнила: – По-грузински.

– Так ты же не поймёшь...

– Неважно...

– Не поймёшь... – заупрямился Кико.

– Пойму...

– Это кто написал? – спросила я, когда напевная речь Кико подошла к концу.

– Неважно... Будешь купаться?

– Сначала ты...

– На море были? – спросила тётя Аня, когда мы вернулись.

– Угу, – ответил Кико.

– Прохладно уже, – заметила его мама.

– Здравствуйте, – из-за кустов мимозы вышла девушка, черноглазая, с двумя косичками с яркими бантиками.

– Софико? – удивился Кико.

– Разве так встречают гостей? – тётя Аня улыбнулась, – пойдёте в дом... Софико... Кико... ну что же вы... Я угощу вас кизилковым вареньем.

Меня никто не позвал, и, чувствуя какую-то неловкость, я быстро-быстро, почти бегом, поднялась на второй этаж, в комнату, которую мы снимали... «Подумаешь – кизилковое варенье... Я вообще-то люблю вишнёвое...»

5.

Оказывается, тётя Аня, которую я считала местной жительницей, до замужества училась в Краснодаре. И однажды на занятии услышала про новый, необычный парк в Гагре. Потом студентов повезли туда на экскурсию. Достопримечательности им показывал и на море водил всю девчачью группу Ваню.

– Я тогда подумала, – рассказывала моей маме тётя Аня, – молодой парень, ненамного нас старше, а в волосах седина. Только потом узнала, что Ваню воевал, до Берлина дошёл, тут его и ранили. Ну, девчонки после экскурсии домой уехали, а я осталась. Свадьбу сыграли. Дети родились. Сначала Вагиз. Потом Андрей, его именем моего отца назвали. Кико вот младшенький... Правда, с родителями Ваню я не сразу общий язык нашла.

– И я не сразу, – понимающе вздыхает мама. – Свёкор мой родом из

Белоруссии, у свекрови чего только не намешано было: польская кровь, молдавская, даже цыганская... Но всю жизнь прожили они на Украине, на одной и той же улице – Красной, в подвальном помещении... Прямо с порога высказали свою обиду: почему сын с фронта не к ним приехал, а ко мне?

– Ты же его ждала?

– Письма почти каждый день писала. И от него часто получала... Но родители думали, что он в жёны выберет украинку – пышущую здоровьем и румянцем, которая будет варить борщи на сале и потчевать чесночными пампушками со шкварками... А он привёз меня, худенькую, бледную, с маленькой плаксивой дочкой... Свекровь это раздражало. А что до еды – жареная картошка и то не всегда у меня хорошо выходила...

– А у меня никак чахохбили не получалось. Как ни старалась, и лимон, и помидорки добавляла, и уксус лила, ну невкусно, какая-то мокрая курица на тарелках...

Я лежу на раскладушке в тени фигурно подстриженного куста, старательно делаю вид, что сплю, но столь же старательно ловлю взрослые секреты. Оказывается, я, плакса, не очень-то понравилась своей бабушке, а мама не умела даже картошку пожарить. А сейчас такие вкусные пирожки печёт: и с капустой, и с печёнкой, и пампушки тоже, и шарлотку... Папа всегда говорит, что она – отличная хозяйка.

Рядом с моей раскладушкой прямо на траве раскинулся Кико. Спит? А вот и нет... Увидел, что я на него смотрю, и, озорничая, подмигнул. И опять затаился. Тоже, наверное, подслушивал... Если бы у меня был брат, я бы хотела, чтобы он походил на Кико. Кико такой добрый. Помню, как он купил мне мороженое, хотя я и не просила. А дело было так. Сначала тётя Аня послала его в магазин – за сахарным песком. Я и ещё одна отдыхающая – девочка Нани, приехавшая с родителями из Сухуми, увязались с ним. Я Нани завидовала, потому что у неё был замечательный зонтик от солнца. Сделан из картона, с рисунком – по жёлтой пустыне бродят коричневые верблюды...

Нани учила меня грузинскому языку. Я прилежно повторяла за ней: мзе, акрыхарта... и тут же забывала. А Нани чисто говорила по-русски. В общем, мы забросили уроки.

Нани оказалась очень находчивой. Когда продавщица спросила у Кико, во что ему сыпать сахар, он только развёл руками... А в магазине обёрточная бумага кончилась. Тогда Нани развернула свой зонтик ручкой вверх: «Сыпьте сюда...» Так мы и донесли покупку до дома. Но по пути Кико купил мороженое. Нани отказалась, у неё большое горло, и родители не разрешают есть холодное, мне тоже не разрешают, но я очень люблю мороженое, а Кико и, надеюсь, что и Нани, меня не выдадут. Южное мороженое совсем не похоже на наше. Это просто льдинки, хорошо, что сладкие, женщина-мороженщица в белом фартуке достаёт их из большого чана, накладывает в

вафельный стаканчик ложкой, утрамбовывает и взвешивает на весах. Кико купил мне большую порцию, а себе – поменьше... Было нам тогда лет по десять, не больше...

6.

Дождь перестал, но было холодно. И Кико набросил мне на плечи свою куртку, она ещё хранила тепло его тела. С вечера мы решили пойти в горы и вовсе не собирались теперь откладывать путешествие из-за непогоды. Мы прошли мимо школы, где учился Кико, чистенький двор был засажен магнолиями... Миновали магазинчик, где обычно покупали сулугуни и лаваш... Ранним утром Гагра выглядела притихшей. Только в кафе у пляжа негромко звенели посудой, видно, готовили завтрак для отдыхающих: неизменную манную кашу, варёные яйца и салат со сметаной.

Серые дома в лёгкой бежевой дымке прятались за шершавыми, цвета мёда заборами. На многих из них висели таблички с надписью «Сдаётся комната. Недорого». Входные двери чинно выступали из-за кустов мимозы, легко представлялось, как весной её золотые брызги оживляют пейзаж. Небо было клочковатым, будто чья-то невидимая рука смешала и беспорядочно рассыпала по бледно-голубому фону лепестки ромашек. Позже, когда мы, сойдя с извилистой горной тропинки, сделали привал, небо стало ярко-синим, цвет резал глаз.

– Расскажи что-нибудь, – попросил Кико, когда мы дружно умяли по бутерброду.

– Да... о чём?

– Мне всё интересно... Вот друзья у тебя кто? Из класса?

– И из класса. Но у меня был один друг... не из класса...

– А...

– Его звали... Креке.

– Креке?

– Понимаешь, Кико, когда я была маленькой, только-только в первый класс пошла, мы жили вблизи реки. Вблизи... Но одну меня туда не пускали... И я всё время канючила маме и папе: «Пойдём к реке...» К реке и к реке!!! И вот папа – ты же знаешь, он шутник – придумал, что у меня там друг такой живет – Креке, я к нему и рвусь.

– Тебе бы рассказы писать, так складно выходит.

– Я не придумала. Это правда. А писательницей я быть не хочу. Буду учительницей. А ты?

– Ещё не решил. Но, наверное, лётчиком. Как твой папа. Или архитектором. Как мой дядя. Он живет в Тбилиси.

– Ага... Постройшь, как Наф-Наф, дом с дубовой дверью, с засовом. И никакой на свете зверь...

– Смейшься...

– Обиделся?

– Нет... Что плохого в желании быть умным? Только... каменные стены не спасут от злых людей. Да и не хватит на всех желающих стен, за которыми можно спрятаться...

– Слушай, может, поднимемся ещё выше.

– Ты же устала.

– Да нет.

– Вижу: устала. Вот на следующее лето приедешь, пойдём подальше, там даже змеи встречаются. Приедешь?

– Конечно.

...Но ни в 1961-м, ни годом позже в Гаграх мы не появились. У папы в части отменили отпуска. По вечерам родители шептались на кухне, думая, что я сплю. Я же на цыпочках прокрадывалась к двери... Разговор шёл о непонятном мне Карибском кризисе, упоминался ядерный зонтик, которым мы накроем Кубу, если агрессор на неё нападёт. И слово «война» повторялось часто... Но мне не было страшно. Я не знала, что такое война.

На политинформациях в школе (их проводили вожатые-старшеклассники) нам рассказывали об Острове Свободы, где живут наши интернациональные товарищи. И мы потом хором пели про то, что мы мирные люди, и про бронепоезд на запасном пути...

Я слушала по радио «Пионерскую зорьку», читала «Пионерскую правду» (газету выписывали для меня родители, а для себя – добрый десяток взрослых изданий). Там тоже много говорилось о дружбе, о том, что сам пропадай, а товарища выручай.

Кстати сказать, в то время нас воспитывали и книги. Кажется, в третьем классе я прочитала рассказ «Как Володя Ульянов не боялся гусей». Володя Ульянов – это маленький Ленин.

Мы все тогда – с октябрятскими звёздочками или с красными галстуками – хотели подражать его смелости и отваге. И когда летом я приехала в Павловку к бабушке Насте, гордо шествовала по деревенской улочке мимо белых птиц, косясь на их страшные клювы. А раньше убежала без оглядки, стоило им зашипеть...

7.

– Вьюга издевалась... Она швыряла в прохожих пригоршни снега – как по осени жухлые листья... Размывала очертания домов и переулков... Гнула ветки деревьев... Окунала всё вокруг в стойко белый, молочно-белый туман... Нахально задувала под шубы и шарфы... Не плавный вальс, не томно-сладострастное танго, а галоп в джайвовый ритм... Или в бурное фламенко... И само собой непонятно отчего выпевалось, будто шептало: «Тореадор, смелее в бой...» И тут я даю крупно лицо Кармен и ещё крупнее – её глаза, прозрачные, как леденцы. Такие не бывают у испанок... Вот так... примерно,

– Кико косо взмахнул так и не зажжённой сигаретой, будто зачеркивая всё сказанное, и посмотрел на меня вопросительно своими тёмно-блестящими глазами, в самой глубине которых таилась грусть.

– Так она не испанка – твоя Кармен? – уточнила я.

– Русская. Она русская.

– А тореадор?

– Это прозвище такое... Друзья дали. А вообще его зовут... Я ещё не знаю, как его зовут... Но живёт он здесь.

– А она далеко. И они встретятся и полюбят друг друга.

– Встретятся...

– И будут вместе.

– Нет, не будут.

– Как? А счастливый конец?

– Может быть, он и нужен в фильмах для детей, хотя я в этом не уверен. По-моему, очень мелко заставлять взрослого зрителя верить в волшебную палочку и в умилении утирать слёзы... Нет, задача искусства, я думаю... это... я называю это «открытый финал». Может быть, такой... в манере американского кино – напористый и динамичный, но без пошлости... Хотя... скорее нет, чем да.

– Ты хочешь снять модное кино...

– Ненавижу модное кино. Всё это занудство, псевдофилософию, бледную игру «под Достоевского».

– Такое многие не любят. Но... все смотрят.

– Смотрят единицы, а остальные считают комильфо сказать: «Я это видел». Ты не согласна?

– Я бы хотела прочитать сценарий. Он ведь почти готов? Большой?

– Увы, да. И это плохо. Помнишь, мы читали, что Антон Чехов считал: в написанном нужно вычёркивать начало и конец. Большинство расусоливает и мысли, и чувства... А вот у Есенина в нескольких строчках – история любви: «Не гляди на её запястья и с плечей её льющийся шёлк, я искал в этой женщине счастья, а нечаянно гибель нашёл...» Ты ведь ездила в Константиново? В прошлом году, да?

– Там такой покой... Такое... но я не могу передать это словами... Не умею передать... Так дашь сценарий?

– С условием. Ты придумаешь название фильма. У тебя получится. Ты ведь... фантазёрка...

Кико неожиданно оборвал разговор. И пока висела пауза, отнюдь не обременительная и частая в наших разговорах, я подумала, что он прав, я, конечно же, фантазёрка. Увижу человека на улице и легко придумаю, какой он, где живёт, кем работает, и какой у него письменный стол, и что над этим столом обязательно висит портрет Хемингуэя, и что человек этот в школе не любил математику, но прекрасно рисовал...

Ещё я люблю вечером в поздние сумерки сдвинуть занавеску в сторону, выключить свет и смотреть на тёмную улицу или на огоньки в окнах и придумывать, как там, за тем или вот за тем окном, живётся людям...

Я уже написала маленький рассказ про лётчика. Как он совершает вынужденную посадку. Рискует, но уведит неисправный самолет от городка, где живут его сослуживцы и где ждёт молодая жена, ему все-таки удаётся посадить машину, прямо на луг, на весенний луг, где распустились подснежники – подснежники для его любимой... Если Кико прочитает, думаю, он тут же скажет, что дело не обошлось без волшебной палочки, а женщины, мол, по-другому и не умеют. Пусть так... Но, может быть, стоит переиграть благостный финал?

8.

...Мы стояли на склоне горы среди сочной субтропической зелени... В пьянящем воздухе побережья, где-то там, внизу, угадывалась голубая жемчужина моря, парк в Старых Гаграх с финиковыми и кокосовыми пальмами, тонко пахнущим конфетным деревом, агавами, кипарисами, стройными, как новенькие свечки, розово пламенеющими олеандрами, жёлтыми кустами рододендронов, благоразумно затерявшимися в тени реликтовых папоротников, и разноцветной мальвой, удивительно похожей на ту, что растёт в бабушкином палисаднике...

В тот год я перешла в одиннадцатый класс, и мы снова приехали к морю... Не знаю, как оказалось возможным, что при нашем многоголосом таборном образе жизни мы оказались одни. Сидели на веранде. Выбеленная с синькой, она тонула в сумраке разросшегося винограда. На стене висели фотографии в самодельных рамках: два бородача-старика в фуражках с тёмными околышами, военный в форме, молодая пара, в ней я сразу узнала тётю Аню с мужем, Кико с наголо стриженной головой, он же – в панамке...

Горьковато пахло шафраном... Я читала, Кико рисовал в альбоме. Мы, помню, собирались позже позагорать и деловито переговаривались, решая, куда лучше пойти: на дикий пляж, он был в двух шагах, или на ухоженный, старогагринский, где в парке, подобно северному сиянию, феерически распушают хвосты павлины... Но в какую-то минуту мы потянулись взглядом друг к другу...

Кушетка, по-старушечьи ветхая, была застелена таким же старым одеяльцем. Моё сердце стучало в голове усердным молоточком.... Но, может быть, это рвалось из груди сердце Кико, прильнувшее к моему... Руки Кико были горячими, когда он с силой обхватил мои плечи... Трусики купальника вжимались в его плавки... Мой ситцевый сарафан – розовые цветочки на голубом поле, тенниска Кико, разрисованная пальмами, рядышком валялись на полу. Кико что-то шептал по-грузински, всё больше запутываясь в моих

волосах, уже не стянутых узкой лентой. Я же не говорила ни слова. Я была – как не я. Перед глазами всё плыло, будто я, как было однажды в детстве, перегрелась на солнце. Ноги дрожали, и мурашки булавочными уколами бегали по загорелой коже, то покалывая и покусывая, то лаская невесомой щекоткой. Было и стыдно – будто на сцене, когда стоишь обнажённой перед сотнями зрителей. И вовсе не стыдно – как на необитаемом острове, куда не зайдёт ни один корабль... На какой-то миг мне вспомнился школьный друг, его поцелуи...

Но нет, губы Кико были совсем другими... Мне казалось, что я обедаю льдистым мороженым... Больше не могу... Но пусть ещё... ещё... Хотелось и плакать, и смеяться. Но ни улыбки, ни слёз не было... Это сон... Это сон? А как же жить дальше, если это только сон?

9.

Стояла предосенняя пора – предвестница бархатного сезона, когда мы в очередной раз поселились у тёти Ани. Но с погодой не везло. Облака пуховыми подушками разлеглись на простыне неба, то и дело меняющего свой цвет с серого на бледно-лазурный. Вопреки прогнозу, лил дождь, море штормило, только редкие смельчаки, подбегая, подныривали под волну и поспешно удирали, сверкая отполированными галькой пятками.

Дядя Ваню по-прежнему читал нам толстую книгу, и мы узнали, что в черте города в море впадают несколько рек – Жоэква, Гагрыпш, Аныхамца и Репруа, а к западу и юго-востоку находятся рощи пицундской сосны, что по количеству солнечных дней – 220 в году! – Гагра может соперничать с нашим Крымом и их Французской Ривьерой...

В комнатке, куда набивались приунывшие отдыхающие, было душно и влажно. Приходила и Софико, о чём-то шепталась с тётей Аней.

– Ты где теперь будешь учиться? – спросила она меня как-то раз.

– В институте. В педагогическом. Занятия уже в сентябре. А ты?

Она, будто не услышав моего вопроса, отвернулась и, крикнув неведомо кому «Иду! Уже иду!», умчалась прочь.

Я вспомнила, как раньше Софико, я и Кико, забавляясь, бегали наперегонки, на спор, кто быстрее, тогда даже птица-тройка могла отдыхать. Птица-тройка пришла мне на ум не случайно, потому что я по обыкновению перечитывала Гоголя и как раз добралась до истории, случившейся в городе Миргороде, до самого её конца, печально-трогательного: «Я ехал в дурное время... Стояла осень с своею грустно-сырою погодой, грязью и туманом... Сырость проняла меня насквозь. Опять то же поле, местами изрытое, чёрное, местами зеленеющее, мокрые галки и вороны, однообразный дождь, слезливое без просвету небо...»

Никаких ворон не было рядом со мной и в помине, но я их так ясно представляла, грязных, обязательно голодных, сидящих на заборе... «Хочу

домой, – сказала я сама себе, захлопывая книгу, – к воронам и галкам. И никакие павлины мне не нужны!»

Было грустно... Кико, встречи с которым я ждала целый год, учился на режиссёрских курсах и жил в Тбилиси у дяди.

10.

С деревьев гурьбой летели листья, будто природа раскладывала замысловатый пасьянс, а он всё никак не хотел сходиться. Мы вернулись с картошки, и пошла-побежала настоящая студенческая жизнь. В ту осень мне нравился Андрей. Учился он курсом старше, но мы пересекались с ним на занятиях литературного кружка. Андрей писал стихи, я – прозу.

Я ходила смотреть, как он играет в баскетбол, в школу, где он проходил педпрактику. Как собачка за хозяином, таскалась за ним в бильярдную, она располагалась далеко от центра, у чёрта на куличках, как сказала бы моя бабушка. «Карамболь», – неспешно говорил Андрей, и бильярдный шар, ударившись о другой, рикошетом сбивал третий. Я хлопала в ладоши...

Однажды Андрей пригласил меня на вечеринку. Она состоялась в общежитии, куда я приходила в гости уже не раз. Стол, в будние дни накрытый клеёнкой, был застелен скатертью, цветом и размером очень напоминавшей простыню. Вместо обычной сковородки с остывшей картошкой, пристроившейся на вчетверо сложенной газете, на нём стояли стаканы, бутылки, салаты в тарелках. Аппетитно пахло колбасой. Нас было три пары, кроме меня, все общежитские. «Раз вино на столе, надо его выпить», – сказал Костик и в дальнейшем обходились уже без тостов. Вино оказалось кислым, я пригубила и отставила. Девчонки лихо пили водку, как и ребята. Я восторженно смотрела на Андрея, он читал свои замечательные стихи, обращаясь, как мне казалось, только ко мне... Я впитывала их, как в мои детские годы промокашка впитывала чернильные кляксы, нечаянно посаженные в тетрадку. «Прямо как Есенин», – сказала одна девчонка, и я исподлобья посмотрела на неё, да как она смеет что-то говорить о моём Андрее...

Надо сказать, что у нас в семье не было любителей выпить. Ну, разве только дедушка, вернувшись из командировки в район с поразительно красным лицом, «добавлял» стопку-другую «беленькой» из чекушки, которой снабдило его на дорожку предусмотрительное колхозное или совхозное начальство. Заедал он напиток жирными щами с внушительным куском мяса и ложился спать. Через час-другой он вставал, свежий, как огурчик с грядки, и уезжал в редакцию в битком набитом автобусе. На следующий день его заметка о передовом хозяйстве стояла на первой полосе.

Стульев всем не хватило, и мы с Андреем сидели на кровати. Он прижимался ко мне жарким боком. Я тоже старалась пододвинуться ещё ближе. «А налейте и мне водки», – неожиданно сказала я, когда в очередной раз услышала зарифмованные Андреем «люблю», «дорогая», «родная»... Потом

он читал мне Маяковского: «Ночь обложила небо звёздной данью...» и опять что-то шептал... шептал... неожиданное... ласковое...

От никогда не пробованной водки я быстро опьянела. Не заметила, как деликатно испарились из комнаты другие пары... Потом Андрей притянул меня к себе... Посреди объятий, сладко волновавших, волшебным образом промелькнуло в памяти лицо Кико. И исчезло. Так пропадает, уйдя в тень, солнечный зайчик, пойманный зеркальцем... Мы целовались... Но не перешли зыбкую грань между влюблённостью и телесным обладанием.

Дома (Андрей довёз меня на такси) мне стало совсем плохо. Тошнило немилосердно. Бабушка испугалась, что внучка заболела (она, конечно, и помыслить не могла, что я пила водку!). Меня уложили в постель, но я ещё долго среди ночи сидела в обнимку с унитазом... С тех пор я никогда не брала в рот водку. Ни капли. Да и поддержать компанию рюмкой чего-то другого не умела, признаться, это часто выходило мне боком...

11.

Поезд поплз в туннель. В купе включили свет, и мы вышли в коридор. Я прижалась к плечу мужа, мы поцеловались – уже привычно, ведь со дня нашей свадьбы прошёл целый год.

– Знаешь, – сказала я, продолжая прерванный разговор, – моё детство пахнет постным маслом, с дивным ароматом жареных семечек. Его продавали в розлив, и нужно было приходить в магазин со своей бутылкой, а потом осторожно, чтобы не пролить, нести её домой в дырчатой авоське, бережно заткнув обрывком газеты, свернутым трубочкой. И свежеевыстиранным, с морозца, бельём, отбелённым в выварке, подсинённым и подкрахмаленным до хруста, со следами деревянных прищепок на простынях и наволочках. И пузатыми, переспевшими, готовыми лопнуть, выпустив сок, бордово-тёмными ягодами крыжовника, который бабушка называла рязанским виноградом. И луговой земляникой, не утерпев, мы ели её прямо с ладони, немытую. И щавелевыми щами на крепком мясном бульоне, с кусочками жёлто-белого яичка и духмяными махрушками свежего укропа. И парным молоком, я его до тошноты не любила, но пила, давась, чтобы не обидеть деревенских родственников из Слободки, куда мы не часто, но ездили на поезде, прозванном «малашкой». И ещё морем, куда возили меня мама с папой... Когда я была маленькой, я боялась туннелей, как страшную сказку, и папа всегда брал меня к себе на колени, а я всё равно закрывала глаза. Но я любила дорогу... Да, любила. Море за окном всегда появлялось неожиданно. Сначала маленькая светлая полоска вдали. Потом голубая – вблизи, горячая даже на взгляд. Иногда поезд останавливался на каком-то разъезде, и, представляешь, мы мчались через рельсы к морю, будто за нами рой пчёл гнался: пассажиры, проводники, машинист. Мы успевали искупаться, конечно, наскоро, наспех. И опять – по насыпи, по рельсам – в душный вагон...

Домашние припасы кончались быстро, в поезде почему-то всегда хочется есть. На станциях мы покупали варёную молодую картошку, ещё тёплую, малосольные огурцы, черешню в газетных кулёчках...

12.

...В Гагру мы приехали ранним утром. Выгрузили чемодан, сумки. Автобус домчал нас почти до базара. Рядом с ним – как и прежде – дом тётки Ани. На скрип калитки выходит по дорожке она сама, как всегда, в чёрной юбке и тёмной кофте, несмотря на жару, застёгнутой до горла.

Я с ней расцеловалась...

– Вот. Решили отдохнуть. Примете? – сказала я и огляделась окрест.

Всё было узнаваемо: к забору, ласкаясь, прижимались белые мелкие розочки – очень колкие, беспорядочно переплетались, стараясь отхватить себе места побольше воздушные стебли плюща и разлапистый дикий виноград, бледно-фиолетовые цветочки клематиса казались капельками чернил, нечаянно пролитых на кудрявую зелень. Дорожки расчищены. Цветник ухожен. Крошечный фонтанчик, который устроил когда-то для нас с Кико дядя Ваню, по-прежнему стекал в голубую каплю бассейна...

– Кико, – закричала тётка Аня, – смотри, кто приехал!

– Здравствуй, – вежливо говорит Кико мне, бросив, будто невзначай, приметливый взгляд на стоящего рядом со мной незнакомца.

– Здравствуй, – так же вежливо отвечаю я. – Познакомься, это мой муж.

Мужчины пожимают друг другу руки.

– Представляешь, Кико, приехали, а у нас всё занято, – горестно вздыхает тётка Аня. – Отдыхающие. И ты вот с друзьями. Даже в летней кухне раскладушки стоят. Самый сезон... Если только освободить верандочку, но может пойти дождь, да и холодно ночью... Устроит вас веранда?

– Веранда? – я смотрю на Кико, он – на меня...

Неловкую паузу прерывает мой муж: «Спасибо. Большое спасибо. Но мы с женой не хотели бы вас стеснять...»

– Наши соседи сдают жильё, – слышится женский голос.

Это Софико. Я и не заметила, как она подошла. И остановилась рядом с Кико.

...Ничто не проходит так быстро, как отпускные дни. Настала и нам пора уезжать. Пошли на базар купить фруктов на дорогу и встретили тётку Аню.

– Не захотели к нам перебраться? – спросила она немного обиженно.

– Не захотели? – удивилась я.

– Ну, я же посылала Софико сказать вам, что комнаты освободились.

На следующий день, как вы приходили, Кико с друзьями неожиданно уехал, сказал нам с Ваню, что у него что-то срочное возникло. Кико, он же филь-

мы снимает. Кто бы подумал, да? Ваню не нравится, несерьёзное, считает, занятие для мужчины. Они всё тут с ним спорили... Уехал... Софико с собой не взял... А она так хотела. Софико однажды к нему в Тбилиси ездила. Надеялись, что женой вернётся, а она всё в невестах... какой уж год... А вам, значит, у тех хозяев больше понравилось...

13.

Мы ещё несколько раз порывались поехать в Гагру. Но не выходило. А потом уже и пытаться было не к чему. Туда пришла война. Грузино-абхазский конфликт разрастался... Трудно, невозможно было представить, что бои идут на побережье ласкового моря, в старом парке, в горах... С болью думалось: уцелел ли домик тёти Ани? Живы ли они с дядей Ваню? Где их сыновья?

Мы жили тогда на крошечном клочочке земли, именуемом «губой» и мало приспособленном для человеческого обитания. И от ближайшего маленького городка, и от небольшого города нас отделяла вода, вода, вода... Кругом вода...

Транзистор больше хрипел, чем передавал станции. Телевизора не было и в помине. Вся радость – возвращение мужа со службы с кипой газет трёхдневной, а то и недельной давности. Спасибо, что со мной были книги. Гоголь, Чехов, Грибоедов... Когда я перечитывала «Горе от ума», всякий раз спотыкалась на словах Фамусова о московских барышнях: «К военным людям так и льнут, а потому, что патриотки». Раньше я воспринимала это «патриотки» с иронией, а теперь – с пониманием. Я вообще думала тогда (и думаю сейчас), что напрасно неистовый Виссарион Белинский и многочисленные его последователи-критики, а вслед за ними и школьные учителя столь рьяно «разбирали по косточкам» литературные персонажи, порождая тем самым стереотипы. А что если авторы вложили в них совсем иной смысл? Впрочем, вряд ли эти рассуждения понравились бы моим институтским преподавателям русской словесности, пожалуй, только Элле Викторовне...

– А я привёз тебе журнал, – сказал мне как-то поздним вечером муж, снимая шинель.

Журнал был мне незнаком и назывался «Киноман», тогда как раз отмечался бум печатной продукции на все вкусы: для умных, тупых и не совсем...

После ужина я стала листать страницы... Потом вернулась к колонке новостей: «Главный приз Ассоциации продюсеров Каннского фестиваля – «Золотое яблоко» завоевала лента французского режиссёра Кико Кикнадзе «Грустная жара августа». Кико Кикнадзе годом раньше уже получал главный приз за лучший сценарий фильма «Она сказала «нет», им же и снятого. Кикнадзе, позиционирующий себя как французский режиссёр, как нам

стало известно, имеет двойное гражданство. Человек закрытый, он не даёт интервью и отказывается от комментариев. Но на этот раз он сделал исключение и дал интервью французскому журналу «Grand». В следующем номере и наши читатели смогут с ним познакомиться...»

Заметку дополнял снимок, не очень чёткий, на нём, как явствовало из подписи, Кико Кикнадзе был снят в момент вручения блистательной награды. Я взгляделась... Забарабанило в висках, сердце зачастило, потом пропустило удар, жар прилил к щекам. Похож? Нет! Или да?

– А следующий номер? Почему ты не купил следующий? – я старалась говорить спокойно.

– Так октябрьского-то ещё не было, – удивленно ответил муж.

14.

Прошло шесть лет. Север остался позади. На жизнь-бытьё нас приняла средняя полоса России с её благословенным умеренным климатом. Город был провинциальным, но столица – в трёх часах езды...

Моя первая книга рассказов получила тёплые отзывы читателей. В областной газете появилась добрая рецензия. Я продолжила, и свет увидела повесть...

Иногда я возвращалась мыслями в прошлое, погружалась в него, как в туман... Все журналы приходили на почту в единственном экземпляре, но я не волновалась, что кто-то купит октябрьский номер «Киномана»: муж попросил киоскёршу отложить его для нас, подкупив её шоколадкой. И уже числа с десятого октября я каждый вечер встречала мужа вопросом «Купил?» Но, увы, «Киноман» в продажу так и не поступил. Тогда многие солидные издания, не говоря уж об ангажированных таблоидах, нахлебавшись экономической неразберихи, умирали на корню.

– Расстроилась? – спросил муж.

Я ничего не ответила...

...Постепенно я перестала держаться за это прошлое. Я поняла, что воспоминания противопоказаны, как антибиотики при лёгкой простуде, и они гасли, разлетались, как пушинки одуванчика, уступая место сегодняшнему дню. В него я ныряла с головой – иногда как в омут, чаще – как в тихую речку...

В палисадниках старых домишек с расписными наличниками, выгоревшими от времени, цвела сирень – пушисто-махровая, тёмно-фиолетовая, как подступающие сумерки. Окна были заставлены припозднившейся рассадой, иногда оживляемой любопытной кошачьей мордочкой. По утрам я выходила на прогулку и, любуясь этими скромными картинками, возвращающими меня в детство, забредала на блошинный рынок, в выходные дни он собирался в низине у почтамта. Мне нравилось ходить по рядам, заполненным старыми вещами.

Я заприметила двух старушек, обе они торговали кружевными вещами ручной работы, но не видели, как видно, друг в друге соперниц и переговаривались вполне дружелюбно. Рассматривая нитяные воротнички, я становилась невольной слушательницей их разговоров. Одна всё жаловалась, что в поликлинике от неё отмахиваются. «Выходит, – рассказывала она, – дома я пенсионерка, и там болит, и это прихватывает, а у врачей – пионерка, давление намеривают нормальное, хоть в космос лети». «Хорошо иметь своего врача, – отзывалась другая, – вот я внучке советую в мед идти, а дочь против, копейки, мол, медикам платят. А я возражаю, что выгоды она своей не понимает, заболит – дочка всегда вылечит, а она мне: «Я здоровая». «Так заболешь», – говорю ей.

На выходе дед в камуфляжной фуражке продавал подержанные книги и старые журналы. С обложек «Советского экрана» загадочно улыбались забытые звёзды, которые, казалось, не должны были погаснуть вовек. Но нет, их забыли. На смену тихой сапой пришли однодневки-звездочки, подпитываемые богатенькими продюсерами, им ничего не стоило сняться топless или обнажёнными полностью, при этом упиваясь своей раскованностью, ещё недавно именовавшейся приличными людьми совсем по-иному.

Однажды среди уже примелькавшихся журналов я увидела знакомую обложку «Киномана». Нашёлся и нужный номер... Я раскрыла его тут же, присев на первую попавшуюся лавочку, забыв смахнуть с неё пыль. И стала читать...

«– Кико, Вы уехали из России в середине девяностых. Почему?»

– Кинематограф рухнул. Я не был ни самоубийцей-одиначкой, ни фанатом.

– Вас не прельщала демократия?

– Нет. «Люди холопского звания сущие псы иногда. Чем тяжелей наказание, тем им милей господя». Написано Некрасовым. Русским поэтом. В девятнадцатом веке.

– Это чревато... конфликтом.

– Конфликт всегда носит личный характер. Я не признаю конфликта с государством. Мне больно, когда я слышу нытьё: «Да что это за страна? Хуже нет».

– Вам всё нравится в себе?

– Герой Льва Толстого задавался вопросом «Если бы я был не я, а другой человек – лучше, умнее, красивей...» Это участь интеллигенции: метаться, путаться, ошибаться, начинать и бросать, вновь начинать. Прав Толстой: равнодушие есть душевная подлость. Меня и в юности, и до сего времени сомнения одолевают: вот день прошёл, вот прошёл ещё один этап жизни. Что сделал? Начинаешь подводить итоги. Говоришь себе, что мог бы больше... это страшно.

– Рассказывают, что вы очень независимо поступили в ситуации,

когда на советской киностудии решали вопрос о возможности запуска в производство вашей картины.

– Худсовет был сплошь коммунистическим. Встал один деятель и говорит: «У нашего товарища идеология хромает. Можно ли ему доверять? Остальные – большинство – опустили головы. Потом началось обсуждение... Я сидел и думал: «И какую картину эти люди дадут мне снять?» И я встал, отодвинул стул ногой и сказал: «Так... я с вами кино снимать не буду». И ушёл...

– Режиссёры сейчас стараются снять длинное кино – серийное. А у вас истории довольно короткие, на час просмотра, не больше.

– Антон Павлович Чехов, большой русский талант, считал, что, написав рассказ, нужно вычеркнуть из него начало и конец. Именно там, говорил он, больше всего вранья... Я так поступаю со сценариями.

– Финалы ваших фильмов, как правило, довольно жестоки. Включившись в любовную историю, зритель ждёт если не комедию, то мелодраму, а у вас – драма.

– Я сознательно не снимаю... лимонадно.

– Кинокритики определяют ваш стиль как винтажный... Вы согласны?

– Скорее нет, чем да... Винтажный... Модное слово... Насколько мне известно, обозначает эксклюзивность, раритет.

– Невозможность подражания...

– Ну, подражатели всегда найдутся...

– Мне видится, что вы не приверженец артхаусного кино.

– У вас хорошее зрение... Я скажу: «Нет» Но если вы считаете по-другому, давайте обсудим ваше мнение.

– Нет-нет, мне достаточно вашего ответа. С вашего позволения поинтересуюсь, как долго вы выбираете актрис на главные роли?

– Долго... Антону Павловичу Чехову принадлежит фраза: «Когда бездарная актриса ест куропатку, мне жаль куропатку»... Это не ирония, это реализм. На роль Кармен пробовались многие – известные и начинающие. Мадемуазель Брейён была похожа более других на ту, которую я хотел увидеть.

– Ваши фильмы полны лирики. Вы любите стихи?

– Стихи – грамматика ума.

– Кикнадзе – это ваша настоящая фамилия?

– Нет.

– Псевдоним?

– Да.

– Почему такой?

– Он созвучен моему имени. Имя настоящее.

– Но почему всё-таки псевдоним?

– Я взял его, будучи никому не известным режиссёром в маленьком тбилисском театре. Я пробовал снимать кино, но у меня долго ничего

не выходило. И я решил, зачем подставлять родовое имя, если я неудачник? У меня был тогда такой характер – осмотнительно-охлаждённый.

– Осмотнительно-охлаждённый... Тонко сказано.

– Но не мной. Это о Чичикове.

– Чичиков – это... кто?

– Вы не знакомы с русской литературой? Это Гоголь... Павел Иванович Чичиков. Одно время я очень хотел поставить «Мёртвые души».

– Что же вам помешало?

– Не нашёл артистки на роль Коробочки... Шучу, конечно... Просто не сложилось. Не дорос ещё, наверное... Будете публиковать, «наверное» убедите, просто: «не дорос».

– Вы человек закрытый... В вашей биографии много белых пятен...

– В моей биографии нет белых пятен. Есть белые пятна в вашем восприятии моей биографии.

– Кико... Вы сильная личность, уверены в себе... Но я, кажется, понимаю, почему многие считают вас неудобным собеседником, ершистым... Легенды ходят о вашем непростом характере, крутом нраве...

– Творческий человек не бывает гладким, как яичко из-под курочки, он всегда шероховат – по определению.

– Где вы родились?

– В маленьком курортном городке.

– Это...

– Это маленький курортный городок. По крайней мере, он был таким, в моём детстве и юности.

– Ваш отец, насколько известно, грузин. А мама?

– Русская. И её родители тоже. По линии отца бабушка абхазка, дед – грузин. Но не в том суть... Тогда мы жили все в одной стране.

– Грузия изменилась, вы следите за этими изменениями? Вы готовы их принять из французского далёка?

– Нет. Есть такой анекдот. Молодой человек строит карьеру. Прошёл тестирование. «Тест показал, что вам нельзя заниматься политикой», – сообщают ему. «Жаль», – сокрушается юноша. «Не расстраивайтесь, – успокаивают его, – значит, вы честный человек».

– Что для вас первая любовь?

– Первая любовь... Она... Трудно объяснить...

– Париж стоит мессы?

– Вы мыслите стандартно.

– В ваших ответах часты «нет».

– Такова жизнь. Не согласны?

– Ну...

– Часто говоришь «нет», когда хочется «да».

- А, простите за нескромность, приходилось ли вам слышать «нет» от женщины?
- От девушки...
- Ваш фильм «Она сказала «нет» имеет к этому отношение?
- Без комментариев.
- Место вашего рождения – это Грузия? Абхазия? Дайте подсказку!
- Подсказку? Мой родной город мог бы соперничать с Французской Ривьерой. Так было написано в одной книге...»

15.

...Новорождённый год отмечал свое первое утро. За окном – ни одной знакомой дорожки, только сугробы. Знатная метель, видно, покуролесила. Но я её не заметила. Мигала огоньками ёлка, недопитое вино белело сквозь хрустальные грани бокала, подсыхали закуски, и салат покрывался корочкой с капельками оранжевых икринок... Я перелистывала страницы любимой книги. «Три сестры» Чехова, пьеса, в которой «все просто встают и уходят, и выходят навек из игры» – моя верная спутница в новогоднюю ночь.

Я ещё не знала, что, когда хмурым облаком унесётся вдаль февраль – кривые дороги и придёт весна, мне подарят с пожеланием счастья маленькую книжечку, и там будут такие слова:

Любовь, как на листе пунктир.

Двух линий пересечение.

Любовь, как отражённый мир.

Двух судеб непредназначение.

И я выучу это четверостишие наизусть...

Ещё не раз перечитаю я интервью знаменитого Кикнадзе. Не раз всмотрюсь и в фотографию, узнавая тёмно-блестящие глаза Кико, в самой глубине которых по-прежнему таится грусть... Забыть пора... Не помнить – невозможно...

РАССКАЗЫ

ГЛУХАЯ ПОРА ЛИСТОПАДА

За окном, за светлым тюлем, бледно синело. Ночь не торопилась сдавать вахту дню. Я отложила книгу и вышла в сад. С деревьев капало, как из простуженного носа. Ветер играл ветками, то разбрасывая их поодиночке, то сгребая в кучу. Падали яблоки, с характерным стуком ударяясь о землю. Чмок... чмок... чмок... – звук напоминал неумелый поцелуй, невинный – в щёчку. Пахло осенью, прелым отжившим листом, зелёной желтобоко блестящей антоновкой... Я ловила себя на мысли, что всякий раз, прочитав у Чехова, как барон Николай Тузенбах говорит Ирине Прозоровой: «Сколько лет нам осталось впереди, длинный, длинный ряд дней, полных моей любви к вам», оживают картинки моего прошлого, будто фотографии в стиле «ню», не стыдясь, приоткрывают свои прелести...

...Тогда мы закрыли двери за маем с отцветшими ландышами и вступили в июнь, волнующе пахнувший жасмином. И я собралась в свою первую журналистскую командировку в район... За окном автобуса плыл незамысловатый пейзаж, будто скопированный с картины любителя-примитивиста. Мокрые ромашки, умытые дождём, казались растрёпанными от избытка воды, они блестели и сиротливо жалась к обочинам... По идее, нужно было думать о том, что ждёт меня впереди, а я возвращалась мыслями во вчерашний день...

Он учился двумя курсами старше. Был красив по меркам юных студенток. Но никакого романа лично у меня с ним не случилось, хотя он мне нравился. И вдруг иду мимо филармонии, смотрю: Женя. Немного постаревший, но всё ещё хорош: тот же блеск синих глаз, тёмные волосы стильно подстрижены. Он меня сразу узнал и галантно заметил, что я совсем не изменилась. «Привет-привет, как дела?» – мы зашли в скверик, сели на лавочку и проговорили целый час. Вспомнили, как играли в одном спектакле в любительской постановке... Как я читала на студенческом вечере стихи тогдашнего нашего кумира – Андрея Вознесенского про партийную школу под Парижем – в Лонжюмо. Оказалось, что Женька меня тогда уже заметил, но посчитал девочкой-недотрогой с железными принципами (я была комсоргом группы), а вокруг вилось столько более доступных барышень. В общем, не сложилось... тогда...

Я не удивилась, когда, прощаясь, Женя пригласил меня на свидание... Даже загорелась... Но быстро остыла: любовь без любви – зачем? В назначенный день и час я упорно надеялась, что нашей встрече что-нибудь да помешает. Увы...

Мы неловко ткнулись губами и щеками, изобразив поцелуй. Женя хватко взял меня под руку. Я вяло улыбнулась, он подмигнул мне, мол, у

меня тоже, детка, хорошее настроение.

Он открыл дверь ключом, я наклонилась, чтобы скинуть обувь, но он подхватил меня на руки и внёс в комнату, опустив прямо на ковёр. Ковёр был пушистый, но потрёпанный. Наверное, мы были не первой парой, облюбовавшей его. Женя пристроился рядом, и так мы просидели молча несколько минут. «Ну и ситуация», – подумала я и огляделась. На журнальном столике, разумеется, не было журналов, но стоял дежурный презент – букет ярко-красных пролетарских гвоздик.

Я поднялась на ноги, стараясь сделать это поизящнее. Женя потянулся следом. В результате нестыковки мы больно стукнулись лбами. Меня раздражал запах его одеколона – агрессивно-терпкий. Он с успехом перебил мои тонкие духи и щекотал нос. Страшно хотелось чихнуть...

– Детка, – сказал Женя, когда мы пересели на диван, – я хочу, чтобы на тебе сегодня осталась только вот эта цепочка.

Он коснулся моей шеи, рука поползла вниз... Он улыбался, а глаза его раздевали меня: аккуратно расстёгивали пуговички на блузке, стягивали узкую юбку и то, что под ней... Он был весь такой спортивно-подтянутый, явно сдвинутый на здоровом образе жизни. Я легко могла представить его на обязательной утренней пробежке по аллеям Рюминой рощи и после – на кухне – за тарелкой овсяных хлопьев, залитых отфильтрованной водой, и чашкой кофе без кофеина.

– А не выпить ли нам прежде кофе? – мягко отведя его руку, ухватилась я за спасительную мысль.

– Кофе? Прежде чем... Проказница... Хочешь меня подогреть... Ты пойдёшь со мной на кухню?

– Нет, я подожду тебя здесь, – я ещё больше ослабила узел его пижонского галстука, взъерошила волосы и поцеловала в щёку. Потом театрально откинулась на подушку, стараясь улыбнуться как можно сексуальнее.

Услышав, что хозяин загремел посудой, я, как тать в ночи, сгребла свою сумочку, прокралась в коридор... Замок поддался сразу... Прощай, старый друг, который, если верить пословице, лучше новых двух... Продолжения банкета не будет

Но оно неожиданно случилось. Мы столкнулись с Женей на фуршете, куда я попала случайно, заменив заболевшего коллегу, пишущего на культурные темы. Он подошёл ко мне с лёгкой улыбкой и, протягивая бокал шипучего шампанского, отдающего примитивной газировкой, прошептал:

– Детка, забавно ты меня продинамила.

Я отпила глоток тёплого пойла.

– Приятно, что ты не воспринял комедию как драму. Я ценю чувство юмора в мужчинах, особенно в таких, как ты, – не в моём вкусе лощёных.

– Предпочитаешь чёрный хлеб белому? – поддел он меня.

– Ага, – ответила я, возвратив ему улыбку.

На том мы и расстались...

Мы живём во времени, подчинённом часовой стрелке-судьбе. Прошло ещё несколько лет, и я вышла замуж. Брак мой оказался неудачным, но мы с мужем, заложники типичной ошибки многих семей, сохраняли наши вялые отношения ради подрастающей дочери. И я чувствовала себя одинокой берёзкой, горестно стоящей посреди поля. От грустных мыслей спасала работа.

...Осеннее солнце желтовато-крупной жемчужиной зависло в небе. В представлении древних греков части мира хаотично носятся в пространстве. Но кто-то ведь придал этому усталому золотому светилу совершенную гармонию с сочным воздухом сентября, с ярко-красно-жёлтым листопадом, с намокшей землёй, неспешно готовящейся к долгой спячке, чтобы потом, после зимы, прорасти травой, такой ожидаемой, но и такой неожиданной. Каждый день – как страница книги, открываешь наугад и читаешь, боясь пропустить строчку...

Прогнав задумчивость и оторвав взгляд от забрызганного дождём окна, я посмотрела на собеседника и, продолжая разговор, сказала, вздохнув:

– Не помню, где я прочитала, что главный редактор – это человек, в чьи обязанности входит отделять зёрна от плевел и следить за тем, чтобы печатались плевелы. Какое счастье, что я всего лишь корреспондент и мне не нужно в зависимости от обстоятельств менять фрак искренности на лакейский сюртук. А обстоятельств этих так много, и они – отнюдь не единственные складки на ткани журналистского счастья...

– Логично. И одна из складок, смею предположить, это интервью подобного рода с подобными мне... экземплярами... Ещё раз прошу извинить, что отвлёкся на телефон. Итак, что вас интересует?

– Вы, конечно.

– Я?

– Вы. У нас ведь не производственное интервью, а... мужской взгляд на женские проблемы. Для семейной странички. И мой первый вопрос: «Какой видится вам современная женщина?»

– Во многих случаях – легко доступной... Мужчина устроен так, что его волнует белая полоска кожи между длинным подолом платья и туфелькой, а не, простите за прямоту, просвечивающая насквозь юбка.

Он взял из стопки лист бумаги, умело сложил из него премиленькую птичку и подтолкнул через стол ко мне: – Это вам... маленький пусячок... на память...

– Спасибо. Возьму для дочки... Скажите, Александр Сергеевич, почему у вас на столе нет фотографии жены и детей?

– Рабочий кабинет – не личные апартаменты. Я так считаю. Хотя, знаю, что многие придерживаются противоположного мнения... Но семей-

ные фотографии для них лишь модный атрибут... Я не хочу быть рабом атрибутов... Уважаю таинство чувств... И мужчины, и женщины... В старину целомудренные девственницы свои мечты о счастье вплетали в кружевные узоры...

– Вы бы ещё «Домострой» вспомнили, когда девушкам надлежало в послушании ходить, не свою волю иметь. На дворе всё-таки не шестнадцатый век... Ну а если серьёзно – о женщинах?

– Всю жизнь стою перед женщинами по стойке «смирно!»: во внешнем виде, в разговоре. Женщина – это тонкий инструмент, пожалуй, главный подарок в этой жизни.

...Вечер подкрался незаметно. Тихие сумерки без единого ветерка робко опустились на подкрашенное лицо города, смывая с него дневной грим, чтобы наложить вечерний – яркий, глянцевого, рекламный.

Мы вышли на улицу. Александр Сергеевич, открыв дверцу машины, пошутил: «Кто заказывал такси на Дубровку?» – фразой из культовой комедии. И предложил меня подвезти, я отказалась, тогда мы пошли пешком. Мы ещё не знали, что наша короткая встреча затянется на много лет. Фальшивые друзья и подруги (к счастью, немногочисленные), узнавшие про наш роман, будут втайне злословить. И лишь когда у каждого из нас свои дети станут взрослыми, мы станем жить вместе открыто, но по старой привычке не афишируя наши отношения. Потом поженимся в день моего рождения – в глухую пору листопада. Штампы в паспортах не прибавят и не убавят нашей любви... Но до той поры один век успеет перетечь в другой...

А пока мы сидим на скамейке под прикрытием сгустившейся тьмы в каком-то дворике, куда забрели, не сговариваясь, и смотрим, как на траву у наших ног пушинками снега облетают лепестки одинокой вишни, неизвестно как уцелевшей в городском бедламе. Иногда, будто невзначай, его пальцы ложатся на мою ладонь. Я убираю руку... Но не сразу.

Мы сидим и разговариваем. О том, что сейчас пишущая братия тяготеет к непонятным терминам и иноязычным словам – как древние жрецы к заклинаниям. Что профессиональные журналисты доносят до читателей все точки зрения, а непрофессионалы – всего одну... Я слушаю Александра Сергеевича и думаю, что мне не хватало дружеских отношений с мужчинами, у меня их никогда не было... С тех пор мы стали изредка встречаться, и со временем я поняла, что он видит наши встречи по-другому, нежели я. И мы пошли этой тайной тропинкой через чашу чувств – тропинкой в густом лесу, дарящей надежду заблудившемуся, только что кричавшему «ау!», которого никто не слышал...

Его имя шло моим губам, лёгкое и круглое, как мячик: «Саша...» Мне нравилось, когда он лицом суматошно зарывался в мои волосы, запутываясь в них, шептал, какие они длинные и мягкие, и холодок пробежал вдоль позвоночника, откликаясь на ласку. Мне нравилось, когда он целовал меня,

и моё тело вбирало в себя его нежность и страстность, и когда читал Гумилёва, и я повторяла за ним строчку за строчкой: «Ах! Бог любви, загадочный поэт, вас наградил совсем особой меткой, и нет таких, как вы...» Каждая минута свидания была на счету, тянула на вес золота...

...Куст перезревшего шиповника рубиновым пятном выделялся на зелёной скатерти пейзажа. Потом пошли сосны, ели... Очередная командировка вела меня в незнакомые места. Попутчики подсказали, где лучше выйти, чтобы пройти в школу. Школа была сельская. Старая-престарая, но чистенькая, как игрушка из магазина. Пахло масляной краской. В малюсенькой учительской на столе стояла глубокая тарелка с яблоками.

– Из нашего сада, – сказал директор и добавил: – Кушайте. Они мытые.

– Вячеслав Павлович, – спросила я, хрустя яблоком, – а почему ваша местность так называется?

– Так всё же просто: мы живём за бором.

– Сейчас он вам порасскажет, краеведение его любимый конёк, – выдала прогноз жена директора, она преподавала русский язык и литературу.

– В давние времена жил в Заборье старик Требухин, – видя мою заинтересованность, продолжил директор. – И такой имел он неуживчивый характер – спасу никому не было. Куда ни пойдёт – с любым разругается. Да с ним уж никто и разговаривать не решался. «Надоели вы мне все, – сказал он как-то сельчанам, – уйду от вас». И ушёл, и жить стал одиночкой, и домишко поставил недалеко от Заборья, на отшибе. С тех пор место то Требухино прозывают... Ой, заговорил я вас совсем... А вы ведь с утра, наверное, не кушали... Тяжела ваша журналистская доля... Пойдёмте к нам – мы тут недалеко живём, обедать. Борщом вас накормим.

С серого неба срывались капли дождя. Потом полило погуще – как из лейки. А когда я вернулась в город, ливень всюду заливал неровно укатанный гастарбайтерами асфальт, тротуар тут же запузыривался лужами, плодившимися, как колдовские озёра. У забитой мусором ливнёвки напротив торгового центра, заменившего Дом быта советской эпохи, они разливались в широкое море. Шофёры лихо ныряли в его глубину, топя машины, и с диковатым видом, высунувшись в окна, оглядывали окрестности временной Венеции, сладострастно обдавая грязным фонтаном брызг безвинных прохожих... И день, проведённый в Заборье, вспоминался мне как сказка...

...Весь декабрь дождь ворчливо шептался с ветром, и только в канун января зима вспомнила о своих обязанностях и завалила снегом. На ёлочных базарах прописались пушистые и колкие деревца, срубленные для недолгого увеселения. Радостно пахло мандаринами, продавщицы супермаркетов, нарядившиеся Снегурочками, сноровисто укладывали в фирменные пакеты бутылки шампанского – от самого дешёвого до эксклюзивно дорогого.

Ослепительно звёздная ночь обещала холодный день. Утром город

окунулся в метель. Закутался в неё, как в тёплое одеяло. Крыши домов, казалось, примеряли белые шапки, а улицы укрывались шубами, мягкими и пушистыми. Но к полудню потеплело, падали, тая, редкие снежинки, и тротуар быстро стал мокрым, скользким. Пробираясь по нерасчищенной дороге мимо очереди магазинов, взявших улицу в полон, к редакции, я оживляла в памяти пастернаковские строки, дивно подходившие к моему настроению:

*Опять эти белые мухи,
И крыши, и святочный дед,
И трубы, и лес лопухий
Шутом маскарадным одет...*

Дни пролетали, как снежинки за окном. Долгожданным гостем пришёл к нам Новый год. На праздничной неделе Саша пригласил меня в гости к другу-компаньону.

– Так к другу? Или к компаньону? – уточнила я.

– В нашем бизнесе очень часто это слова-синонимы, – серьёзно ответил он мне, но его глаза смеялись.

– А знаешь ли ты, Саша, что Чехов хотел назвать свою пьесу «Вишнёвый сад», с ударением на первом слоге, но передумал.

– Почему?

– Посчитал, что это как-то по-купечески звучит. А «Вишнёвый сад» – это сентиментально и романтично, ведь и Раневская, и её брат были ему симпатичны. Подозреваю, что даже больше, чем Лопухин с его куплей-продажей.

Когда я увидела особняк с готическими башенками, открытым балконом, затейливо окаймлявшим второй этаж по периметру, с мансардой, в которую упирались голубые ели, то подумала: «Сюда бы клипмейкеров, мигом бы «настрогали нетленку». В стерильно-просторном холле висели картины на бесконечные цветочные темы, преобладали страшенькие розочки, будто перекочевавшие сюда с кондитерского торта из второсортной кофейни. Из общего тона выбивалась только «Сирень» Петра Кончаловского, копия была явно талантливая. А в гостиной, куда нас проводил заботливый хозяин, поражал своими размерами диван, не банально кожаный, а белоснежно шёлковый, и в тон ему стеганные атласом стены.

– В мезонине у нас зимний сад, – сказала хозяйка, дама примерно моего возраста с неправильными чертами грубоватого, но ухоженного лица, прелесть которому придавали тёмные, как черносливины, немного раскосые глаза. От неё волнующе пахло, и я узнала этот тонкий аромат с пикантной ноткой ландыша – «Diorissimo» от Kristian Dior, флакончик этих духов дарил мне Саша на Новый год. Я обрадовалась: на месте Нины Сергеевны (так звали хозяйку) могла оказаться юная длинноногая Барби, увешанная брюликами.

Дальнейшее было узнаваемо: золотой «ролекс» на руке хозяина, зажигалка «картье» на серебряном подносе. Трубка с душистым табаком «Кэптэн Блэк» – для мужчин. И, разумеется, выдержанный, с карминовым оттенком в мягком свете светильника, претендующего на эксклюзивность, коньяк. А для дам – чай в тонком фарфоре, разрисованном райскими птицами, крошечные пирожные-корзиночки, заполненные шоколадом, и лимонное суфле, политое тёмным гранатовым соком.

Длинноногая Барби с безвкусно крупным бриллиантом на тонком пальце, с бровями, будто нарисованными кисточкой, в джинсах скинни и шёлковой блузке с бантом всё же появилась в тот вечер. Она оказалась дочерью Юрия Петровича и Нины Сергеевны.

– Наша Лиза учится в Гуманитарном университете, – сказал её отец.

– А вы ведь, кажется, работаете в газете? – спросила меня хозяйка.

Я кивнула.

– Лизонька, поговори с нашей милой гостьей. Спроси совета.

Мы с Лизой уединились для приватной беседы в библиотеке.

– Чем тебя прельщает журналистика?

– Ну... мне нравятся ведущие новостей.

– Так ведущие или журналистика? – улыбнулась я.

Девушка не приняла улыбку.

– Телевидение и газета – это, Лиза, несколько разные вещи.

– Да, я слышала, что журналиста кормят ноги, – блеснула девушка своими познаниями. – Но если приходится много ходить, можно одеть ба-летки, они без каблучков.

– Надеть, – машинально поправила я... – Кстати, а как у тебя с русским языком?

– Зачёт сдала. По экзамену – удовлетворительно.

– То есть не очень... – осторожно констатировала я.

– А зачем очень?

...Когда мы уезжали, ветер, крепчая, разрывал шторку неба в клочья. Лиза провожать нас не вышла. Саша и раньше водил меня в компании, представляя по имени-отчеству с обязательной приставкой: «моя знакомая журналистка». Несмотря на эту хитрость и взаимное обращение на «вы», по взглядам мужчин я чувствовала, что они угадывают в нас любовников. Как-то раз, когда май щедрой рукой уже разбросал листочки и зажелтил траву одуванчиками, кто-то ухитрился сфотографировать нас вдвоём. Получилось так: мужчина и женщина в распахнутых весенних одеждах, его рука лежит на её плече, другая – на талии, непослушная прядь её волос, тронутая ветром, касается его щеки. Да, снимок как снимок, но сразу становилось понятно, что просто знакомые так обниматься не будут... Больше в объектив мы старались не попадаться...

...Сочным шёлковым пятном выкатилось на голубенький ситец неба

солнце, и утро раскраснелось, как щёчки непоседливого ребёнка. Стайка проворных сереньких птичек уселась на ветки яблони, обдав меня осенней капелью, и я, нехотя вынырнув из воспоминаний, вернулась к действительности. Вчера был день моего рождения... Ещё один год жизни прошуршал медно-красной метелью, укрылся белыми снегами, отзвенел быстрыми ручьями, растворился в лучах жаркого солнца. И вновь осень. И ветер надежды, способный разогнать любые тучи, надувает паруса нашего с Сашей семейного корабля. Теперь я знаю: он прилетает к тем, кто и в глухую пору листопада способен услышать музыку любви.

ВИШНЁВЫЙ ПЕРЕУЛОК, ДОМ ПЯТЬ

Здание мэрии встретило её тишиной.

– Что же вы, женщина, так рано пришли? – удивился поставой, розовощёкий, упитанный парень. – Раньше девяти никого не будет. А вам кто нужен?

– Кто? – она нащупала в кармане пальто бумажку, хотя фамилию знала наизусть. Очень распространённая фамилия... – Орлов.

– Пётр Данилович, – уточнил парень. – У него вроде с утра совещание намечалось...

«Пётр Данилович... не забыть бы. Когда называешь человека по имени, это сближает. Особенно человека, от которого зависит...» – подумала она.

– А документ у вас есть? – перебил её мысли поставой. – Ну, паспорт или что ещё?

Она припомнила табличку на двери: «Вход по пропускам». И усмехнулась: «Спохватился...». И сдерзила вслух: «А читательский билет вам не подойдёт?»

– Что же ты гражданочку у порога держишь? – раздался густой раскатыстый бас.

– Да вот... – засмутился розовощёкий.

– Виталий, Виталий... А вы, пожалуйста, проходите в гардероб. На улице под тридцать. Замёрзли, наверное... Вас как зовут? Лариса Сергеевна. Прекрасно. Вы по какому вопросу? Наверное, по жилищному. Угадал? Это десятый кабинет.

– Это кто со мной разговаривал? – спросила она у Виталия, когда дверь за мужчиной мягко закрылась.

– Это... – тот был явно удивлён, – это мэр наш. Вы чего, на выборы что ль не ходили? Или... А! Вы приезжая.

«Приезжая... Можно и так сказать, – размышляла она, поднимаясь на второй этаж. – Хотя...» Училась в этом городе. Жила у бабушки. Слав-

ное было время... Потом сюда же, в бабушкин домишко, приехали родители, когда папа вышел в отставку. А она, Лариса, наоборот, в тот же год получила назначение и уехала... далеко уехала и потом наезжала в гости лишь эпизодически... Нет, лучше не думать об этом. Хотя как не думать... И уснувший причал, и лицо Романа – всё перед глазами, не тускнея, не стираясь. К сожалению? К счастью?

Вот и нужный кабинет. Сейчас её, конечно, начнут муржить: «Запишитесь на приём... Придите завтра»... И она придёт... завтра... послезавтра... когда скажут. Отчего в начальственных апартаментах начинаешь робеть, как мышка перед кошкой?

Пётр Данилович принял её без двадцати десять, извинившись, что заставил ждать. Встал навстречу и с ходу: «Пожалуйста, изложите просьбу быстро и конкретно, и, очень прошу, короче».

– Почему вы думаете, что я буду о чём-то просить? – не удержалась Лариса.

Он поднял голову от бумаг и хохотнул: «Здесь все всегда только просят».

Она начала рассказывать, сидя на краешке стула с высокой неудобной спинкой. И, пока говорила, ловила на себе любопытствующий чиновничий взгляд.

– Так... – Пётр Данилович отбарабанил по столу неумелую чечётку. – Понятно.

– Уложились в семь минут, – посмотрев на часы, «подколола» Лариса и тут же раскаялась: «Зачем обидела человека?»

Но тот лишь, улыбнулся, подошёл к окну, открыл форточку, в комнату тут же уверенно залетело несколько снежинок, и морозный воздух чуть приглушил терпкий запах мужского парфюма.

– Утро туманное, утро седое... – вдруг негромко напел Пётр Данилович, как будто так, отвлекшись мелодией, ему лучше думалось. – Конечно, Лариса Сергеевна, безвыходных положений нет, впрочем... (последовал ещё один взгляд в её сторону, и она, помимо воли, придала лицу робко-просительное выражение) я ничего не могу обещать заранее.

...Вот так же раздумчиво напевал Петя Орлов, стоя у доски, когда ему попадалась трудная задача, нимало не смущаясь, что его слушают тридцать душ и практикантка Лариса Сергеевна в придачу. Того Петю в вальяжном Петре Даниловиче она узнала не сразу. Мысленно подсчитала: ей сейчас тридцать пять, значит, ему двадцать девять-тридцать, быстренько же оказываются при «портфелях» умелые и находчивые...

...– А Петька Орлов в вас втюрился, ну то есть влюбился, – прошептала ей на ушко глазастая Анечка – бессменный комсорг, время от времениверяющая Ларисе Сергеевне классные секреты.

– Ну да, – отшутилась она, – то-то он у меня на каждом уроке дисциплину нарушает.

– Поёт? – уточнила Анечка. – Так это привычка у него такая. С первого класса. Все знают.

С тех пор Лариса стала исподволь приглядываться к Петру. Интерес к её особе явно присутствовал у юноши. То встретит у школьного порога, пробормочет: «Здравствуйте» и смотрит, как она переобувает туфли на каблучках, неуклохе стоя на одной ноге. Или на 8 Марта при всём одиннадцатом «Б» положит ей на стол пушистые мимозы. А на школьном вечере пригласит танцевать. И унылые, поседевшие на службе учительницы будут строго оглядывать необычную пару.

А потом был урок, тот самый, который долго мучил её, становясь по ночам жуткой явью. Тогда к ней заглянула институтская педагогичка. Уселась на соседней парте, открыла тетрадку, приготовила ручку. Лариса, до того отлично справлявшаяся с классом, отчего-то смешалась. Продиктовала задачу. «Решать пойдёт...»

Рука Орлова взметнулась мгновенно. Начал он бойко. Потом всё чаще брался за тряпку, стирал, писал, опять стирал и наконец стал что-то напевать: сначала еле слышно, потом, увлечшись, погромче. Педагогичка наострила уши и что-то бойко застрочила. И Лариса потеряла над собой контроль. «Это же так э-ле-мен-тар-но», – отчеканила она, заводясь (хоть, правду сказать, задача была не из лёгких), и жирно перечеркнула всё написанное.

Орлов резко, будто на выстрел, обернулся, обычно бледноватое его лицо пошло пятнами. Провёл тряпкой по носу, спохватившись, отшвырнул её и выдал: «Глупая ваша задача. И глупая ваша математика. Бездушная... Зряшный предмет... икс плюс игрек...»

– Орлов, – она постаралась, чтобы голос её не дрожал, – выйдите из класса.

Но он неторопливо шагнул к своему месту и сел.

– Орлов! Я жду!!!

Петя демонстративно раскрыл учебник и углубился в чтение. И тут со всех сторон раздалось: «Орёл! Ты чего упёрся? Давай выходи! Лариса Сергеевна, он сейчас выйдет!»

– Что бы вы делали, если бы на вашу сторону не встал класс? – спросила её педагогичка в учительской.

– Не знаю... – честно ответила Лариса. И схлопотала «удовлетворительно» вместо привычного «отлично» в зачётке. Это был последний день педпрактики. А потом начались институтские будни. О Пете вроде бы забылось. Но он напомнил о себе.

Они что-то шумно обсуждали всей группой, когда кто-то дотронулся до её руки.

– Петя...

– Лариса Сергеевна, приходите к нам на выпускной. В пятницу.

К шести. Потом все пойдут гулять на набережную...

– Ты меня приглашаешь? – уточнила она, зачем-то подчеркнув это «ты».

– Я.

– Хорошо. Приду.

И не пришла. Отвлекли дела. Сердечные и иные.

– Ну что ты ему сказала? – допытывалась дома мама, отогревая Ларису чаем с клубничным вареньем.

– Что сказала? Что дом ваш на снос, а отселить хотят к чёрту на кулички.

– Лариса... – укорил отец.

– Ну в смысле на окраину, папа.

– А что в старом фонде дают, где ремонт влетит в копейку, сказала?

– Сказала.

– А он?

– Он... Знаешь, мам, а я, оказывается, когда-то учила его.

– Кого?

– Орлова. Петю.

– И надеешься, что он по старой памяти тебе поможет, – не преминул съязвить отец. – Не надо нам барских подачек. Я вообще был против, чтобы ты ходила.

– Ну да, у советских собственная гордость. Только это всё в прошлом, папуля.

– Для кого как.

– Успокойтесь, мои дорогие... Он меня не узнал. Петя... То есть Пётр Данилович.

...– Значит, и этот вопрос решён положительно. Ну что ж, будет довольна....

– Туманова Лариса Сергеевна, – услужливо подсказал секретарь, заглядывая в свои бумаги. – Значит, Пётр Данилович, с вашего разрешения снимаем с контроля и это... Я сам там был, изучал, так сказать, на месте. Настоящий медвежий угол. А называется красиво – Вишнёвый переулок. До центра – рукой подать, а приютилась такая... старина.

– Подождите... Вишнёвый переулок. А дом?

– Чей дом?

– Ларисы Сергеевны.

– Тумановой? – секретарь округлил глаза.

...Сугробы доставали до самых окон ветхих домишек.

– Да тут всю улицу на снос пора, – подумал он. – Так, теперь налево, а вот и церквушка... Дорога-то знакомая. И очень даже. – Он остановился у калитки. В доме ни огонька. Может, уже переехали?

– Вы кого-то ищите?

Он оглянулся: «Ищу... Вас ищу, Лариса Сергеевна. Вас...»

– Пётр Данилович?

Он слепил снежок и неловко мял его в руках: «Открою секрет. Теперь можно. Я ведь простаивал на этом самом месте когда-то целыми вечерами, надеялся увидеть за шторками ваш силуэт. Вот за этот клён прятался».

– Петя...

– Лариса... У вас теперь другая фамилия. Это и сбilo меня с толку. И потом. Сколько людей приходит на приём, как-то отучился вглядываться в лица, фиксирую только слова. Но это неважно... Я хочу спросить: почему ты не пришла тогда?

– А если бы пришла, что бы это изменило, Петя?

Вместо ответа Пётр Данилович склонился к её щеке и неловко ткнулся губами.

ЖЁЛТЫЙ ЛИСТ В ОСЕННЕМ ЛЕСУ

Поезд прибыл в семь утра. Было прохладно. Даже холодно. Сентябрь пролетел – будто звёздочка с неба упала. И теперь октябрьский ветер ласково гонял по перрону опавшие листья. Меня никто не встречал. И я была этому рада. Мне не хотелось купаться в роскоши человеческого общения. Иногда одиночество – как горькое лекарство, спасающее жизнь. Это как раз мой случай. Я не знала, что ждёт меня впереди. Я вдохнула аромат наступающего утра, отыскала на перроне лавочку и присела, ожидая, когда окончательно рассветёт. Прохладный прозрачный ветерок томно ласкал мои щёки, и память начала листать воспоминания, пёстрые, как стёклышки в калейдоскопе...

Тогда я училась в педагогическом университете. Среди девушек на нашем факультете русской филологии затерялось несколько парней. Один из них ходил нарочито печальный, задумчивый, жеманно одинокий, вычурно одетый, напоминая павлина в человеческом обличье: в бархатных, в обтяжку брюках, в атласных рубашках кричащих, предпочтительно лиловых и пурпурных, тонов, или в фривольных аляповатых маечках, подчёркивающих его инфантильность, с крашеными в радикально чёрный цвет и изрядно сдобренными гелем волосами, спускавшимися косой чёлкой на лоб. Его худосочные ручки, безвольно свисающие вниз, как огуречные плети, или манерно сложенные на груди, навевали жалостливые мысли о голодающих детях африканских племён.

У него было простое русское имя – Иван. А фамилия вылетела из головы. Но это и неважно. Всё равно мы называли его между собой Хлестаковым, (а чаще – просто Х.): прославился Ваня-болтун своим неуёмным хвастовством, даже перещеголяв гоголевского персонажа. Кто-то когда-то, скорее всего, в шутку, сказал ему, что он красивый. С тех пор Х., как попу-

гай, повторял это слово применительно к себе, будто в зеркало гляделся. А между тем он был просто смазливой мальчишкой, в свои двадцать два года выглядевшим, как подросток.

Заражённый бациллой нарциссизма, вид Х. имел смешной и глупый одновременно, когда кокетливо представлялся не иначе как молодым писателем. Он пространно распространялся о романе «Красная орхидея», который слепил из слюнявых сюжетов бразильских сериалов, как ребёнок – куличик из песка. Просочилось известие, что он показывал свой «шедевр» нашим преподавателям и даже одному издателю. И они, не сговариваясь, дали разгромный отзыв, посчитав его опус слабым, местами откровенно графоманским, и посоветовали для начала исправить массу грамматических, синтаксических и стилистических ошибок, а лучше всего – заново переписать текст, попутно знакомясь с азами литературного творчества. Урок не пошёл впрок, и с печатью непризнанного гения на лице Х. плакался, что никто не хочет напечатать его «Красную орхидею».

Когда Х. завалил экзамен по современному русскому языку, чему, зная его вопиющую безграмотность, никто не удивился, я, проявив участие, имела неосторожность предложить свою помощь в пересдаче. Тут же этот мелкий пакостник пустил слух, что я к нему «клеюсь», склоняя к сексуальным услугам. Это стало для меня последней каплей в океане его вранья, и я дала себе зарок никогда в жизни не иметь дело с подобными субъектами. Однако не прошло и года, как я наступила на тот же гвоздик.

...Лето пролетает как волшебный миг, в осень приходишь как в терем расписной, зима балует снегом, а весна... весна – это утро года. Но метели, даже в конце марта, бывают злыми, как сторожевые собаки. Зима не желала сдаваться в плен весне, огрызалась, плевалась снегом, как дракон – огнём. А у меня жизнь пахла мёдом июньских трав, потому что я познакомилась с Поэтом. Я помаленьку писала прозу, а он, по его собственному выражению, грыз гранит поэзии. Люди, которым подвластны стихи, казались мне тогда особенно привлекательными.

На первом свидании Поэт читал мне отрывки из «Песни о нибелунгах».

– Вам нравится? – спрашивал.

– Очень.

– И напрасно. Вам, может, и Пушкин нравится? И меланхолик Михаил Юрьевич?

И столько в его тоне было предосудительности, что я терялась, не зная, что ответить...

Спустя несколько месяцев (надо признаться, что наши личные отношения развивались гомеопатическими дозами, ограничиваясь поцелуями) я отважилась прочитать Поэту безумно понравившиеся мне стихи Ивана Дмитриева, написанные в восемнадцатом веке, на которые наткнулась случайно в Интернете:

*«Вся в кустах утонула беседка,
Свежей зелени яркая сетка
По стенам полусгнившим ползёт,
И сквозь зелень в цветное оконце
Золотое весеннее солнце
Разноцветным сиянием бьёт.
В полумраке углов – паутина,
В дверь врываются ветви жасмина,
Заслоняя дорогу и свет.
Круглый стол весь исписан стихами.
Весь исчерчен кругом вензелями,
И на нём позабытый букет...»*

Он и их, «разобрав по косточкам», раскритиковал. Была в нём какая-то наглая самоуверенность, отвергающая любое чужое мнение. Она сидела в нём, как червяк в яблоке. Восхищаться я должна была только его стихами. А между тем я уже понимала, что поэзия его не несёт в себе никакой мысли, к тому же рифмы банальны, слова избиты. И всё его творчество не что иное, как «сидение в навозе и мечтание о розе».

Пройдёт время, и я пойму, что не надо очаровываться человеком, чтобы потом не разочаровываться, и что дороже всего людям обходится правда. А тогда я просто отдалилась, сознательно заморозив ту каплю интереса, что нас связывала прежде, не отвечала на звонки Поэта, избегала места, где мы могли бы пересечься... Позже узнала, что он рассказывал общим знакомым, как отвалил «эту привязчивую особу», и намекал на пикантные подробности наших встреч.

...Я окончила аспирантуру и защитила кандидатскую диссертацию. Но личная жизнь не складывалась. Как назло, судьба-затейница сводила то с болтунами, похожими на Х., то с аналогами эгоистичного Поэта... Быть незамужней женщиной совсем не то же самое, что быть неженатым мужчиной. На фоне пусть и не всегда счастливых, но семейных подруг чувствуешь себя человеком второго сорта, будто стоит на тебе видимое всем и каждому клеймо: «неудачница». Иходишь в отношения, как корабль в порт приписки, чтобы доказать: меня тоже любят. И довольствуешься малым, хотя хочется большего. Ядовитое женское одиночество толкает тебя в объятия мужчины. И ты встречаешься с любовником, ты говоришь ему ласковые слова, ты целуешь его небритые щёки, ты пьёшь принесенный им коньяк, заедая шоколадом, который кажется тебе безвкусным, ты отдаёшься во власть его жадных рук и закрываешь глаза, и погружаешься в близость, будто уходишь на дно океана... Но сердце пусто, и душа спит... «Почему так?» – спрашиваешь ты себя, когда захлопываешь за ним дверь... И ждёшь, что вот однажды... с другим мужчиной... всё будет по-иному.

...Солнце выбивало слёзы из глаз – таким было ярким. Даже в тени термометр показывал тридцать градусов. Когда я подходила к институту, каблук моих новых босоножек увязал в асфальте, как в болотной жиже.

– Это хорошо, что ваш отпуск подошёл к концу, – ректор пожал мне руку. – Наотдыхались?

– Не отказалась бы ещё недельку прихватить... Может, Евгений Петрович, за свой счёт дадите?

– Что вы, голубушка?! У нас тут ЧП – комиссия с проверкой из министерства приехала.

– По аттестации? Так мы её осенью ждали.

– Внезапно... внезапно. Раньше к государственным вузам подбирались, а теперь и за нас взялись – за частников. Чем мы им помешали? Женскую половину гостей Виктор Михайлович взял на себя. Водит их по достопримечательностям, банкетки устраивает на природе, грибы, ягоды...

– Виктор Михайлович?

– Исполняет обязанности моего зама по общим вопросам. Приняли, пока вы на тёплом море не жили. Он с минуты на минуту подойдёт. Познакомьтесь.

– А от меня-то что требуется?

– Как что? Вам достались мужчины.

– В каком смысле? – изумилась я.

– Ну, вы дама... вам виднее... Нет-нет, ничего такого... Будете курировать мужскую половину комиссии.

...Прошло две недели, мы с Виктором Михайловичем сдружились и, избавившись от отчуждения, легко перешли на «ты». Каждый день мы услаждали своим присутствием разлюбезного ректора и его невзрачную жену по прозвищу Моль. Моль ничего не преподавала, но сидела в бухгалтерии и по непонятной причине неизменно интересовалась, сколько страниц отчётов мы уже написали, как будто ставила нас в один ряд с графоманами, кичившимися своей работоспособностью и выдающими, как шахтёры уголь, устрашающие объёмы своих сочинений. Назвав ей любую пришедшую в голову цифру, мы удалялись на обед. Через дорогу от нас в этот час шумел рынок, где продавцы, не в пример замороженным менеджерам супермаркетов, были улыбки и приветливы. Мы покупали пышный батон и половинку чёрного хлеба и вставали в очередь за чем-нибудь мясным. Припоминаю смешной случай, свидетелями которого мы однажды стали. Немолодой уже дядечка, прежде чем купить колбасу, попросил продавщицу отрезать маленький кусочек – на пробу.

– Да пожалуйста, – охотно согласилась та.

– Кис-кис! – мужчина есть не стал, но подозвал кошку, вечно шмыгающую между прилавками, и угостил её этим кусочком.

Кошка понюхала и, вздыбив хвост, пошла прочь.

– Плохая, значит, колбаса, – сказал дядечка, – я теперь всегда свою кошку на рынок буду брать, а то вдруг вашей рядом не окажется...

...С утра спелым румяным яблоком выкатилось солнце, поиграло яркими лучами и спряталось, и тут же пошёл дождь. Когда ветер выжал тучи до капли, вновь посветлело. Небо дышало подступающей осенью, когда мы собрались с дорогими, но незваными гостями, через день убывающими в столицу, на так называемые шашлыки. Я терпеть не могу эти шашлычные мероприятия. Тем, кто хоть раз побывал на Кавказе и попробовал настоящий шашлык из сочной баранины с лимоном, петрушкой и соусом ткемали, полусырая или подгоревшая курятина на шампурах кажется неудобоваримой подделкой. Но делать нечего, и мы пёстрым ковром расположились на зелёной траве, лирически именуемой поэтами изумрудной...

Лишь когда душные пепельные сумерки опустились на землю, мы вернулись в город. Доставили гостей в нежно-прохладный кондиционированный воздух гостиницы.

– Куда теперь? – спросила я своего визави. – По домам?

– Конечно, домой. Я тебя провожу...

...Я заварила чай. Мы пили его на кухне, как простую воду, не ощущая аромата, молча обмениваясь взглядами. И чувственность – мостик к началу отношений – вызревала в наших телах, но мы не прикасались друг к другу. Потом Виктор очень нежно очертил подрагивающим пальцем мои губы. Спустился ниже – к шее... к груди, утопив в ладони её мягкую округлость. Он целовал меня, и я сама тянулась ему навстречу, и бесстыдные звёзды, заглядывая в незанавешенное окно, смотрели на наши ласки и на то, что было потом... Мы почти не спали в ту ночь... Я забылась сном лишь под утро, обхватив Виктора руками и прижав к себе, как засыпала когда-то давным-давно, обняв плюшевого медвежонка...

Все последующие дни туман сочился дождём, но мы не замечали непогоды. Мы ловили дни, как воспитанные дети ловят бабочек: поймают, осторожно подержат в руках, чтобы не помять крылышки, и отпустят на волю... Каждый день был неповторим, в каждом была частица долгожданного счастья... Мы поженились осенью. И решили родить ребёнка. Но не успели...

Говорят, что современная любовь мало похожа на роман или повесть. Скорее, на пьесу. Одноактную. Люди чувствуют одно, говорят другое, думают третье. Даже близкие люди. И каждый человек – загадка, которую надо разгадывать не спеша. Но мы торопимся. И не проходим самую первую и самую нудную проверку – совместным бытом. В результате на пустом месте вызревает, как сорняк в цветнике, одна ссора... вторая... десятая (вроде по самым мелким поводам, по пустякам). Как неумелые заплатки ложатся они на жизненные прорехи. И оказывается, что житьё-бытьё пахнет не всегда цветами, а очень часто – подгорелыми котлетами. После примирения (ведь

мы по-прежнему хотим друг друга!) остаются ранки, мелкие, но острые, как края консервной банки, вскрытой нетерпеливой рукой... И кажется, что рядом чужой человек...

...Небо дышит подступающей осенью. В пятницу вечером Виктор уезжает на рыбалку. С другом Борисом. В предполагаемый день возвращения мужа нет. Наконец раздаётся звонок.

– Ты где? – нетерпеливо спрашиваю я.

– Ты только не волнуйся, – говорит муж, и голос его звучит глухо, как будто за тридевять земель. – Понимаешь... мы в аварию попали... Я в больнице. Ничего страшного...

– У него, по-видимому, небольшое сотрясение мозга, – «успокаивает» меня доктор, мужчина средних лет со свекольным румянцем на щеках, когда я сломя голову влетаю в медучреждение. – Понаблюдаем и отпустим. Может, даже завтра. Не переживайте вы так... Вам валерьянки накапать? Ну не хотите, как хотите... А то можем и укольчик...

– Доктор, – прихожу я в себя, – а с мужем был товарищ. Он как?

– Синяки, ушибы. Отпущен домой... Да... И девушки не пострадали.

– Какие девушки?

– Ну... – доктор смущается и продолжает, запинаясь, – которые... с ними в машине... были...

– Были в машине... – повторяю я, чувствуя, как бешеной пчелой жалит моё сердце ревность.

Голос молоденькой медсестры приводит меня в чувство: «Я тут вашему супругу проколола успокоительное, так эти девушки с ним в палате посидели, пока он не заснул, потом вниз спустились, минералки ему купили и соку яблочного. Сок-то, может, в холодильник поставить, как бы не прокис... Как вы думаете?»

Медсестра смотрит на меня... Как она смотрит? Насмешливо? Сочувственно? И тон у неё ехидно-лисий.

...Любовь без ревности – как суп без соли. До поры до времени ревность сидит мышкой под плинтусом чувств. Но однажды, выбравшись на поверхность, раздувается до размеров кошки... тигра... слона... А наше воображение рисует страшные картины измены... И тогда понимаешь, что ничто не вечно, как убывающий кофе в чашке, который вы привычно пьёте по утрам.

– Да это были просто попутчицы, – беспечно смеётся муж в ответ на мои расспросы, – парни, с которыми они приехали, их кинули.

– А вы выбрали... – едко уточняю я.

– Мы просто подвезли, дело-то к ночи шло...

Я замолчала, не сумев выразить словами то, что чувствовала. Молчал и муж, демонстративно уткнувшись в книжку.

– Знаете ли вы, милочка моя, что по институту ползут слухи... – сказала мне Моль, встретив в коридоре.

– И какие же, если не секрет?

– Ну какой там секрет... Говорят, что ваш муж и Борис Матвеевич расслаблялись в компании с двумя... странными... если не сказать больше... женщинами. И даже умудрились вместе с ними попасть в аварию... Какой пример они подадут нашим студентам?! – Моль ехидно улыбнулась и впиалась любопытным взглядом в моё лицо.

– А еще говорят, что вы... сплетница и дура, – не сдержавшись, выпалила я и в тот же день подала заявление об уходе.

– И чего ты добилась? – спросил муж, когда первая неделя моего вынужденного безделья подошла к концу. – Скучаешь без работы. Страдаешь.

– Да это всё из-за тебя!

– Ну-ну. Как это по-женски: свалить с больной головы на здоровую... ..Стоял октябрь. Шёл мокрый снег. Я оставила ключи на тумбочке и захлопнула дверь квартиры. Я уходила, не попрощавшись с Виктором, собрав лишь минимум вещей, нужных на первое время.

– Куда пойдёт ближайший поезд? – спросила я на вокзале.

Кассирша, удивлённо посмотрев, назвала мне город.

– Дайте билет.

На новом месте я нашла работу, и у меня со временем даже появился поклонник. Мы отдыхали с ним на даче, где газон был пострижен под гребёнку. Как ни странно, я даже нравилась его матери, и она учила меня печь фирменный торт их семьи по рецепту прабабушки.

Нежась в гамаке, я любовалась альпийской горкой и незаметно погружалась в сон. Мне снилась винтовая лестница, я поднималась по ней, и у меня кружилась голова, кружилась так сладко, так медово... Я просыпалась и не могла вспомнить, кто ждал меня наверху...

...Бледные, будто сонные лучи солнца добрались и до её лавочки. Она встала, сделала несколько шагов... Огляделась... Утро омыло нежно-розовым цветом здание вокзала, оживший перрон, лес, виднеющийся неподалёку. Обратный поезд будет в полдень. Но если пойти знакомой тропой, через полчаса попадёшь в город, притаившийся за лесом, где жила она, где живёт Виктор, её единственная желанная любовь. Постучаться жёлтым осенним листом в его окошко. Может быть, пустит погреться? А может, оставит рядом – навсегда? Она остановилась в раздумье...

А в этот самый час Виктор сидел на кухне и, отодвинув сковородку с недоеденной яичницей, писал письмо той, которая мечтала подлететь к его окошку осенним листом. Он писал ей письма каждый день с той поры, как она уехала. Он не знал её адреса. И они неотправленной грудой громоздились на письменном столе. Иногда он их перечитывал.

РОЖДЕСТВО В ЛАПЛАНДИИ

На ближнюю к окну ветку березы, по случаю осени припорошенную жёлтым, прилетела синичка. Она насторожённо огляделась, потом, замерев на секунду, бесстрашно подобралась к форточке, задолбила клювиком по стеклу. Нора распахнула окно – занавеска вздулась парусом, ветер принёс запах дождя, мокрой земли, опавших листьев. Одиноким зелёный куст (всё ещё зелёный посреди багряного осеннего безумства) казался похожим на помпон от детской шапочки.

Заложница дресс-кода, она надела не купленное накануне кокетливое платьице, а стандартный офисный костюм, хотя и модного в этом сезоне цвета маренго, но довольно чопорный, позволив себе лишь одно отступление – повязанный на французский манер лёгкий шарфик вместо белой блузки.

– Мне хорошо, мой взгляд открыт свету, счастью, радости. Кожа тонкая и нежная. Я молода и привлекательна, – стараясь расслабиться, как учили на занятиях аутотренингом, медленно произнесла Нора.

Но, увы, лоб её не стал, как было обещано, ровным, как мрамор. Морщинка, еле заметная, правда, не убежала с него прочь.

По дороге к метро Нора подышала мокрым сквером. Природа играла осенний спектакль. Небо было пятнистым. Солнце проваливалось в облака, как в перину, и тогда ощутимо моросило, и её тонкокожие итальянские туфли пропитывались влагой.

...В полдень, как обычно, они сели пить чай. Заварили, как всегда, зелёный, на этот раз с жасмином. Пили без сахара, вприкуску с шоколадными конфетами.

– Девчонки, – менеджер Аня горестно вздохнула, – как вы думаете, долго я буду сидеть в Интернете и никого себе подходящего не найду?

– Так ты же говорила, что удалила свою анкету с сайта знакомств? – спросила рассудительная Клара.

– Да, удалила. Ещё на той неделе. Но в сети-то я осталась, фильмы смотрю, передачи разные в записи, например, вчера «Давай поженимся!», ведущая была опять в таком несуразном прикиде...

– У тебя, Анька, в голове какая-то каша, тараканы, случаем, не завелись? Причём тут передачи...

– Завелись... Я своему последнему кадру так и сказала, что нам поэтому и надо расстаться. Интеллигентный такой парень... Умный...

– С умными – беда. Они дур сразу чувствуют.

– Девушки, пора за работу приниматься! – приказным тоном оборвал обмен продуктивными мнениями вошедший в комнату начальник отдела. – Аня, у вас опять в отчёте нестыковка. Мальчиками, наверное, голова забита...

– Да ей уж не двадцать годков, дитё есть, поздно о мальчиках мечтать... И потом, какие мы вам, Виталий Павлович, девушки... – усмехнулась Клара, – где вы в нашем-то возрасте девушек видели?

– Попрошу без интимных подробностей, – начальник круто развернулся и чинно удалился, не забыв бросить благосклонный взгляд на Нору.

...День уходил мягко, бархатными шагами. Нора вынула из духовки пирог, украсила его взбитыми сливками, присыпала поверху шоколадной крошкой. Смолола горсть кофейных зёрен, заварила в джезве. Вдохнув густой аромат, наполнила напитком маленькую тонкого фарфора чашечку...

Полгода тому назад Нора жила совсем в другой стране, в дальнем, как принято обозначать, зарубежье. Муж – выпускник МГИМО работал в посольстве. Должность была не ахти какая – старший секретарь, но, учитывая возможность карьерного роста, неплохая для начала. Руслан был в меру тщеславен, чуть-чуть высокомерен и самую малость завистлив, но умело подчинял себе эти чувства. Он обладал спокойствием понтифика и умел вести бонтонные речи. Ну а Нора... Нора была просто женой...

Жарким солнцем пьяняще сиял май. Самое его начало. Травинки, бледные после зимы, иголочками протыкали умытую дождями землю, ещё не уверенно зелёные, но уже остро пахучие. Хотелось сладко-медовых дней, долгожданных, как первая клубника, любви, жарких ночных поцелуев и объятий... Распахнуть окна в гостиной, начисто промыть стёкла, протереть их, еще не высохшие, как когда-то мама учила, мятой газетой...

Вспоминалась Венеция: мокрые бока старинных дворцов, сверкающие каналы, стаи голубей на площади Сан-Марко... Это было их первое совместное путешествие – сразу после свадьбы. Ну а Франция наяву стояла перед глазами Норы: зелёная вода в Сене с фланирующими прогулочными катерами «Vatobus», полисье на роликовых коньках, Булонский лес, словно нарисованный тушью на голубом листе бумаги... Ей нравилась китайская харчевня на углу улиц Флобур и Монмарт, рынок на авеню Трюдан и многочисленные чистенькие бистро, в окнах которых были выставлены цикламены в горшках, там можно было съесть тарталетки с малиной или выпить рюмочку порто... Они гуляли с Русланом по бульвару Клиши, и муж напевал с брутальной хрипотцой в стиле Григория Лепса, мешая французские и русские слова. Под крылышком мужа Норе было уютно и комфортно, как птенцу в родном гнезде или как прихотливому цветку в оранжерее.

...Дом, где они жили, был окружён парком. Это действительно был парк, устроенный по воле воображения: с прямыми, как стрелы, дорожками, беспорядочно усеянными разноцветными камешками, напоминающими драгоценные, казалось, их разбросали древние айны, верящие, что камни – тоже живые существа.

Нора любила тихие вечерние часы, которые взрывались ближе к полуночи минутами близости. Проворные руки Руслана ласкали её, и дрожь

нетерпения мужа сливалась с её собственной дрожью – ожидаемой и неожиданной, как первый глоток марочного вина. Они были гармоничной парой. Но иногда (вовсе не часто!) она ловила себя на мысли (мысли крамольной!) о человеке, который вот так же (хотя нет, совсем не так!) пробежал по её послушному телу чуткими пальцами.

«Не подуржата сегодня и вчера, – думала она. – Но и воспоминаниям не суждено кануть в Лету».

...Тогда, пятью годами ранее, зима, как воришка, пробиралась в Питер ночью. На стылом небе блестяще дрожали звёзды. Но холод тотчас обхватывал горло стылым шарфом, стоило высунуть нос на улицу. Только никакой мороз не мог стать помехой их свиданиям. Они познакомились в ночном клубе, хотя не были приверженцами этого вида времяпрепровождения. Честно говоря, они впервые посетили сие заведение, поддавшись уговорам: Нора – подруг, Евгений – друзей. И оказались тихонями в этой быстро перезнакомившейся компании. Когда другие отрывались по полной, они чинно потягивали коктейль с банальной вишенкой, запивая его невкусным эспрессо. Со стороны они казались случайными попутчиками на просёлочной дороге в большую жизнь. Но, прощаясь, она не отказала ему в просьбе и продиктовала номер своего сотового.

Нора Ставицкая заканчивала вуз. Женя Карюшин (или Жека, как она почти сразу стала называть его по первым буквам имени-фамилии) уже год работал врачом в «Скорой помощи».

– Ну что же, вы взрослые люди, стройте свой замок... на песке, – так отреагировала её мама на сообщение, что они с Женей решили съехаться.

Вопреки её мрачному предсказанию, молодые люди отлично ужились, следуя японской мудрости: «Мало быть мужем и женой. Надо ещё стать друзьями и любовниками, чтобы потом не искать их на стороне».

Брак был гражданским. Но уже через месяц они были в шаге от того, чтобы его зарегистрировать. Однако преодолеть этот шаг никак не удавалось. Жека пропадал на дежурствах, прихватывая, согласно графику, иногда и ночь. Зарплату приносил мизерную. Нора писала диплом, сидя дома за компьютером. Отлучалась только в магазины. Увы, на качественные продукты денег не хватало, приходилось брать что дешевле. Поэтому она избегала супермаркетов, предпочитая отовариваться в непрезентабельных торговых точках, где овощи, молоко, хлеб и колбаса отпускались за одним прилавком. Исключением для неё были только ювелирные салоны, куда Нора заглядывала, разумеется, не покупать, а посмотреть (в этом она не могла себе отказать!) на красивые вещицы. В один из таких – узнаваемо брендовых – Нора как-то забежала, спасаясь от ливня. Помнится, погода была такая, о которой любимец её детства Винни-Пух говаривал: «Дождик лил, лил и лил». Осторожно стряхнув зонтик и упрятав его в полиэтиленовый пакет, Нора огляделась. Народу было немного. Женщина – в норковой

не по погоде шубе – выбирала бриллианты. Мужчина о чём-то советовался с продавщицей – девицей с вульгарно накачанными и чрезмерно яркими губами. Нора пристроилась рядом.

– Так на чём мы остановились? – уловила она вопрос, кокетливо обращённый к мужчине.

– Не знаю... – тот горестно вздохнул. – Как-то всё... не то.

– Ну подумайте ещё, – продавщица улыбнулась немного вяло и отошла к «бриллиантовой» даме.

– Девушка, – обратился мужчина к Норе, – прошу вас, помогите... я ничего не понимаю в этих дамских штучках. А хочется выбрать хороший подарок.

– Вот серьги интересные, с жемчугом. Жемчуг нельзя покупать самой, тогда он к слезам, нужно, чтобы его дарили. Любит ваша жена жемчуг?

– Я выбираю подарок маме.

– Тогда... тогда купите не серьги, с ними труднее определиться, чтобы наверняка понравилось. Возьмите брошь. Это вещь универсальная... в любом возрасте... Я советую вот эту...

И Нора указала на ажурную золотую стрекозу с двумя крошечными изумрудами вместо глаз и изящной бриллиантовой крошкой вокруг них.

– Вы... простите, не знаю вашего имени, мне очень помогли, – сказал незнакомец, когда стрекозу уложили на бархатное ложе зелёной коробочки, и посмотрел на неё вопросительно.

– Нора.

– Руслан.

Они вместе вышли из салона и разошлись в разные стороны...

Новый год одарил ёлочной мишурой и надеждой на чудо. В сумерках снег казался серо-синим. Мороз, пощипывая, румянил щеки. Пробираясь по заснеженным питерским улицам, подгоняемая порывистым ветром, дующим с Невы, Нора подумала о том, что ещё один год ушел безвозвратно. А она только-только привязалась к нему, почувствовала своим, родным, в уверенности, что он подарит счастье. Вспомнилась притча. О том, что жило когда-то на свете доброе божество, обладающее волшебной глиной. Из неё сделало оно пищу, жилище и многое другое, необходимое для жизни. А вот счастье, как ни старалось, вылепить не смогло. Тогда отдало божество этот небольшой кусочек глины человеку и сказало: «А счастье свое делай сам!»

Хорошо сказать «делай сам», но как этого достичь? Норе казалось, что преградой является работа мужа: изматывающая, неблагодарная по оплате, не соответствующей вкладываемым силам. Она не раз просила Жеку найти что-нибудь другое.

– Нора, пойми, я люблю свою работу, – говорил муж, делая акцент на слове «свою». – К тому же, в «скорой» год идет за два. В смысле опыта. Ты же знаешь, я собираю материал для диссертации. Потерпи, всё наладится.

– Да он просто неудачник, твой Женька, – уверяла её мама. – Посмотри, как вы живете. От дежурства к дежурству. А ты... новая пара колготок для тебя проблема. Поставь вопрос ребром. Будет артачиться, переедешь к нам. Вот увидишь, он тут же прибежит за тобой. Не хмурься, дочка. Найдём выход. Попрошу-ка я отца задействовать свои связи и подыскать твоему Женьке место в частной клинике. Пациенты там люди состоятельные. Благодарить умеют.

Вскоре доходное место было добыто. Но Женя от лестного предложения отказался.

– У тебя королевское чувство собственного достоинства, но ты же не король, – вспылила Нора, выслушав отказ, и подумала, что мама, пожалуй, была не совсем не права в оценке мужа.

Как раз в это время Норе выпала удача: удалось-таки найти в Интернете актуальный материал для её диплома. Правда, статья была на французском и изобиловала специальными терминами, поэтому требовался квалифицированный переводчик. В лингвистических конторах подобная услуга стоила дорого. А семейный кошелек был, как всегда, почти пуст. Но та же Сеть вывела Нору на женщину, предлагавшую перевод «быстро и недорого». В тот же день на Дворцовой площади Нора встретила с «француженкой», оказавшейся милой и приятной дамой средних лет.

А дома её ждал неприятный сюрприз. Жека сообщил, что давно запланированный отпуск откладывается. По производственным обстоятельствам.

– Надолго? – спросила Нора, вмиг помрачнев.

– Трудно сказать. И дежурить придётся чаще, у нас два врача из смежной бригады уволились под Новый год, пока новых найдут... Но обещаю, в следующую зиму возьму отпуск, и поедем с тобой на Рождество. Куда бы ты хотела?

– В Лапландию.

– Так и запишем: Рождество в Лапландии.

...Через два дня, как и обещала, позвонила «француженка»: «Нора, перевод готов. Но... я немного простыла... из дома не выхожу. Не могли бы вы сами подъехать? Если вас не затруднит».

– Без проблем, – откликнулась Нора.

– Тогда записывайте наш адрес...

«Француженка» была укутана в шерстяной палантин, надёжно опоясывающий горло и плечи. Нора расплатилась, от души поблагодарила. И получила приглашение на чай.

Из коридора они прошествовали в гостиную.

– Познакомьтесь, Нора, это мой сын Руслан. Забежал проведать приболевшую маму.

– А мы знакомы. Мама, Нора – та девушка, что помогла мне выбрать

для тебя подарок. Знаете, Нора, мама была восхищена стрекозой и... вашим тонким вкусом.

...Покупать обручальные кольца они с Русланом отправились в тот салон, где познакомились.

– Я люблю Руслана... Я люблю Руслана... – билась мысль в голове Норы, повторяясь, как заклинание.

А рука тянулась к золотому ободку...

Медовый месяц они провели в Италии. А вскоре уехали из Питера во Францию – к месту работы Руслана. Но через несколько лет вернулись в северную столицу, потом перебрались в Москву. Руслан получил должность в МИДе. Нора нашла себе работу по вкусу: сидеть дома она категорически отказалась. Фирма, где она трудилась старшим менеджером, занималась эксклюзивной отделкой помещений.

...Пирог удался на славу. Нора разделалась с ещё одним кусочком, допила вторую чашечку кофе. Сервировала стол к приходу Руслана. Сама прошла в спальню и прилегла, не раздеваясь, поверх покрывала. Какое-то время она строила планы на завтра. И незаметно уснула...

А завтра началось в офисе со встречи с клиенткой – Екатериной Серафимовной Егоровой. У молодой женщины было славное лицо с тонкими чертами, припухшими губами и чётко обрисованными скулами. Они сразу нашли общий язык. Усевшись в малышку «мазду», Нора и Катя отправились в дом, который, говоря языком заказчицы, требовал креативного обновления. Это был просторный дом. Деревянный. В лесу. В Подмосковье. Хозяйка щёлкнула выключателем, и холл залил яркий свет от светильников, размещённых под потолком. Нора осмотрела гостиную, две спальни, детскую, кабинет хозяина, кухню, поражающую своими размерами. Сделала пометки в своей электронной записной книжке. Договорились, что договор будут подписывать завтра в офисе.

– Кто выступит заказчиком? – спросила Нора. – Вы или ваш супруг?

– Скорее всего, муж, – ответила Катя. – Только он человек занятой. У него своя клиника. И частный НИИ хирургии... Кандидатскую диссертацию писал под дочкин плач. Я тогда только-только родила, слабая была. Так он все ночи с Яночкой тетёшкался. Мы тогда в Питере жили. Трудные были годы... Квартирка маленькая, однокомнатная, тут тебе и гостиная, и спальня, и кабинет. Денег кот наплакал. Я даже потихоньку от мужа подъезд в соседнем доме убирала. За деньги. Он и сейчас об этом не знает. На то и семья дана человеку, чтобы поддержка была. Правда? Муж ведь и докторскую диссертацию защитил.

– Так на кого всё-таки будем документы готовить? – не очень вежливо прервала Нора поток красноречия, она спешила, хотелось добраться до дома, пока на дорогах не образовались пробки – сущее наказание для москвичей.

– Всё же на него, на мужа.
– Тогда давайте уточним... Он – это Егоров...
– Нет-нет, не Егоров. Егорова – моя девичья фамилия. Я её в браке не меняла. Записывайте... Карюшин Евгений Александрович. Ему к какому часу к вам подъехать?

Нора попыталась проглотить комок, невесть как затесавшийся в горло. И протянула Екатерине визитку, приписав от руки на матовом прямоугольнике рядом с именем и цветным фото свою фамилию «Ставицкая»: «Передайте, пожалуйста, мужу. Там телефон. Попросите позвонить... в удобное для него время. И мы с ним договоримся о встрече...»

– Обязательно передам. Мы на Рождество в Лапландию поедем. Вернёмся – и можно будет начинать перестройку...

Она была уверена: звонок не заставит себя ждать, как только визитка попадёт к Жеке. Он не позвонил, а приехал в офис. Они официально поздоровались и уединились в одном из свободных кабинетов. Там, ни слова не говоря, она, привстав на цыпочки, поцеловала Жеку в щёку, лишь спустя мгновение сказав: «Узнал?»

– Конечно, – спокойно ответил тот.

– А я о тебе никогда не забывала. Веришь?

– А сама-то ты в это веришь? – он обжёг ее взглядом таких знакомых, таких родных карих глаз.

– Значит, ты добился всего. Каюсь, тогда и подумать не могла, что у тебя получится. Когда ты работал на «скорой», мне казалось, что это твой предел. Ничего, что я так откровенна, Жека? Или нужно теперь обращаться к тебе «Евгений Александрович»?

– Нора, я тоже буду откровенен: мы не будем заключать договор. Мне казалось неправильным сказать об этом по телефону. Поэтому я здесь.

– Только поэтому?

– Да. Для меня прошлое – это закрытая книга, не стоит открывать её.

– Старые книги так приятно перечитывать.

– Если они любимые.

– И всё? Больше ты мне ничего не скажешь?!

ЗА СИНИЕ ГОРЫ, ЗА БЕЛЫЙ ТУМАН

До Ленинграда Андрей Юрьевич ехал в купе один, заходила только проводница, принесла горячего чаю, на удивление ароматного, он в ответ угостил её пирожками с картошкой – фирменным блюдом жены, испечённым в дорогу. В городе на Неве (Андрей Юрьевич там учился в мореходке, считал второй родиной и упорно отказывался называть по-новому –

Петербургом) объявился попутчик. Войдя, он бодренько приложил руку к фуражке: «Здравия желаю, товарищ капитан второго ранга».

– Взаимно, старлей, – не по-уставному ответил Андрей Юрьевич и, посмотрев в окно, спросил: «Это не тебя провожают? Такой ливень, а девушка мокнет, не уходит».

За чаем они разговорились. Оказалось, что Максим (так звали старшего лейтенанта) служит в той самой «точке», где начинал когда-то Андрей Юрьевич.

– Какие проблемы? – спросил он, сразу же припомнив (воспоминание за давностью лет было приятным) узкие, мощённые камнем улочки военного городка, долгую дорогу к пирсу, бесконечные сопки в черничных летних россыпях, зимой сверкавшие снежным покрывалом, графитово-чёрный залив.

– Проблемы? – старлей отщёлкнул застежку массивной дорожной сумки, вынул «пузырь» с коньяком, щедро плеснул, забыв предложить попутчику, в остывший чай: – Проблема одна. Жена.

– Это она была на перроне?

Максим кивнул и, чуть помедлив, достал бумажник, выложил на стол, отодвинув в сторону блюдце с лимоном, фотографию.

– Вот она, жена, но... наверное... бывшая.

– Отчего же так?

– Была без радости любовь, разлука будет...

– Нет, ты подожди с разлукой. Любовь-то была?

– Была, а может, и осталась, чёрт её разберёт... ревную я свою половину... к каждому столбу, – он рубанул рукой воздух и осёкся, удивившись собственной откровенности.

– Давала поводы для ревности?

– Нет... но... – он вновь глотнул из стакана мешанину тёмно-янтарной жидкости, придвинул ближе к Андрею Юрьевичу фото, – вы посмотрите: она красавица, а я... обыкновенный.

– Некоторые красавицы любят обыкновенных, – в раздумье произнес Андрей Юрьевич.

– Напрасно вы так думаете, мне и мать говорит, как в отпуск приеду: «Пока ты, сынка, в море гробишься, как монах, по полгода, твоя Наталья...» Э! Да что тут раздумывать, всё сходится: как лето подходит, она дочку в охапку и на побывку к родителям, а там кто уследит, гуляй – не хочу.

– Тебе, по-моему, довольно, – Андрей Юрьевич потянулся через стол, убрал коньяк. – Давай, Максим, по-честному. Море ты себе сам выбрал – на беду, на радость ли, не знаю, и не надо этим бахвалиться, не перебивай, старлей, не перебивай... говорю, не надо бахвалиться... морская профессия не лучше и не хуже любой другой... Мать слушать нужно. Но головой своей, слышишь, своей думать тоже не возбраняется, более того, рекомендуется.

Эх, дурак ты, дурак... Ну чего насупился? На дурака обиделся? Нет? Ну и лады. Вот и подумай: сам же рассказывал: дочка твоя – дитя северное, здоровьем слабенькая, как же с ней твоей Наташе из нашей холодрыги на солнце не рваться, витаминами не попитать... Хотя, если уж пошло у нас с тобой на откровенность, не мне бы тебе мораль читать. Я ведь тоже в молодости обещал невесте увезти её за синие горы, за белый туман... А привёз жену в задрипанный посёлок, где ни работы не сыскать, ни общения, а когда через годок она перестала бросаться мне на шею, встречая с дежурства, решил: всё, разлюбила. И чуть жену не потерял. А начиналось всё тоже с ревности. Не охотник я распахивать душу, но, может, моя история тебе поможет. Слушай, коли охота есть. Представь себе...

Он начал рассказывать, и Максим будто воочию увидел двадцатилетнюю молодую женщину, худенькую, длинноногую, с тёмными пышными волосами, расчёсанными на прямой пробор, с лучистыми зелёными глазами и милой улыбкой пухлых губ, не тронутых помадой.

Жизнь в Заполярье Гале нравилась. Правда, обещанные женихом синие горы оказались на поверку серыми сопками, а пелена тумана – в каплях дождя. Но зато она увидела такую красоту: во-первых, белые ночи, нет, не так: сначала было северное сияние, потом пришли белые ночи. И рядом Андрей, милый, милый и самый родной. Шепнёт ей: «Галинка-былинка», улыбнётся бездонно синими глазами, и купается она в медовой радости. Правда, теперь уже нечасто так бывает. А началось всё с приходом в их дом нового сослуживца мужа – Владислава Владиславовича, переведённого в экипаж с Балтики...

Как-то в выходные они втроем засиделись дольше обычного. Владислав Владиславович («для вас, Галечка, я просто Влад») сыпал, как обычно, комплиментами, которым она, впрочем, не придавала никакого значения. Уже откланиваясь и склонившись к её руке – не пожать, а поцеловать, Владислав Владиславович вдруг заметил: «Вы, конечно, знаете, Галечка, что удались красавицей. Вам всё к лицу... Кроме вот этого, – он дотронулся до её обручального кольца, – это вам не идёт».

– Вы говорите чепуху, – сказала она, покраснев, а Андрей тут же предложил выйти «покурить». Но как мужчины выяснили отношения, она так и не узнала: Андрей не говорил, она не спрашивала.

Знакомство, казалось, прервалось, но, видно, и в узком жизненном пространстве заштатного военного городка худой мир лучше доброй ссоры, и скоро капитан-лейтенант стал вновь бывать у них. Но Андрея словно подменили: он стал не в меру вспыльчив, ревнив, сам норовил нарваться на ссору. Как-то в упор спросил: «Куда ушла наша любовь, Галя?» Она хотела возразить, но обида пересилила, и слёзы полились сами собой.

Потом вечерами Андрей зачастил к своему приятелю Михаилу, а Галя сидела одна в крохотной квартирке и перебирала старые фотографии...

Но в конце июня муж уехал в Североморск – в служебную командировку, а когда вернулся, повеселел и вновь стал называть ее Галинкой-былинкой.

Северное лето шло к своей середине, когда однажды утром Галя решила затеять очередную большую стирку, благо скупое солнце вышло-таки на бледное небо.

– Подкину тебе ещё работку, – в кухню, отгороженную от комнаты ситцевой занавеской, заглянул Андрей, стягивая с себя кремовую рубашку.

– Ты разве ещё не ушел?

– Бегу-бегу, – он чмокнул ее в щеку и посмотрел странно пристально.

Дверь хлопнула, и только тут Галя спохватилась, что так и не раскрыла мужу долгожданный секрет: кажется, у них будет малыш. Теперь придется ждать до вечера.

Она унеслась мечтой в будущее материнство (интересно, кто родится: дочка или сын). Потом, когда вода в тазу закипела на электрической плитке, осторожно переставила его на табурет, добавила холодной воды, насыпала порошка... Наконец, под руку попала сброшенная мужем рубашка, она взяла ее, оглядела: «И зачем Андрейка её снял? Почти чистая...» И вдруг что-то нащупала в кармане. Отстегнула пуговку. «Что-то» оказалось плотным листом бумаги. Почерк незнакомый, витиевато-летающий: «Дорогой Андрей, ты стал мне самым родным, и я всё время вспоминаю нашу встречу, и как нам было хорошо вдвоём. Жаль, что твоя командировка была такой короткой. Сообщи, когда ещё приедешь. Жду. Целую. Твоя Оля».

...Она просидела у открытого окна до вечера, не заметив, что похолодало. А когда раздалась трель звонка: «дзинь-дзинь-дзинь, дзинь!» (так звонил только Андрей), она открыла мужу дверь и пропустила его в коридор, где на виду одиноко сушилась выстиранная рубашка...

«Надеюсь, ты найдешь, где переночевать», – сказала она, повернулась и ушла в комнату, ничего не объясняя.

– Как я корил себя за этот поступок! – Андрей Юрьевич смял в кулаке так и не зажженную папиросу, – ведь знал, чувствовал, глупо поступаю!

– Изменить жене – глупо? То есть всего лишь глупо? – лицо Максима выразило непонимание.

– Так ты, старлей, решил, что я и вправду совершил подлость, изменил Гале?

– Вы же сами сказали: Галя видела Олино письмо!

– Не было никакой Оли. Письмо написал мой приятель Мишка, а я его «подкинул» нарочно в свою рубашку. Вдвоём с ним этот номер удумали. Чтоб, как он говорил, подстегнуть Галины чувства, в них ведь, если помнишь, я начал сомневаться. И подстегнули...

Всю ночь мы обсуждали ситуацию с Мишкой. Наутро я не выдержал, побежал домой, но Галя уехала первым катером – так сказали мне на прича-

ле. Не буду рассказывать, как я выпросил отпуск. Мишка помчался со мной. Я винился, называл себя дураком и негодяем. Мишка исписывал страницу за страницей, доказывая, что в записке его почерк.

– А Галя?

– Галя слушала, но молчала. И обращалась со мной, как с посторонним, случайно встреченным человеком. Так мне, конечно, и надо было.

– Не простила?

– Добрая она у меня. И умная. Умная и красивая – говорят, это редкое сочетание. Вот смотри, – Андрей Юрьевич вынул из форменки цветное фото, – снимались мы прошлым летом, на даче: это мы с Галинкой – у мангала, там, у яблони, дочка Ирина, а клубнику лопают внук Николушка. Дедя уже, а Галинка-былинка – бабушка. Вот так, старлей!

КОЛЬ НЕТ ЦВЕТОВ СРЕДИ ЗИМЫ...

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, – она подняла голову от бумаг.

На пороге стоял мужчина, чуть полноватый, в синих джинсах и сером свитере домашней вязки с затейливым рисунком, лукавые льдистые глаза, насмешливый рот, волевой подбородок и твёрдо очерченные скулы.

– Садитесь, – она показала на стул. – Заполните талончик: фамилия, имя, отчество... Так ... – она мельком взглянула на то, что он написал, – Юрий Михайлович, что у вас?

– У меня вообще-то давление. А к вам направили...

– Я вижу, – глазное дно, – перебила она, уже найдя нужную страницу в амбулаторной карточке.

– А я вас не вижу, – скаламбурил он и по-хозяйски передвинул стеклянную вазочку с тремя привядшими гвоздиками, оставшимися от 8 Марта, к краю стола.

*«Вот так же отцветём и мы
И отшумим, как гости сада...
Коль нет цветов среди зимы,
То и мечтать о них не надо».*

– Вы любите Есенина? – спросила она, слегка озадаченная.

– Да, доктор, – он тихо рассмеялся, – больше других поэтов.

«Васильками сердце светится, горит в нём бирюза, Я играю на тальяночке про синие глаза».

Быстрый румянец окрасил её щеки.

– Ну как, доктор, всё у меня в порядке или как? – спросил он, когда

осмотр был закончен.

– По моей части всё в норме. Со всем остальным – к участковому терапевту. До свидания. Скажите, чтобы заходил следующий.

Получилось строго и холодно.

– А вы думали, доктор, почему жизнь у некоторых людей интересна, а у других скучна? – спросил он, обернувшись от двери, и вышел, не попрощавшись.

...Виктория Анатольевна! – она уже спускалась со ступенек, когда её окликнули. – Не узнали?

– Нет, почему же... Юрий Михайлович... Ну и как у вас с давлением?

– А я думал, за месяц забыли. Был в отъезде.

– Ну отчего же. Не каждый пациент читает врачу Есенина.

– Виктория! Тебя подвезти? – она оглянулась: хирург Игорь Константинович остановился у кромки тротуара, распахнул, приглашая, дверцу машины, – или у тебя уже есть провожатый?

– Я забыла, насколько это приятно – просто бродить по городу, – подумала Виктория Анатольевна, уже понимая, что прогулки с Юрием Михайловичем дурманят, подобно взгляду вниз с высокого обрыва.

После той встречи у дверей поликлиники они виделись очень часто. Виктория нетерпеливо ждала окончания приёма, наскоро скидывала белый халат, проводила расчёской по волосам, помадой – по губам, и так же нетерпеливо, завидев её, отбрасывал он в сторону сигарету и спешил навстречу.

Они исходили столько улиц и переулочков! И столько стихов Есенина он ей перечитал! Она купалась в этой роскоши слов, намёков, взглядов. Потом, когда темнело, а темнело рано, они прощались на автобусной остановке. Он рвался её проводить, но она всякий раз отказывалась. Подходил полупустой автобус, она взбиралась на подножку и в первые дни робко, а потом всё смелее махала ему рукой и видела, что он улыбается и тоже, не таясь, машет в ответ.

...– Завтра я буду читать вам «Анну Снегину»: «Бедна наша родина кроткая, в древесную цветень и сочъ, и лето такое короткое, как майская тёплая ночь...» В юности знал всю наизусть. Теперь вот специально подучил, что подзабылось. Любите эту вещь?

– Люблю. Но только не завтра, Юрий Михайлович, завтра у меня дела. Не теряйте зря времени, не приходите.

– Уважаю чужие тайны, – ответил он и посадил её в автобус, но в ответ не помахал, как обычно.

Назавтра, прижимая к себе букет цветов в шуршащем «фунтике», перевязанном розовыми завитками, она вышла из поликлиники непривычно поздно.

– Всё-таки я вас дождался, – Юрий Михайлович тихо подошёл сзади. – По какому поводу цветы, сударыня?

– У меня день рождения. Отметили с коллегами. У нас так принято.
– Поздравляю! И едем за подарком.
– Вот этого как раз и не надо... Я вам поэтому и не сказала. Не люблю всю эту шумиху в день рождения.

– Нет, без подарка я вас не отпущу!
– Погодите Юрий Михайлович, послушайте... вот если вы мне пообещаете забыть про подарок, то я... я... приглашу вас к себе на день рождения. Утром я испекла торт, я всегда пеку себе на день рождения торт, сегодня он шоколадный с банановым кремом... Ну, согласны? Тогда пойдёмте на остановку.

– Погодите... Автобус сегодня отменяется. Садитесь, – он легонько подтолкнул её к тёмному джипу, стоявшему, как оказалось, неподалёку. – Домчимся до вашего дома, я думаю, минут за пятнадцать.

– До моего дома? За пятнадцать минут? Вы разве знаете, где я живу?

– Конечно. И не спрашивайте, откуда. Разведка донесла.

– Торт очень вкусный, – он задумчиво вертел в руках свою рюмку, придерживая её за тонкую ножку и наблюдая, как бледно-жёлтая жидкость переливается от края к краю, потом поднял глаза на Викторию: «За будущее!», и душевная слабость навалилась на неё, как колдовское наваждение.

Когда пришло лето, они уже не могли прожить без встреч. Иногда Юрий приходил на свидание первым, брал ключ у Викиной соседки – Тamarы Павловны и, сидя в кресле-качалке, ждал. Оба понимали, что это не банальная интрижка, не случайный роман. И от этого было ещё больнее, потому что теперь она знала, что у Юры есть жена и сын. Он объяснил: «В молодости часто делаешь что-нибудь, сам не зная зачем, из чистого любопытства, и получается совсем неожиданный вариант... я давно живу старой привязанностью, не более того. Да и с самого начала... всё очень просто. Жил-был студент-заочник. И одна заводская барышня-инженерша помогла ему написать диплом к сроку... А потом должен был родиться Серёжка – ему сейчас тринадцать... Так что я не всегда был, как это теперь говорят, новый русский. Зачем, скажи, стригут всех под одну гребёнку? Я столько вложил в свою фирму... нет, не денег, тогда их у меня не было, а пота и ума. Зато сейчас... Хочешь, Вика, куплю тебе квартиру в центре или шубку из соболя, или хоть – на худой конец – серёжки с бриллиантами? Не хочешь. Знаю. Ты даже грошового золотого колечка – в подарок – и то не взяла. Ничего тебе не нужно. Такая вот бессребреница. Ну а я-то хоть сам нужен?»

– Ещё как! – она звонко рассмеялась, заглушая грусть. – Доказательства нужны или поверишь на слово?

Однажды он привез её за город, на свою дачу. Там заросшие травой участки чередовались с коротко подстриженными, будто светлые и тёмные квадраты шахматной доски. Воздух был свежий и душистый. Никакой картошки, моркошки и прочего. Только цветы. И старые яблони, и разноцветные

шезлонги. Сидели на веранде, пили чай. Вдруг он сказал: «А мне сегодня сорок стукнуло. С утра без продыха — поздравления, подарки. Гори всё это синим пламенем» – и без перехода стал читать своё любимое:

*«День ушёл, убавилась черта.
Я опять подвинулся к уходу.
Лёгким взмахом белого перста
Тайны лет я разрезаю воду.
В голубой струе моей судьбы
Накипи холодной бьётся пена,
И кладёт печать немого плена
Складку новую у сморщенной губы».*

И ей опять стало грустно.

...Сначала в приоткрытую дверь жасминовым шлейфом просочились духи, потом в кабинет вошла дама, затянутая, несмотря на подступающую полноту, в узкий кожаный костюм, с короткой – под мальчика – стрижкой, по-модному разлохмаченной и напоминающей распутившуюся хризантему.

– Выпишите мне, пожалуйста, очки. Читать стало трудно. И когда поволнуюсь – какие-то круги перед глазами. Но это, наверное, не к вам?

– Ваша карточка?

– Вот она.

Виктория взяла в руки тонкую книжечку склеенных листочков, посмотрела на обложку и... всё сходилось: фамилия, имя, адрес... Бог мой! Пациенткой была Юрина жена.

– Виктория Анатольевна, срочно к главному! – любопытные глазки секретарши Лорочки остановились на её взволнованном побелевшем лице.

– Но у меня приём.

– Виктория Анатольевна, вы же знаете, Семён Васильевич ждать не будет.

– Доктор, а вы надолго? Может, мне подождать в коридоре?

Она секунду поколебалась: «Останьтесь здесь».

– Тогда просьба. Там на скамейке сидит мальчик – сын, скажите, чтоб не ждал меня, а то опоздает в музыкальную школу.

На ватных ногах она вышла в коридор.

– Ты – Серёжа?

– Я, – он посмотрел на Викторину льдистыми Юриными глазами.

– Твоя мама задержится. Просила, чтобы не ждал. Куда ты спешил – в музыкалку?

– Сначала в библиотеку.

– Ну и иди.

Но когда она возвращалась, мальчик всё ещё был тут.

– Ну что ваш главный? – проявила интерес Юрина жена.

– Наконец-то дал мне сестру. Работать одной – очень трудно... А ваш сын не ушёл – ждёт.

– Странно. Вообще-то он папин сын. Я, как родила, прямо в больницу угодила с воспалением лёгких. И Юрий Михайлович, это мой муж, готовил смеси, стирал пелёнки, не спал ночами. Они как ниточка с иголочкой. Любят друг друга без памяти. Правда, сейчас Юрий Михайлович очень занят, вот Сержик и лепится ко мне... Доктор, а какую мне лучше опрау?

– Купите в «Оптике», какая понравится. И вот ещё что... С этими кругами перед глазами... сходите к невропатологу.

– Спасибо, доктор. – Она щёлкнула замочком сумочки, достала шоколадку, положила её на край стола. – Это вам. Вы так любезны.

...– Ягодка моя синеглазая! – Юрий потянулся к Виктории, в несчётный раз поцеловал её губы. – Я не могу без тебя. И не отговаривай. Я уйду от Галины. Примешь? Вернусь из Франции (чёрт побери эту командировку, больше месяца без тебя!) и сразу же подам на развод. Обещаешь, что тогда точно поженимся?

Он уехал, и жизнь Виктории Анатольевны стала такой, какой была до встречи с ним – скучной. Вечерами она сидела в кресле-качалке и вспоминала: воспоминания лучше обещаний, которые не в силах сдержать.

Чаще всего почему-то вспоминалось, как сидела маленькой у бабушкиной печки и как тлели угли, сначала красные, потом безжизненные, серые, как лохмотья. Старый дом по-прежнему на том же месте. Но бабушка живёт в нём одна. И доит корову. По крайней мере, доила, когда прошлым летом Виктория приезжала навестить её.

...Заявление об уходе ей подписали сразу же, на квартиру нашёлся покупатель со связями, и потому оформили всё на удивление быстро и без хлопот...

Февраль стремительно мёл позёмкой, когда Юрий Михайлович вернулся. Да, Франция была прекрасна, и контракт подписан, но родной город с его неуклюже стандартными домами, обледенелыми тротуарами, старой набережной в снегу был во сто крат милее. Потому что здесь его ждала Вика. К её дому он подъехал под вечер, наскоро уладив дела.

Окна были тёмные, значит, она на работе. Он привычно позвонил соседке.

– Можно ключики?

– А Виктория здесь больше не живёт.

– Как?

– Уехала.

– Куда? – зрочки его сузились, будто он смотрел на яркое солнце.

– Не знаю, – она хотела закрыть дверь, но он мялся на пороге, перекладывая из руки в руку букет тёмных роз. – Она мне что-нибудь просила передать?

– Ни-че-го, – отчеканила соседка. – Извините, котлеты горят.

Май робко разворачивал клейкие листочки, когда, просматривая в офисе деловую почту, Юрий наткнулся на конверт, адресованный ему лично. Слово «лично» было подчёркнуто волнистой линией, обратного адреса не было, штемпель смазанный.

Вложенный листок был маленький, блокнотный.

«Сегодня – день моего рождения, – писала Вика своим неразборчивым, «докторским» почерком. – Я опять, как и год назад, испекла торт. На этот раз «Наполеон». Вот и догнала тебя: мне тоже стукнуло сорок. Милый! Пойми и прости. Я не могла иначе. Сыновья не должны расти без отцов. Дочки, конечно, тоже. А мы с тобой взрослые и умеем держать удар. Помнишь, ты читал в нашу первую встречу: «Коль нет цветов среди зимы, то и мечтать о них не надо». Я по-прежнему люблю тебя. Но начинаю свою жизнь заново. И не сомневаюсь, что всё у меня будет хорошо. Или, наоборот, плохо? До свидания, а может быть, прощай. Как знать, правда?»

САДОВО-ОГОРОДНЫЙ РОМАН

Она вдохнула сиреневый туман раскрывшихся соцветий и зелёной тропинкой зашагала к даче, на которой не была с осени. Дверь домика оказалась открытой, за ней зияла пугающая темнота, кое-где подсвеченная золотистыми пятнами от солнца.

«Так...», – она остановилась на пороге, потом решительно двинулась вперед. И замерла в недоумении. Старый диванчик был застелен ворсистым покрывалом, разрисованным жёлто-коричневыми фитюльками. На столике стояла бутылка пива «Миллер» и в стеклянной банке – несколько жёлто-пушистых одуванчиков. Подивившись чистой наволочке, она приподняла подушку, там лежали конфеты, и не какие-нибудь карамельки, а шоколадные трюфельки, явно приготовленные, чтобы полакомиться на сон грядущий.

«Ну и бомжи нынче пошли, – подумала с усмешкой, – покрывало, наверное, приволокли с какой-нибудь богатой дачи. Но конфеты...»

Она шумно поставила сумку на пол, и в дальнем углу тут же что-то зашевелилось.

«Мыши...», – она прикинула, как побыстрее заскочить на диван.

Но из кресла, чиненного-перечиненного ещё её отцом, выросла фигура мужчины, явно спросонья.

– Вы... чего тут делаете? – опасно спросила она.

– Я? Живу, – невозмутимо ответил мужчина.

Ссору с бомжем, когда стоишь одна-одинёшенька, она благоразумно отвергла.

– Значит так, – стараясь, чтобы голос не дрожал, сказала она, косясь на спасительную дверь, – это наша дача.

– Не спорю, – улыбнулся незнакомец.

Еще бы поспорил, – мысленно подытожила она, – я вот сейчас прямо в милицию... Ой, мамочки, какая тут милиция, хоть бы дядя Миша на месте оказался, и то ладно – всё подмога.

– В общем, давайте по-хорошему. Мы будем приезжать в выходные с десяти до пяти. И чтоб вас тут не было! А ночевать... ночуйте, если вам уж совсем идти некуда.

– Договорились, – еще шире улыбнулся бомж и нагло вато спросил: – Вас проводить?

– Покрывало? – лишь на секунду запнулся дядя Миша. – Да спёр! Натурально спёр! Вон у Кузькиных в погреб залезли, огурцы, варенье – всё подчистую. Потом костер разожгли и картошку пекли. Только что шашлыки не жарили. Курятиной не пахло, врать не буду.

– А вы чего ж их не спугнули?

– Я что – дурак? – спросил дядя Миша и сам себе ответил, чуток подумав: – Не дурак... Они бы меня по кумполу да топориком.

– По... какому... кумполу... каким топориком...

– Ну, непонятливая моя, по голове, значит. А топорик... он всегда в хозяйстве найдётся. Кузькины – они запасливые... Ты-то со своим не ругалась? А то, гляди, в отместку дачу спалит. А от твоей моя займётся... потом Кузькиных, – мечтательно произнёс дядя Миша последние слова и, взявшись за лопату, вновь принялся срубать безвинные одуванчики.

– Мешают, гады... От Кузькиных лезут. Картину мне тут портят. И вообще... сорняк. А у хорошего хозяина всё должно быть... прилизано, грядки... по ниточке.

– Яблоки с кулак.

– Чего?

– Да это я так, дядя Миш.

«А одуванчики ничегошеньки не портят, а украшают», – трясаясь в автобусе, подумала она и отчего-то вспомнила банку на дачном столе с тремя цветочками.

...Через неделю тот же автобус вез её к дачному кооперативу. Небо было безоблачным и обещало жаркий день... Но солнце вдруг закапризничало, и сразу потемнело. В окно ударил дождь.

– Зарядил бы на все выходные, – сказала женщина в цветной панамке и прикрыла окошко, чтоб не капало. – Всё равно урожай будет с гудькин нос, а сколько сил вложено... Сосед мой, здоровый с виду мужик, инфаркт прямо на грядке схлопотал.

– Умер? – ужаснулся кто-то.

– Зачем? Живет. Отходили. Чуть оклемался, опять на огород ездит,

как мы, рассаду возит. Прямо бычок на верёвочке.

Дождик... Разговоры попутчиков... Всё это долетало до неё, как в тумане. Накануне зашла на огонёк подруга Тоня и, как водится, осталась ночевать. Проговорили полночь.

– Всегда ты влипаешь в какие-то истории, – укорила Тоня, – и божжи тебе какие-то ... интеллигентные попадают... А вдруг ты завтра приезжаешь, а он тебе грядки вскопал, сучки сухие попилил... Слушай, а зачем ты ему сказала, что «мы приедем», ну в смысле ты и еще кто-то? У тебя что – секретный поклонник завёлся? Ну, ладно... не обижайся... Максима забыть не можешь... Пять лет прошло, как его схоронили. А ты и медаль его в шкаф не спрятала. И бумагу эту «погиб при исполнении воинского долга». Для сынули бережешь... Он когда из лагеря возвращается?

– Так смена только началась, а он и на вторую просится.

– Весело ему, значит, там. А ты тут... А сколько мужиков стоящих к тебе подкатывается. И начальник наш, и Виктор Андреевич из налоговой. Я уж не говорю про ребят из нашего отдела. Куда там! Гордая ты у нас... И странная... Бомжа вон пожалела. Он, поди, небрит, нечёсан и немыт.

– Ничуть не бывало. Очень даже... приличный... человек.

– Ну, приехали. Бомж у неё приличный выискался.

Дача встретила её тишиной. И, конечно же, грядки были не вскопаны, а сушняк в малиновых зарослях являл собой укор её бесхозяйственности. В домике всё было по-прежнему, только одуванчиков в банке прибавилось. Бомжа видно не было... И на том спасибо...

Весь июль она исправно ездила на дачу. Бомж ни разу ей на глаза не попался. Но его присутствие было заметно. Вместо одуванчиков на столе появилась сначала сирень, потом жасмин. Старое кресло превратилось почти что в новое, по крайней мере, уже не заваливалось набок. Бак исправно наполнялся водой, которую давали по графику по будням. Грядки с укропом и зелёным луком были политы. А на грушах и яблонях сухие сучки спилены, совсем как предсказывала Тоня.

Вместо того чтобы по совету дяди Миши «трудиться, трудиться и еще раз трудиться», она расстилала полотенце на лужайке за домом и отдавала себя в плен тёплым, а иногда и горячим лучам. Часа в три перекусывала бутербродами, уходя, обязательно оставляла хлеб с сыром, аккуратно выложенный на тарелку и прикрытый салфеткой.

А однажды открыла дверь... и ни покрывала, ни подушки, ни раздолбанных кед в углу – ничего не было. И полотенце, которое к её приезду было обычно ещё мокрым, оказалось сухим. Только банка с цветами осталась...

В августе она подхватила горящую путёвку и уехала. Добросовестно ходила на экскурсии. Загорела, но погрузилась. Не по ней было делить досуг с незнакомыми людьми, охочими до развлечений.

Вернувшись, продала дачку. Что ей было на ней делать? Земледель-

ца из неё не получилось. Оправдывая своё решение, она рассказывала Тоне случай, приключившийся по весне. Тогда на подходе к мусорным бачкам, куда она несла выбросить пластмассовые бутылки из-под газировки, на неё коршуном налетел приличного вида дядечка: «Пожалуйста, не бросайте, отдайте их мне. Вы не подумайте, я их не молочницам загоняю, а обрезаю верх, сыплю землю, сажаю семечко. А потом рассаду – на огород».

Тоня часто приходила ее навещать. Вот и сегодня она ждала подругу. Наконец раздался звонок.

– Тонь, привет! Ты где застряла? – она широко распахнула дверь.

На пороге стоял бомж. Её бомж. Только одет он был в костюм, и ворот светлой рубашки подпирал галстук.

– Не побойтесь впустить в дом чужого человека? – вместо приветствия спросил бомж.

– Чего уж там – проходите.

– Пришёл сказать вам «спасибо» за летнее гостеприимство.

– Адрес-то как узнали?

– Для журналиста тайн не существует.

– Для... кого?

– Какой у вас горячий чай. Я такой люблю. И бутерброды с сыром. Что-то они мне напоминают... Вы меня, значит, бомжем считали. Что ж, мой трюк удался. У нас в газете есть такая рубрика «Испытано на себе». Я решил стать бомжем, дачным, чтобы потом рассказать читателям, как это всё бывает. Изнутри.

– Вы меня не разыгрываете?

Он достал из кармана красную книжечку с броской надписью «Пресса». Развернул.

– Сверьте, пожалуйста, фотографию с оригиналом... Похож? Ой, совсем забыл: там в сумке яблоки – антоновка, это дядя Миша вам прислал. Очень он горюет, что вы дачу продали. С Кузькиными-то, говорит, не очень пообщаешься, а с вами – за милую душу.

КТО ПОСЛЕДНИЙ ЗА ТУМАНОМ?

Меня зовут Глафира. Я не люблю праздники и больше всего – Новый год, когда одиночество ощущается особенно остро и тревожит непредсказуемостью, как вспышки на солнце.

Я окончила университет и получила профессию синхронного переводчика. Пока училась, будущее казалось заманчивым, будто подарок под ёлкой в детстве. Но работы по специальности не находилось. Потом всё же проклюнулись варианты. Однако в полулегальной фирмочке, куда я отпра-

вила свое резюме, нужно было озвучивать сериал сомнительного достоинства. В другом месте предложили должность референта, кроме знания языка, в обязанности, как мне недвусмысленно объявили, входили и прочие услуги.

И на меня, как тяжёлое ватное одеяло, навалилась депрессия. Что началось, кроме отвратительного настроения, леденеющие ноги даже в тёплой постели, озноб, нервную дрожь и бессонницу. Озабоченные родители (мама – лингвист, папа – физик, оба доценты) выхлопотали мне ставку лаборанта на кафедре с перспективой, весьма отдалённой, получить должность ассистента. Но мне не хотелось таким образом начинать свою карьеру. Мне претили посиделки с чаем и кофе, с вафельными и бисквитными тортиками и бесконечные домашние рецепты, коими так любят делиться преподавательницы. В лучшем случае меня ожидало обсуждение выставки, размещившейся в фойе, где превалировала жеманная дамская акварель, писанная от нечего делать вузовскими сотрудницами.

Мне хотелось самостоятельности. И я погрузилась в неё, пробавляясь случайными заработками, как в вязкую кашу, в которую превращается в оттепельное утро выпавший накануне снег, – то есть неудачно. Мелькали дни, как в калейдоскопе стёклышки, но в узор никак не складывались – будни и ненавистные субботы и воскресенья, когда немногочисленные подруги отсыпались до обеда, а потом, готовясь к новой трудовой неделе, «чистили перышки», дабы привлечь внимание своих коллег из числа сильного пола. У меня же на душе было запущено и грязно, как в Авгиевых конюшнях, и не приходилось рассчитывать на помощь современного Геракла.

В какой-то момент я поняла: надо круто менять жизнь, если я не хочу прослыть лягушкой из притчи, вставшей в уныние, опустившей лапки и так и не сумевшей выбраться из кувшина, полного молока.

Теперь я живу в другом городе в маленьком деревянном домишке, доставшемся от бабушки с дедушкой. Раньше сразу за нашим палисадником начиналась небольшая рощица. Её давно уже нет. На месте деревьев прописался особняк – двухэтажный, добротный-кирпичный, окружённый ажурным забором.

...В тот день, 31 декабря, бледные сумерки пришли рано. Тускло-серое небо отделилось жёлтым, намекая на скорый снегопад, который и не заставил себя долго ждать. Потемнело до черноты. Опускаясь на землю, снег сверкал в приглушённом золотом свете, льющемся из окон, и лениво поскрипывал под ногами прохожих, спешащих к праздничному уюту. Пышные хлопья падали, не переставая, казалось там, наверху, кто-то невидимый ощипывает гигантскую белую курицу, разбрасывая перья, как попало. «Всего лишь через час, – подумала я, – этот снег станет уже прошлогодним». И меня потянуло к печке, стреляющей угольками, к огню, вспыхивающему то вишнево-ярко, то пепельно-блекло...

Я подогрела красное вино, добавив под конец немного корицы и сухой бутончик гвоздики – для аромата. И включила ноутбук. Страница открылась, привычно «выпрыгнул» Яндекс. Мне вспомнилось, как однажды моя подруга – небольшой знаток современной техники, – впервые подключив модем, разбудила меня среди ночи звонком.

«Представляешь, Глафирка, – голос её тревожно звенел слезами, – делаю всё по инструкции, а Интернета нет. Только какой-то Яндекс вылезает».

За окошком загрохотало, я гляделась в ночь. Напротив, в особняке, горели все окна. В небе вспыхивали фейерверки, дробясь на ближние и дальние огоньки, ослепляя своей разноцветностью. Видимо, хозяин принимал гостей, и веселье выплёскивалось через край. Я знала о своём соседе немного и только со слов Катерины. Мы с ней познакомились в местном гастрономе. Оказалось, что нам по пути. Разговорились, а со временем и подружились. Меня удивило, что она работает в особняке дворником. Странное занятие для девушки.

Но Катя была иного мнения. «Трудно, что ли, лопатой или метёлкой помахать, двор-то невелик, – объясняла она мне, хрустя вафельным батончиком, – а деньги мне нужны, я ведь в школе балду гоняла, теперь приходится на платном учиться. Диплом нужен, сейчас даже от продавщиц высшее образование требуют. Не хочу быть вечно менеджером низшего звена. Кроме меня, у хозяина есть ещё шофер и приходящая прислуга Анна Фёдоровна, в годах уже женщина, она и завтраки готовит, а обедает и ужинает он редко дома».

Слушала я её рассеянно, занятая своими мыслями...

Я вернулась к ноутбуку. Отпила глоток вина и открыла электронную почту – последнее сообщение. От него. Отправлено 15 минут назад.

«Милая Незнакомка, вы по-прежнему остаётесь для меня очаровательной незнакомкой. Но думаю, что в наступающем году мы наконец-то встретимся? Напишите мне «да». Пожалуйста. Пусть это будет вашим подарком мне. А я дарю вам эту вьюгу-метель. Посмотрите в окно – она уже разгулялась. Я вот думаю, как здорово, что тогда я, Незнакомец, наткнулся в сетях на страницу таинственной Незнакомки в шляпке с густой вуалью и напросился к вам в друзья. С тех пор прошло почти три месяца...

Интересно, чем вы заняты сейчас? В какой компании встречаете праздник? Напишите мне об этом. Мне всё-всё о вас интересно. С наступающим Новым годом! Счастья вам! Очень хочется, чтобы оно у нас было общим.

Преданный вам Незнакомец».

В первый день января солнце оранжевой тыквочкой вывалилось из-за туч, поспешно убежавших прочь. Деревья стояли мохнатыми от укрывшего их снега.

«Уважаемый Незнакомец, – писала я в ответ, – с того времени, как мы

с вами переписываемся, прошло, если быть точным, два месяца и 21 день. Но близость, я думаю, не определяется временем. Меня сразу заинтересовало ваше необычное фото – цивильный костюм, но на голове рыцарский шлем. Жаль только, что лицо скрыто под забралом. Но и моё лицо в тени. Так что мы, как говорится, квиты... Не скрою, я уже привыкла к нашему виртуальному общению. Но оно, согласитесь, как блуждание в тумане... Хотя не счесть желающих приобщиться. Я представляю себе эту длинную-длинную очередь с традиционным вопросом: «Кто последний за туманом?» Увы! Чувства нельзя «скачать» или «скопировать» с чужих. Не получится и «удалить», если что-то пойдёт не так. И сохранить их можно только реально... Не буду скрывать, мне тоже хочется увидеться с вами... Пусть наши желания сбудутся до того, как станут ненужными... При всём богатстве эмоций жизнь наша (я так думаю) укладывается в пять вопросов: «что?», «кто?», «где?», «когда?», «почему?».

«Быть вполне искренней для женщины значит то же, что показаться на людях без платья». Это я прочитала у Стендала, романы которого в ранней юности обожала, особенно «Красное и чёрное». И хотя считается, что французы – законодатели мод и в чувствах, с этим высказыванием я не согласилась. Вот и сейчас... Я могла бы придумать, что встретила праздник в шумной и весёлой компании друзей... Но всё не так. Я была вдвоём... с ёлочкой. Она растёт рядом с моим домом, саженец когда-то давно (кажется, что в прошлой жизни) привёз из лесного питомника мой дедушка. С тех пор в канун января меня одолевает бессонница. Вынужденная. Я очень боюсь, что на мою красавицу кто-то позарится и срубит её, чтобы утащить к себе в дом. Чем больше мне лет, тем больше я боюсь. Поэтому я не закрываю занавеску и всё время тарашусь в окно. На этот раз мне удалось полюбоваться фейерверком, его запускали по соседству... Замечательная погода выпала нам в этот Новый год, и, когда начало светать, я вышла на улицу. Красота! На память тут же пришли строки Велимира Хлебникова: «Русь, ты вся – поцелуй на морозе...», я недавно перечитывала его стихи... А вы любите поэзию?

В начале нашего знакомства я спросила вас о работе. «Я прихожу каждый день в офис», – ответили вы. Это меня обрадовало. Я больше всего боялась прочитать: «У меня свой бизнес». Ненавижу это слово – «бизнес». Во-первых, есть понятное русское слово «дело». Во-вторых, сейчас бизнесменами любят называть себя, чтобы пустить пыль в глаза, или люди недалёкие или наивные. Я даю уроки французского милому мальчику. У него папа (по его словам) бизнесмен, а мама бизнесвумен, у них семейный бизнес. Из дальнейшего выясняется, что папа-«бизнесмен» имеет палатку на рынке, а мама продаёт в ней стиральный порошок и туалетную бумагу. А дядя Гриша – он сторож в магазине, где я регулярно покупаю продукты, – собирает пустые бутылки и сдаёт их за «денежку», он тоже называет себя

бизнесменом. Это не смешно. Это грустно. Так же, на мой взгляд, грустно, как считать любимым фильмом «Титаник» (приходилось слышать такое, и неоднократно), где люди умирают страшной смертью...

Незнакомка».

«Милая Незаемка, ваши рассуждения мне понятны. Предприниматель – разве плохое слово? Предприимчивый человек – это не оскорбление, а (я так думаю) похвала. При одном условии: если у такого человека есть совесть... Но некоторым, а по сегодняшним дням многим, хочется выглядеть круче. Отсюда – целая армия «бизнесменов», таких, которых вы имеете в виду.

И в продолжение темы «Титаника». Недавно по радио (сам слышал) жена в день рождения заказала для «любимого мужа» знаете, какую песню? «Владимирский централ». В день рождения. Не хотел бы я получить такой подарок.

Преданный вам Незаемец».

Говорят: несчастливую пору не гони прочь, она как пришла, так и уйдёт – сама. Не в одночасье, конечно, но жизнь у меня наладилась. Репетиторство, обучение французскому языку маленьких детишек в частном детском саду позволили мне обрести финансовую независимость. Но ноту счастья привнёс Незаемец. Хотя к тому времени я уже знала его имя – Максимилиан и открыла ему своё. И мы уже обходились без чопорного «вы», заменив его тёплым «ты».

«Доброе утро, Максимилиан! Ты уже, наверное, торопишься в офис, как бы не опоздать... А у меня настроение паршивое. Вчера опять налетела на скандал. С Натальей Юрьевной, воспитательницей. Я уже как-то тебе о ней писала. Не знаю, задавали ли тебе в школе сочинение на тему: «Почему мы считаем Землянику наиподлейшим из чиновников?» Так вот Наталья Юрьевна и есть современной выделки Земляника. Тот Хлестакову «заложил» всех своих братьев, и она бежит потихоньку в кабинет к заведующей и обо всём ей доносит. Кто что сказал, как поглядел... А я подлиз и наушниц не перевариваю! Вчера она наплела каких-то небылиц про няню из старшей группы. Собрали коллектив для показательной словесной порки... Няня плакала, оправдывалась в том, чего не совершала. Ну я и высказала всё, что думаю... «Быть холумем – это что, профессия?» – спросила я напрямую Наталью Юрьевну. Если бы ты знал, какую бурю гнева разбудили эти мои слова! Наталью Юрьевну отпаивали валерьянкой, отпаивала, между прочим, та самая няня... Меня поддержала только Инночка. Она совсем молоденькая девчонка, после колледжа... Дети – а у неё в группе малыши – за ней, как хвостики, ходят. Она для каждого ребенка нужные слова находит. Ну, например... Есть у нас такая девчушка Даша. Она на прогулке берёт в рот снег, положит за щёчку и сосет, как конфетку. Ругать её бесполезно. Но Инночка придумала такой ход: «Знаешь, Дашенька, почему нельзя есть снег? Он

цветочки и травку укрывает, чтобы не замерзли, чтобы к нам весна зелёная пришла». И, можешь себе представить, Даша от своей привычки отказалась. Март, даже такой слякотный, обвешанный сосульками, по душе многим. А я больше всего люблю осень, когда земля, как веснушками, пестрит листьями. Я тогда не жду уже тёплых дней, я знаю, они помянут и обманут...

Глафира».

«Добрый вечер, Глафира! Я тоже ненавижу холоуев. Ведь, по сути, эти хамы – хамы. И если начальник принимает их услуги, то он (в твоём случае она) не профессионален как руководитель. Я по твоему совету прочитал переписку Чехова. Он считал, что России необходим хороший, умный, образованный человек. Но это ведь меседж и сегодняшнего дня, и не только у политиков. Кстати, я, когда был маленьким, тоже ел снег (а ты разве не пробовала?), и не нашлось такой Инночки, которая бы меня отучила. А ещё, помню, у меня были варежки, пришитые к резинке, которая резала мне шею, потому что шарф постоянно сбивался... Мы жили с мамой на её крошечную зарплату медсестры. У отца была другая семья. Изредка он навещал меня, приносил пряники (он считал почему-то, что я люблю пряники), они были твёрдыми, я ими давился, но ел, потому что это был «подарок от папы». Мама работала в больнице. Персоналу полагался бесплатный обед. Иногда она брала меня с собой в столовую, это было против правил, но главврач закрывал на это глаза. Порции были маленькими. Мама подкладывала мне котлетку со своей тарелки, а себе оставляла только картофельное пюре. Зато на столах стояли большие миски с капустным салатом, его можно было есть сколько угодно. Хоть всю миску! Место, где мы жили, считалось окраиной. Теперь это шумный и суматошный проспект, и дом наш давно снесен. Квартира была на первом этаже. Окна – с двойными рамами, потемневшими от времени. К Новому году мы с мамой раскладывали между рамами вату, а поверх – ёлочные игрушки. Так же делали и соседи. Получалось соревнование: у кого лучше. Во дворе была горка. Я катался на дощечке, добытой у дровяного сарая, но она часто выскальзывала, пальто задиралось, и в валенки набивался снег, а байковые штаны не спасали от холода. Однажды я набрался смелости и попросил отца купить мне лыжи. Он пообещал. Но я их так и не дождался... Мама настояла, чтобы я учился очно и на дневном. Занятия в институте заканчивались не очень поздно. Но приходилось и «закалывать» лекции, чтобы успеть на подработку. Устроился я сразу в три места, и челноком гонял с улицы на улицу. Время было такое. Как говорил наш преподаватель по экономике: «Не спи в оглоблях!» Мы и не спали. А потом и из оглоблей выпряглись. Самостоятельно. Как ни странно, но в нашем не очень богатом даже по советским меркам доме (теперь я понимаю, что жили мы бедно) было много книг. В простых переплётках из серии «Народная библиотека». Я читал всё подряд, но больше всего мне нравились стихи. Фёдор Тютчев, например:

*Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье,
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.*

Там дальше говорилось о последней любви, но у меня тогда и первой-то ещё не было...

Однажды я допоздна разгружал на станции вагоны, заплатили прилично, и я прикидывал, как сейчас обрадую маму. Но на лестнице меня поджидала соседка. Сказала, что у мамы сердечный приступ и её забрала «скорая». Я открыл дверь. В комнате ещё пахло мамиными духами. Слабо пахло...

Максимилиан».

...Ландышевыми колокольчиками зазвенел май. Накануне тепло поманило подступающим летом. Но с утра дождь припустил наперегонки с ветром. Он озорно плескался в лужах, как непослушный ребенок, сбегавший из-под маминой опеки. Лишь когда вышли на прогулку синие вечерние облака, я открыла очередное письмо от Максимилиана.

«Здравствуй, милая Глафира! Как дела? Я размышлял над твоим последним письмом... Как много у нас общего. Я тоже не смог бы работать спичрайтером, подсовывая свои мысли чужому человеку. Даже из лучших побуждений и даже за большую плату. Работа должна приносить удовлетворение. И давать возможность жить, скажем так, безбедно. Да, я настаиваю на этом: безбедно. Потому что считаю: мужчина не имеет права обречь жену, детей на подсчеты копеек. Мне непонятно, когда молодые ребята спешат завести семью. Именно «завести», как заводят, ради интереса, покладистую кошечку или верную собачонку. Я хочу «обрести». Чувствуешь разницу? И только с любимой женщиной. Раз и навсегда. У нас все в роду однолюбы и уже, как я писал, в четвёртом поколении Максимилианы. А тебя по бабушке назвали Глафирой. Опять сходство. Судьба нас подталкивает... Хотя в Интернете, как многие считают, не может быть серьёзных знакомств. А как же мы, милая уже не Незнакомка? У нас ведь всё серьёзно, правда?

Преданный тебе Максимилиан».

«Привет-привет! Послушай, Максимилиан, я, если честно, очень боюсь тебя разочаровать. Я ведь очень обыкновенная. Если бы ты увидел меня в толпе, прошёл мимо.

Глафира».

«И тебе привет, моя хорошая! Глафира, ну что ты? О каком разочаровании говоришь? Разве может разочаровать девушка с таким изящным, утончённым именем?! В отличие от моего – длинного, труднопроизносимого...

Максимилиан».

«Твоё имя вовсе не длинное и отлично выговаривается, только не надо обыденно превращать его в «Максим», или вульгарно сокращать до «Макс», или на детский лад – «Максик». Я, кстати, не люблю, когда меня, сюсюкая, называют Глафирочкой, или Глашенькой, или на иностранный манер Глорией. Я – Глафира, только так!

Глафира».

«Дело не в имени, конечно, дело в том, что я тебя люблю.

Твой Максимилиан»

«Я, кажется, тоже...

Твоя Глафира».

...Объявилась Катерина. До этого недели три не заходила, не звонила, а тут, как сказочная лисичка со скалочкой, робко постучалась в мою дверь. Я ахнула, взглянув на неё, и застыла на пороге. Рыжие волосы, когда-то собираемые в пышный хвост, теперь подстрижены «горшочком» и от избытка лака выглядят склеенными. Щёки неумело нарумянены, как у какой-нибудь молодящейся мадам, помада на губах цвета фуксии, накладные ногти будто взяты напрокат у Бабы-яги.

– Нравится? – она по-своему истолковала мой нечаянный «ах».

– Ты себя видела, Катя?

– А что, уже показывали?

– Ты о чём?

– Так к хозяину приезжали с Первого канала, интервью снимали, ну, я тоже в кадр попала... А вообще-то я к тебе с просьбой...

– Выполню... но при одном условии...

Я уговорила Катерину смыть неуклюжий макияж, и её личико вновь засияло природной красотой. Водные процедуры с шампунем внесли коррективы и в её причёску. Только с длинными ногтями она расставаться наотрез отказалась, жалобно сообщив: «За них ведь денежки уплачены».

– Ну вот, теперь говори просьбу.

– Сначала давай чаю попьём.

Попили. С мармеладом и сушками.

Наконец Катя поделилась новостью: «А я, может, скоро семейной женщиной стану».

– Кто жених?

– Так... Тихий. Не Ален Делон, конечно, но...

– Поздравляю, невеста, – сказала я.

– А ты чего улыбаешься?

– Да вот подумала, отчего наши женщины так душой прикипели к этому синеглазому французу? – объяснила я и поторопила: – Ты давай дальше рассказывай.

Оказалось, что Катин кавалер Тихон (в Катиной интерпретации – Тихий), за которого она настойчиво собирается замуж уже полгода, нако-

нец-то раскошелился и купил для них путёвки на турбазу.

– Думаю, там объяснимся и съедемся, – счастливо вздохнула Катерина и неожиданно продолжила: – Всё от тебя зависит.

– От меня?

– Ну да. Загвоздка-то в чём? Уеду, а кто вместо меня двор у хозяина приберёт? Вот я и прошу: замени меня... всего-то на десять дней.

– Я? Дворником?

– А что? Никуда не ехать, только дорогу перейти, а там охранники (я с ними договорюсь) ворота откроют, где метла, покажут. И всего-то утром часика два да вечером немного глаза помозолить – и довольно. Место мне терять не хочется. Вдруг с Тихим опять не выгорит...

– А если поймут, что я не ты?

– Подмены никто не заметит. Анна Федоровна по дому крутится, со мной она никогда не общается. А хозяин? Ты ему только, как он утром в машину будет садиться, рукой махни и «Доброго вам дня!» крикни. Я всегда так делаю.

...Вблизи особняк выглядел симпатичным. И необычным: окна высотой в два этажа, от крыши до подвала. В общем, не избышка на курьих ножках, но и не вульгарный новодел.

Стараясь держаться подальше от крыльца, ярко освещённого фонарями, я сделала так, как учила Катерина: крикнула нужное пожелание, ручкой взмахнула. Хозяин, не глядя, помахал в ответ, сел в машину и уехал. А я пошла убирать территорию за домом. Оказалось, что берёзы, которые я считала вырубленными, растут в целости и сохранности. Не вся, конечно, бывшая роща, но большая ее часть. Браво, хозяин!

Но в последний день моих трудов праведных мы столкнулись с ним, как говорится, нос к носу. Он, поздоровавшись, приостановился, мазнул по мне взглядом и пошёл вглубь вишнёвых посадок, куда я ещё не забредала. И я успела его хорошо рассмотреть: подтянутый, лицо запоминающееся, хоть портрет пиши, особенно глаза, тёплые и яркие. Пробыл он в отлучке около часа. Как только он вернулся в дом, я мышкой шмыгнула в этот самый дальний угол. И обнаружила там теплицу. Неужели хозяин выращивает банальные огурчики или рассаду? И я сунула свой любопытный нос внутрь. В душноватом воздухе цвели орхидеи.

– Интересуетесь? – голос охранника Вити раздался так неожиданно, что я чуть не уронила метлу.

– Это садовник такой красотой занимается? – спросила я, впрочем, уверенная в ответе.

– Нет, это хозяина хобби. Он с орхидеями возится, как этот... ну...

– Ниро Вульф, – подсказала я.

– Ага, толстяк этот самый.

– Хозяин ваш мне таким не показался.

– Не... он спортом занимается.

– Послушайте, что мы все «хозяин да хозяин». Имя-отчество у него ведь есть?

Витя растянул пухлые губы в улыбке, но тут крутым джазом взорвался его сотовый, невежливо перебив наш разговор. Виктор отошёл на несколько шагов, послушал невидимого собеседника и, сломя голову, унёсся прочь в недра дома.

Когда я уходила, у ворот дежурил уже другой охранник. Он коротко кивнул мне, и, перебежав дорожку, я очутилась дома.

И орхидеи, и так и не узнанное имя хозяина особняка – всё это вылетело у меня из головы, как только я открыла письмо от Максимилиана. С момента нашего знакомства не прошло ни одного дня, когда бы я его не получила и не написала ответ...

...Солнце ещё не проснулось, но, даже если бы выглянуло в неурочный час, вряд ли обрадовалось возможности искупаться в дождевых тучах, сырых и тяжёлых, как неудавшиеся пироги. Они ползли по небу по-черепаши медленно, казалось, засыпая на ходу. Было невыразимо грустно...

Но это было утро того долгожданного дня, когда мы с Максимилианом должны были впервые встретиться. Свидание назначено на семь вечера, и я тешила себя мыслью, что погода еще смилостивится и с неба перестанет капать, как из простуженного носа.

Мы договорились увидеться в городском парке, на первой скамеечке у входа. Мне отчего-то представлялось, что Максимилиан придёт с букетом роз, ведь я не удосужилась написать ему, что не люблю эти помпезные цветы, на длинных стеблях, завезённые в нашу провинцию из экзотического Эквадора или далёкой Колумбии...

По аллее под морозящим дождём прохаживался мужчина, и что-то неуловимо знакомое было в его фигуре. Ещё не уверенная в своей догадке, я негромко позвала: «Максимилиан». Мужчина обернулся и пошёл мне навстречу. «Глафира... Как я рад», – сказал он мне и действительно протянул цветы. Против ожидания это были не розы, а орхидеи – восхитительно белые, как свежий, только что выпавший снег. Из той самой теплицы, куда я когда-то сунула свой любопытный нос. «Вот я и узнала, как зовут хозяина особняка». Это было последнее, о чём я подумала, перед тем, как он поцеловал меня...

Вот, собственно, и вся моя история...

ДЯДЯ ВАНЯ

В тот год мы жили на далёком Севере, на берегу заливчика, именуемого по обычаю тех мест губой. Наш деревянный домишко вмещал восемь молодых офицерских семей. Мужья чуть свет, чмокнув нас в сонные щёчки, уносились, подхваченные вольным ветром, на катер, который доставлял их на службу в базу военной части. Там процветала цивилизация, недоступная нам: каменные дома, магазины, Дом офицеров. А здесь, с нами, оставались снежные сугробы выше головы зимой да обсыпанные морошкой сопки поздним летом. Как бога, мы ждали вечера, когда катер возвращался обратно, суля встречу с любимыми. Но так случалось не всегда: если штормило выше всякой меры, мужья оставались на посту в базе. Хандра окончательно доконала бы нас, если бы не дядя Ваня. Домик его затерялся где-то между скал, но в любое ненастье он спускался к нам после полудня с клеёчатой торбочкой, загруженной буханками хлеба, собственноручно испечённого им в русской печке. Ничего вкуснее я не ела ни до, ни после: хрустящая тёмно-вишнёвая корочка, духовитая пышная мякоть. «Под хлебушек» мы потчевали его своей стряпнёй: омлетом из яичного порошка, кофе, сдобренным сгущёнкой, гречневой кашей, копчёным палтусом.

Сколько лет тогда было дяде Ване – нашему ангелу-хранителю? По молодости он казался нам стариком, но думаю, что разменял лишь пятый десяток. Кто он, и откуда родом, и есть ли у него семья, и как оказался он один-одинёшенек в нашем «медвежьем углу», никто не знал, а спрашивать напрямую не решались. Как только разговор переходил на подобные темы, дядя Ваня замыкался и тут же находил себе неотложное дело в нашем женском хозяйстве: колол для нас дрова, таскал воду из колодца, запекал какие-то диковинные пополам с манкой и пшеном – блины.

Но коронным его номером оставался хлеб. За ним приезжали, норовя ухватить ещё тёплым, не только искушённые в кулинарии аборигены наших мест, но и жители недосыгаемого для нас военного городка, хотя хлеб – белый, чёрный, сдоба – свободно продавался там в магазине. Слава о дяде Ване бежала далеко окрест, и, хотя на кораблях, стоящих в базе, были свои коки-хлебопёки, моряки тоже предпочитали посылать ходяков к дяде Ване за «фирменным» продуктом. Чаше всего за хлебом приезжал матрос Зураб. Упаковав аккуратные буханки в объёмистый рюкзак, они о чём-то ещё долго шептались и крепко сдружились. Как-то всей нашей большой офицерской семьёй мы дружно отмечали день рождения Зураба. Пригласили, конечно, и дядю Ваню. Он пришёл с подарками: именинным пирогом с черничным вареньем величиной в четверть стола и с аппетитной лепёшкой лаваша.

– Спасибо, отец! – до слёз растрогался Зураб, а дядя Ваня просиял лицом. Не знаю, был ли лаваш дяди Вани похож на настоящее грузинское яство, но я, попробовав, сразу же попросила дать рецепт, и дядя Ваня запи-

сал мне его своим характерным с наклоном влево почерком.

Летом, отслужив срочную, Зураб уехал в Грузию, а дядя Ваня загрузил. Но по осени на катере привезли посылку, на крышке которой после адреса воинской части стояло лаконичное: «Дяде Ване», отправителем значился Зураб Церетели. В увесистом ящичке оказались гранаты – розовые, с коричневыми бочками. «Из своего сада. Кушай на здоровье, отец, каждый день по одной гранате», – писал Зураб.

Дядя Ваня тут же раздал всем присутствующим по заморскому чуду, а оставшиеся унёс домой, укутав в старый ватник.

На Новый год мы собрались за общим столом. Пришёл и дядя Ваня с душистым хлебом. Под утро он отправился домой, наказав нам заглянуть под ёлочку. Там оказались тёмно-красные гранаты, а мы-то думали, что он их давно съел.

На старый Новый год мы всей гурьбой поднялись по сопкам к домику дяди Вани. Он вышел к нам навстречу. Пока другие обчищали снег с валеков, я первой вошла в комнатку, чтобы спрятать под ёлочкой наш подарок – голосистый транзистор. На подсыхающих в тепле зелёных лапах висели кое-какие игрушки, и среди них бросался в глаза белизной листок бумаги, подвешенный на ниточке. На нём от руки было крупно написано: «ТЕЛЕГРАММА» и мельче: «Поздравляем с новым годом. Живи, не болей. Твоя дочь Ира и сын Гера». Я тут же узнала почерк дяди Вани.

...Хлопнула пробка от шампанского. Зазвучали тосты. Когда я вновь посмотрела на ёлочку, самодельной телеграммы там уже не было.

В этот раз дядя Ваня против обыкновения не удерживал нас, когда мы собрались в обратный путь. На крылечке он взял меня за руку. «Танюшка, не говори никому про это, – он достал из кармана смятую «телеграмму», — ... и не подумай чего... дети у меня... хорошие... только... у них своя жизнь, а я им не помеха, мне и с вами тепло...» Он попытался улыбнуться, но улыбка вышла какой-то размытой.

...На следующий день муж вернулся из части раньше обычного, сообщив, что получил новое назначение и на сборы нам дали два часа. Мне хотелось дожидаться прихода дяди Вани, но время поджимало. Больше в тех местах я не была и о дяде Ване ничего не слышала.

ЧЁРНО-БЕЛАЯ ПРАВДА

Я вынырываю из сна, как из глубокой речки. Усаживаюсь перед зеркалом. На меня смотрит милостивая молодая дама. Приятная особа. Но не более того... Может быть, мне кардинально поменять свой облик? Например, сделать супер короткую стрижку, начисто избавившись от моих прикрывающих плечи волос? Нет, пожалуй, тогда я стану похожа на новобранца, робко жмущегося к дверям военкомата в толпе таких же бедолаг в ожидании команды «Стройся!» Или, не меняя причёску, выкраситься в ядовито карминный или нежно-фисташковый цвет?.. Мысли юлой крутились в моей голове. Так и не придя ни к какому решению, я, наскоро перекусив бутербродом с сыром, закрыла за собой дверь квартиры, чтобы окунуться в деловые будни, как в крещенский мороз.

После дождя, словно через гигантское сито всю ночь нудно поливавшего землю, асфальт напоминал мокрое зеркало. За руль при такой погоде я не сяду ни за какие пирожки. Обойдя стороной жёлтую «мазду», припаркованную вблизи родного подъезда, я посылаю своей любимице воздушный поцелуй и, потыкав в кнопочки сотового, вызываю такси, которое и появится передо мной незамедлительно – как Сивка-Бурка, вещая каурка перед сказочным Иваном-дураком.

В тёплом салоне меня охватывает приятная дрёма, но у водителя включена рация, и волей-неволей я улавливаю беседу женщины-диспетчера с водителем какой-то другой машины.

– Я приехал, а тут никого нет...

– Как никого?

– Людей нет. Только собаки лают...

– Ждите. Ведь не собаки такси вызывали.

– Женская логика, – ехидно комментирует мой таксист.

...Я лишь успела войти в свой кабинет и, сбросив туфли на высокой шпильке, поменять их на удобные балетки, как окутанный лёгким шлейфом свежего парфюма в кабинет вихрем ворвался мой заместитель Владлен Константинович – в шегольском костюме песочного цвета с небритыми по предпоследней моде щеками.

– У тебя вода есть? – с порога спросил он, позабыв поздороваться.

– Минералка? В холодильнике.

– Простая вода. Простая. С ума все походили с этими кулерами.

– Когда свадьба? – я решила отвлечь Влада от водной темы.

– Спроси что полегче... А... вот и водичка.

Владлен схватил кувшин, стоявший на подоконнике, и в несколько глотков осушил его.

– Влад, это ж вода для поливки цветов, она уже дня три отстаивается.

– То-то у неё какой-то привкус... странный... вроде болотом припа-

хивает. Надеюсь, ты в неё удобрения не добавила, ну, чтоб лучше росли твои драгоценные цветочки?.. А со свадьбой не знаю, как будет. Ляля то пылко уверяет меня в кипящей любви, то обдаёт январским холодом – в зависимости от её настроения. Что ты об этом думаешь?

– Верить в искренность чувств ветреной женщины – всё равно что верить в снежного человека... Не позволяй ставить на себе эксперименты... Не смешивай мечты и реальность... Переверни страницу, которую всё равно не сможешь прочитать... А вообще я не любительница давать советы. И не смотри на меня глазами доверчивого ребёнка, который ждёт от взрослого, что ему объяснят, успокоят... Позволь напомнить, что ты вдвое старше меня, и с твоей Лялей мы ровесницы... Нет, Владлен, каждый должен о свои камни споткнуться, и нечего соломку чужого опыта подстилать. Так что решать только тебе... Да, надеюсь, ты не забыл, что вечером мы приглашены на открытие Дома семьи?

– Помню-помню... Слушай, ты сегодня великолепно выглядишь... Был бы я помоложе... Но что я, засидевшийся в девках холостяк, вечный жених с неудавшейся личной жизнью, могу дать такой женщине, как ты?!

Немногим позже назначенного часа мы подъехали к зданию бывшего детского сада, из которого усилиями местной власти спешно была выселена какая-то тихая контора. Здесь и предполагалось торжественно отпраздновать новоселье Дома семьи. Темнело прямо на глазах. Собравшиеся чиновники городской администрации, пресса и родители с детьми томились, стоя неорганизованной толпой перед шёлковой лентой, перегораживающей вход.

К нам тут же проворной птичкой подлетела Инесса Павловна – дама, хорошо известная в определённых кругах, не первый год окучивающая ниву культуры: «Дорогие наши спонсоры! Мы рады вас видеть!» Улыбка на её холёном лице то вспыхивала солнечным осколком, то испарялась, как роса на траве, в зависимости от того, на кого Инесса смотрела: на Влада или на меня.

– Почему не начинают? – спросил Владлен, старательно отводя глаза от пышного, туго обтянутого полупрозрачной блузочкой бюста молодящейся дамы.

– Ждём отца Михаила, – Инесса одарила Влада многообещающим взглядом.

– Слушай, а кто такой Михаил? – спросил Влад, когда Инесса удалилась.

– Я откуда знаю. Какая-нибудь шишка. Может, областная, – отозвалась я.

– Это понятно. Но почему ждут его отца?

Мы ещё переминались с ноги на ногу минут двадцать. Наконец, у крыльца припарковалась крутая иномарка медового цвета, и из неё неторопливо вышел мужчина.

– Отец Михаил!!! – опережая друг друга, дамы бросились ему навстречу, всем своим видом выражая восторг.

Заинтригованные, мы с Владом тоже подошли поближе.

Новоприбывший поправил тёмное облачение и осенил собравшихся крестным знамением.

– Да это священник... – запоздало угадал Влад.

Нетерпеливой волной меня вынесло в первый ряд, и отец Михаил благосклонно протянул мне руку. Я хотела её пожать, но инициативу перехватила вездесущая Инесса. Жадно припав губами к руке отца Михаила, она, прервав поцелуй, умильно попросила: «Благословите, батюшка».

Я же, остолбенева, во все глаза смотрела на румяное лицо священника, узнавая в нём знакомые черты...

В пору моей юности ходил по улицам нашего города странного вида молодой человек высокого роста. В любую погоду гладкие его щёки горели клубничным румянцем, растворяясь в белизне лица, как в сметане. Пышности ресниц, синеве глаз могла позавидовать юная дева. Он носил бакенбарды по моде Пушкинских времён и, фланируя, опирался на тросточку. В летние дни он удивлял прохожих чёрной фракной парой и молочного цвета кружевным жабо. Зимой щеголял в объёмном клетчатом длинном пальто с пелериной, в сапожках на каблуках приличной высоты и с неизменным огромным зонтом в левой руке, который, как купол парашюта, раскрывал, когда шёл снег. Весной и осенью голову его украшал цилиндр. Во все времена года улыбка не сходила с его лица, мотыльком порхала возле пухлых, красиво очерченных ярких губ, выдавая прекрасное настроение. Казалось: он вкусил эликсир жизни и отведал молодильных яблок.

Столь экстравагантный человек интриговал воображение обывателей и не мог не быть обсуждаемым. Когда я узнала, что к нему прилепилось прозвище Помидор, это меня не удивило: лицом, казалось, распираемым отменным довольством, наш городской Помидор был точь-в-точь похож на итальянского сеньора Помидора из любимой книжки моего детства «Приключения Чиполлино», каким изобразил его художник Сутеев.

Личное же моё знакомство с Помидором состоялось вот при каких обстоятельствах. Мы часто в те дни собирались компанией, очень, признаться, разношёрстной. Вовка отслужил в армии и приглядывался к штатской жизни, Марат просиживал дни в нотариальной конторе, Ирка шлифовала ногти в модном салоне, Оля учила первоклашек, я работала медицинской сестрой в районной поликлинике. Объединяла нас, скорее всего, молодость. К тому же мы были приверженцами экотуризма: нам нравилось спать в стоге душистого колкого сена, слушать пение птиц на рассвете, купать ноги в росе, скакать кузнечиками по некошенной траве в каком-нибудь полусказочном заброшенном лукоморье, бродить нехоженными тропами, беззлобно отгонять комаров.

Как-то, перебрасываясь по обыкновению шутками, после очередной вылазки на природу мы возвращались в город, казавшийся нам ещё более шумным и пыльным. И вдруг увидели: по улице, подметая асфальт бледно-зелёным балахоном, отдалённо напоминающим плащ, опираясь на тросточку, направляется в нашу сторону Помидор.

– Ну и фрукт... – засмеялась Ирка и, перейдя на шёпот, добавила: – Говорят, он голубой...

– Да ладно вам, ребята, сплетни собирать, – вступил в разговор Вовка. – Мы с ним в одном классе учились. Нормальный был парень...

– Вот именно, что был, – не отступила Ирка. – А сейчас-то... Пугало пугалом...

– Просто у него имидж такой... странный... Раньше-то он в соседнем доме жил, потом они куда-то переехали... Но мы изредка пересекаемся... Он вполне... коммуникабельный... Да я вас сейчас с ним познакомлю, сами увидите.

И Володя окликнул своего школьного товарища (тот как раз поравнялся с нами).

Помидор остановился, приподнял в знак приветствия свою шляпу с высокой тульей и склонился в полупоклоне: «Владимир, рад встрече».

Они пожали друг другу руки, и Помидор, мазнув по нашей компании заинтересованным взглядом, попросил, лучезарно сияя: «Представь, пожалуйста, меня своим спутникам». Потом продолжил велеречиво: «Имею честь и удовольствие познакомиться с вами, дамы и господа. Позволено мне будет внести лепту – словесную лепту в вашу беседу?»

Он одарил по очереди каждого из нас приветливой улыбкой.

– Слушай, – сказал мне Володя на следующий день, – Помидор твой телефон попросил. Дать?

– А чего... Пусть звонит, – с лёгкой заминкой согласилась я.

...Мы с Помидором были странной парой. Но уже в скором времени, несмотря на полярность наших личностных качеств, между нами обнаружилось сходство интересов. Так, оба мы любили поэзию, причём современным её образцам предпочитали классику, русскую и зарубежную. Мой новый друг знал наизусть множество сонетов Шекспира и неустанно их декламировал, когда мы прогуливались:

«Украдкой время с тонким мастерством

Волшебный праздник создает для глаз.

И то же время в беге круговом

Уносит всё, что радовало нас.

Часов и дней безудержный поток

Уводит лето в сумрак зимних дней,

Где нет листвы, застыл в деревьях сок,

*Земля мертва и белый плащ на ней.
И только аромат цветущих роз –
Летучий пленник, запертый в стекле, –
Напоминает в стужу и мороз
О том, что лето было на земле.
Свой прежний блеск утратили цветы,
Но сохранили душу красоты».*

В общем, мой новый друг оказался интересным собеседником. Как-то я сказала ему: «Какой ты умный», имея в виду его обширные познания не только в творчестве, но и в разных областях знания.

– Нет, вовсе не умный, – было мне ответом.

– Нет... – опешила я.

– Конечно, нет. Я не умный. Я самый умный...

Говоря это, он старался казаться серьёзным, но не удержался и, комично пожав плечами, подмигнул мне, а на лицо выплывала, как луна в ночи, плутовская улыбка. Человек без чувства юмора – что пирог без начинки. Наличие этого, по моему мнению, необходимейшего качества ещё больше нас сблизило, поскольку в мужчинах я ценю его наравне с умом.

Однако внешний вид моего друга по-прежнему меня шокировал. И хотя я держала своё мнение при себе, не решаясь его озвучить, каюсь: для совместного моциона я намеренно выбирала удалённые места. Однако моя уловка не всегда срабатывала.

– Ты чего – рехнулась? – с присущей ей прямоотой спросила меня Ирина. –

Таскаешься с Помидором на виду у всех...

– Вовсе не на виду, – отбивалась я и переходила в атаку: – А даже если и на виду – то что?

– Вовка видел, как вы целовались. На лавочке под вишней... Он к тебе на дачу в гости приехал, хотел сюрприз сделать, а там ты... с этим чучелом... с Помидором...

– Никакой он не Помидор, у него имя есть – человеческое. И целуется он классно.

– Скажи, душа моя, – спрашивал меня мой новый друг, – что плохого в том, что я хочу проживать каждый день как праздник?

– То есть ты гедонист?

– Да. И не скрываю. Кому я этим мешаю? Это моё личное дело. И одеваюсь я, кстати, сообразно со своими личными вкусами. Разве я виноват, что это не нравится толпе? Кто-то хочет слиться с большинством, а я хочу из него выделиться.

– Тебе надо было родиться в эпоху Возрождения или, на худой конец, в девятнадцатом веке...

– Я бы не отказался.

– И всё-таки эпатаж тебе не идёт.

– Ладно-ладно... прекратим прения.

... – А чего Помидор тебя к себе домой не приглашает? С родителями бы познакомил, – донимала расспросами неугомная Иринка.

– Ир, я же тебя просила...

– Ой, за Помидора извини. Как к языку приклеилось, так и не отклеится никак. Но ведь похож. Щёки прямо лопаются. Папочка с мамочкой, наверное, во всём потакают сыночку и денежки, не скупясь, отстёгивают на его причуды.

Действительно, домой меня не приглашали. А интересно, как у него там всё устроено? Мне казалось, что обстановка должна быть под стать лощёному хозяину. Кровать под балдахином, пуфики парчовые на гнутых ножках, козетка, сидя на которой так приятно соприкоснуться руками даме и кавалеру. И уж не треники на нём, конечно, а... шлагфрок какой-нибудь винтажный. Вот куда увели меня фантазии, прилипчивые, как осенние паутинки.

...Я надела белый халат: начиналась моя смена трудолюбивой пчёлки. И тут на пороге нарисовалась медсестра Анечка, обслуживавшая смежный участок.

– Выручай! Сходи вместо меня. Я всех своих больных обошла, а к одной тётеньке не успеваю. Там всего-то укол поставить. Пожалуйста. Меня Витька ждёт внизу. Мы с ним на день рождения его лучшего друга опаздываем! А я тоже, когда тебе понадобится, подменю... – она посмотрела на меня с надеждой, как человек, узревший в пустыне воду.

Вечером, набрав код подъезда, который сообщила мне Анечка, я усталой птичкой тяжело взлетела на шестой этаж (лифт, конечно же, не работал) и нажала кнопку звонка.

– Открыто... Входи, Анечка! Мама тебя ждёт, – из недр квартиры приглушённо донёсся голос – непонятно, мужской или женский.

– Простите... Я не Анечка... Она не смогла... Я за неё... – старательно вытерев ноги о коврик, я перешагнула порог и оказалась в узком, как юбка модницы, и тёмном, как грозовая туча, коридоре.

– Проходите в комнату, я сейчас, кухню домою... – продолжил голос.

Я шагнула и чуть не поскользнулась на сверкающем чистотой линолеуме.

– Здравствуйте, – тихо, как осенний лист, прошелестело с дивана, стоящего у окна. Я огляделась: обстановка была самая простая, перенёсшая меня лет на десять назад. У стены, завешенной пёстрым ковром, ещё один диван, укрытый пледом. Полированный журнальный столик и книга на нём, лежащая обложкой вниз. Шкаф. Трельяж. Вот и всё.

– Вы новенькая... Ох, как надоели мне эти уколы... – женщина

в ночной рубашке снежной белизны с видимым усилием протянула мне руку.

– Ну что ты, мама, загрустила? Зато тебе сейчас легче станет. А потом мы чаю попьём, я тебе почитаю... У нас весь вечер впереди...

– А это мой сын, – сказала женщина, и тёплая волна любви растопила лёд её серых глаз. – После того, как меня собрали по кусочкам, я только благодаря ему и жива. После аварии я... абсолютный инвалид... Не встаю уже который год... Вот он со мной и возится, как нянька. Варенья вот яблочного наварил... к чаю...

Я прижала ваткой место укола и повернулась лицом к говорящему... И поняла, почему голос показался мне странно знакомым. Передо мной в поношенных джинсах, застиранной футболке стоял мой друг Михаил, которого городская молва окрестила Помидором...

Моё минутное замешательство закончилось ничем. Михаил не обратился ко мне обрадовано: «Какая неожиданная, но приятная встреча!» Напротив, он приложил палец к губам, и я поняла, что он не хочет афишировать наше знакомство. Молча, мы вышли в коридор, после светлой комнаты показавшийся мне ещё мрачнее. И только тогда он сказал приглушённым досадливым голосом: «Пожалуйста, не говори никому... про эту... встречу».

– Можешь не сомневаться, – ответила я вспльчивым шёпотом. – Не имею привычки обсуждать жизнь своих друзей.

– Я позвоню.

Вот так холодно мы расстались. И он не позвонил. Не набирала его номер и я, хотя иногда хотелось.

– Что-то давно Помидора не видно, – сказал как-то Марат, когда мы нашей компанией возвращались из леса, надышавшись осенью.

– Может, он по другим улицам теперь ходит, в другое время... – предположила Ирина, краем глаза косясь на меня.

Между тем река времени подвела меня к новым берегам. Я вышла замуж, родила дочку. Получила высшее образование и поднялась вверх по карьерной лестнице, руководствуясь принципом: «Если хочешь победить, не допускай мысли о поражении».

...«Зачастую мы воспринимаем человека так, как нам удобно, – размышляла я, глядя на отца Михаила и узнавая в его лице знакомые черты: полные губы, вкус которых я помнила, синеву глаз, не притушенную годами, которая так мне нравилась... – Принято считать, что двух правд не бывает. Но если и так, то она почти всегда чёрно-белая...»

Мероприятие под названием «Новоселье Дома семьи» близилось к завершению. Все речи были сказаны. Подарки от властей и спонсоров вручены. Дамы пошли провожать отца Михаила. Прибилась к ним и я. В какой-то момент мы встретились взглядами. Отец Михаил, приблизившись (дамы почтительно затихли), сердечно пожал мне руку: «Благое дело делаете вы

своей бескорыстной помощью...»

Я дежурно улыбнулась. А что ещё я могла сделать? Отец Михаил не узнал меня. Или не захотел вспомнить.

И вдруг, уже отпустив мою руку, он сказал – очень тихо: «Душа моя, ангела тебе в дорогу».

МЕЛОДИЯ НА ДВА ГОЛОСА

За окном поплыл стылый перрон, и скорый поезд «Арктика» взял курс на Мурманск. Единственным моим попутчиком по купе оказался капитан II ранга.

– Ехать далеко, давайте знакомиться, – предложил он, одёргивая чёрный форменный китель. – Владимир Евгеньевич.

– Татьяна.

– Татьяна... – протянул он, и голос его, казалось, ласкал каждый звук моего имени.

– Чай будете? – проводница со сбившимся начёсом на голове нервно грохнула о столик подстаканниками.

– Что-то, красавица, вагон у вас полупустой, – поблагодарив за чай, заметил мой попутчик.

– Да кто ж сейчас в эту сторону поедет – напрямик в полярную ночь, – засмеялась женщина, расцветая от красавицы. – Только по службе кто, да жёны ихние... Может, по дороге подсядут...

Я отхлебнула чаю, он был обжигающе горяч, но бледен – такой я не люблю – и отставила стакан. Потом достала книгу и начисто забыла о Владимире Евгеньевиче.

– У вас красивое имя, – неожиданно прозвучал его голос.

– Красивое? А мне больше нравится, когда меня зовут Таней.

– Вы напоминаете мне одну девушку, – выйдя из задумчивости, сказал Владимир Евгеньевич. – Лет двадцать... да, двадцать лет тому назад она была такой же молодой и хорошенькой и так же смущалась, как и вы. И звали ее Татьяна.

– Вы с ней вместе учились? – прикинув возраст попутчика, предположила я.

– Угадали. Жили по соседству, а учились в параллельных классах. Вот такая история...

Он вынул пачку сигарет:

– Табачный дым вы, конечно, не выносите?

– Отчего же. У меня муж курит «Беломор». Курите уж и вы здесь. По коридору сейчас одни сквозняки гуляют.

– Да я вообще-то бросил, – неуверенно помял он сигарету. – А вас, простите за любопытство, папа провожал? Похожи на него. А к кому в Мурманск едете?

– Не в Мурманск, а намного дальше. К мужу. Месяц гостила у родителей, пока он в море.

– Подводник?

Я кивнула, вздохнув.

«Не пройдёт и полгода, как я появлюсь, чтобы снова уйти на полгода», – вдруг отчеканил он строчки, не раз бередившие мне душу. Высоцкого тогда знали немногие, и я улыбнулась, почувствовав расположение к своему немолодому попутчику. Но Владимир Евгеньевич тут же назидательно прибавил: «С любимыми не расставайтесь. Даже на месяц... Всяко бывает». Молодость не терпит наставлений, даже в деликатной форме. Я демонстративно углубилась в книгу. Но мир утончённой любви Мастера и Маргариты на этот раз отчего-то не захватил меня.

– А она красивая была, ваша Татьяна? – по собственной инициативе возобновила я разговор.

Владимир Евгеньевич, казалось, ничуть не удивился моему «девчончьем» вопросу. Достал пухлую записную книжку, вырвал страничку, свернул кулёчком, стряхнул в него пепел от закуренной всё-таки сигареты и начал рассказывать: «Я влюбился в неё в выпускном классе, в сентябре. А к концу учебного года мы уже не могли друг без друга и решили – поделимся в жизни и поженимся. Я первым поехал поступать в мореходку. Татьяна отправилась следом, но не в Ленинград, а в другой город – там у неё жила тетушка – сдавать вступительные в институт. Жили письмами и уверенностью, что летом, как получу отпуск, не медля, сыграем свадьбу. Писал я Татьяне каждую неделю. В письмах, надо сказать, мы были смелее, чем в жизни: откровеннее писали о своих чувствах, придумали даже, как назовём будущих детей: мальчика – Владимиром, девочку – Татьяной. Но до этого было ещё далеко, сначала нужно было встретиться и стать мужем и женой. Иногда мне удавалось позвонить Татьяне: в училище я сдружился с Егором – коренным ленинградцем, в квартире его родителей был телефон. Наконец пришло лето. У нас оно, правда, не чувствовалось – дул ветер с Невы, моросило. Я уже сидел на чемодане в ожидании отпуска и обсуждал с Егором, какой подарок подарить Татьяне к свадьбе, когда получил от неё письмо: у них отцвела сирень, ездили за город на озёра, сшила белое платье и без конца примеряет его, а тётушка ругает, плохая, мол, примета – вертеться у зеркала в свадебном наряде... Ну а вечером того дня меня вызвали в учебную часть. Предложили срочно выехать с группой курсантов на учебные сборы.

– Начальство рекомендует от первого курса тебя, комсомол тоже, – сказал замполит и посчитал разговор исчерпанным.

А как же отпуск? Татьяна? Свадьба? Я рассказал ему о своем затруднении.

– Любит – подождёт, – улыбнулся тот. – Вернёшься с моря, обещаю, отпустим напрямик к невесте. Но ты ей напиши и всё объясни: девчонки – народ привередливый. Только поторапливайся – в двадцать ноль-ноль обший сбор и уходим.

– Я тут же засел за письмо, – продолжил мой попутчик, – отправить его поручил Егору, его же попросил через недельку позвонить Татьяне, узнать, получила ли известие.

...Ровно через месяц – день в день – мы вернулись в Ленинград. В училище я тут же кинулся к своей тумбочке, куда Егор должен был складывать Татьянины письма. Она была пуста. Друг, огорчённый не меньше меня, только руками развёл: сам ничего не понимает, письмо отправил, позвонил – успокоил. Дозвонился поздно вечером, слышно было не очень, какая-то музыка играла, смеялись, видно, отмечали что-то, Татьяна была весёлая, сказала, что письмо получила, расстроилась, но будет ждать. Я тут же кинулся к замполиту: дайте отпуск! Но – ирония судьбы – в его кабинете сидел уже другой, он ответил односложно: «Не положено» и скомандовал мне: «Кругом». Половину ночи, подсвечивая фонариком, я писал письмо Татьяне, не удержался от упреков, утром порвал его, добился увольнения и заказал переговоры.

– Таня, это я... – закричал я в трубку под сочувствующим Егоркиным взглядом.

– Вы ошиблись номером, – перебил меня холодный Татьянин голос. Я повторил заказ, – но... «ваш номер не отвечает». «Может, со связью что?» – спросил я телефонистку.

«Абонент трубку не берёт», – бесстрастно сообщила она.

Дней через десять от Татьяны наконец пришла весточка, да не письмо, а толстая бандероль. Я, торопясь, сорвал коричневую бумагу – в неё оказались завернутыми мои письма, те, что я писал Татьяне. Не просматривая, я кинул их на дно чемодана...

Вы когда-нибудь видели человека, о котором говорят «как с цепи сорвался»? Таким, наверное, выглядел и я. Уходил в самоволку, опять пытался звонить, номер не отвечал, писал письма, они приходили назад нераспечатанными. Перестал чураться, как раньше, рюмки. И если бы не Егор, тут бы и закончилась моя курсантская жизнь. Он один меня поддерживал. Но, вопреки его увещаниям, взыграло моё самолюбие, я перестал звонить, писать.

Я уже надел лейтенантские погоны и служил на Северном флоте, когда однажды, зайдя на почту отправить письмо родителям, неожиданно для себя заказал переговоры.

– Алло, можно Татьяну, это Владимир.

– Они... она ушла, – ответила тётушка (её голос я тоже помнил). Значит, не судьба. Я хотел повесить трубку, но она зачастила: «Володя, я не знаю, что тогда произошло. Но в следующее воскресенье у Танечки свадьба. Он очень милый человек. Врач. Но...» Я не дослушал.

Суббота застала меня в Татьянинном городе. Я позвонил прямо из гостиницы, ответила Татьяна.

– Владимир, тётя мне сказала, что ты звонил, – спокойно, как будто бы и не было разлуки, сказала она. – Как там у вас на Севере – штормит?

– Я здесь, рядом, в гостинице. Мы можем увидеться, Таня?

– Я приду, – не меняя спокойного тона, ответила она.

...В первое мгновение мы бросились друг к другу. «Хочешь, я останусь у тебя?» – спросила Татьяна. Счастье птичкой запрыгало в моей груди, но что-то кольнуло, а вдруг это минутный порыв? И я, вот незадача, представил себя на месте её жениха, которому сообщают, что невеста ушла к другому. До сих пор не знаю, почему, но я ответил глупо и некстати, что, мол, я не Дубровский, она не Маша Троекурова, да и князя Верейского что-то не видно.

– Ты всегда отлично знал литературу, – отозвалась Татьяна, и незнакомая смешинка покривила её губы. – Значит, любишь жену.

– Какую жену?

– Что, уже разбежались?

– Я не был женат.

– Но как же, – краска мгновенно залила её лицо, и она опустила на стул, – как же... Егор тогда сказал, чтобы я не ждала. Ты не приедешь, потому что... ну, в общем, у тебя есть другая, и она ждёт ребенка.

– Что?!? А письмо? Моё письмо про срочные сборы?

– Никакого письма я не получала, – растерялась она.

Ненависть молоточком застучала в мои виски: «Подлец Егор! И ведь не дотянуться, не набить морду: служит где-то на Балтике, а адреса не сообщил, хотя и обещал».

– Стаканчики можно принять, если уже попили? – отодвинула дверь купе проводница.

– Может, ещё чайку, а? – предложил мой попутчик.

– Буду я вам до ночи титан греть... – недовольно отозвалась проводница.

– Ну нет, так нет. А от конфет не откажетесь, Таня? – он выложил на салфетку горстку трюфельков. Но мне было не до сладкого.

Я смотрела на него влажными глазами: «Владимир Евгеньевич, она что же, так и ушла? Господи. И вы отпустили?»

– Ну что ж, ещё одну сигаретку на сон грядущий я выкурю всё-таки в коридоре, – сказал он и вышел.

Я проскользнула за ним и присела на откидной стульчик. Вопрос сам сорвался с моих губ:

– А вы больше не встретились?

– Нет, — он отсек мою надежду. — Но однажды я навещал своих родителей и встретил в городке Татьяниного папу. Рядом с ним топтался белообрый паренёчек. «Вова, да не тяни ты меня за руку, дай поговорить с дядей», — сказал ему Николай Павлович и объяснил: «Это мой внук — непеседа». И, чуть помедлив, добавил: «Танечкин сын»...

Той осенью я женился. Славная оказалась женщина, работала в библиотеке Дома офицеров и всегда придерживала для меня свежий «Морской вестник». Там и познакомились. Теперь, когда приходил с моря, меня встречал свет в окнах, а не чёрное безмолвие...

– Стоянка три минуты! — донеслось из тамбура, и вслед за тем запорошённая снегом фигура остановилась у нашего купе: «Попутчиц принимаете? Где тут десятое место?»

Больше нам не удалось поговорить. Я украдкой ловили взгляд Владимира Евгеньевича — но напрасно, и мне показалось, он досадует на то, что разоткровенничался с незнакомым человеком.

...На мурманском перроне меня никто не ждал.

– Вас что же, никто не встречает? — опуская на землю мой чемодан, спросил Владимир Евгеньевич.

– Муж должен был, но... получил ли он телеграмму?

– А вон не он?

Я посмотрела в сторону вокзального здания и радостно замахала рукой: «Валера, я здесь!» Запыхавшись, подбежал муж.

– Ты что же это, лейтенант, опаздываешь? Нехорошо, — укорил его Владимир Евгеньевич.

– Машина на полпути застряла в снегу, товарищ капитан второго ранга, пришлось...

– Так ты что ж, пёхом? — он присвистнул.

– Папа! — девочка-подросток влетела прямо в объятия Владимира Евгеньевича.

– Сбежала с уроков, стрекоза? — расцеловал он её в румяные щёчки.

Она рассмеялась его шутке. «Да нет, папа, знаешь...»

– Расскажешь дома... А сейчас познакомься с моей попутчицей, всю дорогу от Москвы коротали вместе.

– Татьяна, — назвала девчушка своё имя и, стянув с руки пушистую варежку-самовязку, протянула мне тёплую ладошку.

ДОМ ОКНАМИ В ЛЕС

Художник Альберт Семёнович Нечаев праздновал день рождения своей супруги Тонечки: дата была некруглая, но, тем не менее, юбилейная. Собрались всегдашней компанией только близкие друзья. Когда шампанское в очередной раз запенилось в хрустале, Альберт Семёнович хлопнул в ладоши, устанавливая тишину, и произнёс тост: «Я желаю тебе, драгоценная моя половина, ещё долгие годы любить и быть любимой». Он низко склонился над рукой жены, на которой искрилось крошечным бриллиантом обручальное колечко, поцеловал бледно наманикюренные тонкие пальцы и продолжил: «Я хочу подарить тебе... – расстегнул пуговицу тёмно-зелёного с бархатными лацканами пиджака, полез во внутренний карман, что-то отыскивая. Все замерли, ожидая. – Я хочу подарить тебе... дом. Дом в деревне. Окнами в лес. Вот документы. На твоё имя, Тонечка». Гости ахнули и зааплодировали, а Тонечкины щёки залил румянец.

– ...А Сашенька так и не прислала телеграмму, – выходя из спальни в зал и на ходу стягивая на талии поясок синего атласного халата, сказала Тонечка.

– Ты же знаешь нашу почту, вечно опаздывает, – тут же встал на защиту дочери Альберт Семёнович.

– Верю-верю, – легко согласилась Тонечка, – она, как и ты, никогда ни о чем не забывает.

– Да, не забывает, наша дочь – само внимание.

– И так же упряма, как ты, Альберт... Пойдём пить чай... на кухню. Здесь так сильно пахнет розами, даже голова разболелась.

– Это от шампанского. А цветов и вправду тебе надарили много.

На кухне громыкала посудой домработница Клава, приговаривая с досадой: «Нет, вы посмотрите, бутербродов столько осталось, мою кулебяку не доели, а вот пирожки все подчистую смели».

– Так они же фирменные, Тонечкины, – улыбнулся Альберт Семёнович.

– А чего в них фирменного?

– Начинка.

– Ну да, к мясу с рисом огурец солёный настрогали – и вся недолга.

– Но вкусно ведь... Два противня разошлось, – подала голос Тонечка и зевнула, прикрываясь ладошкой.

– А неплохой подарок я Тонечке сделал, правда, Клава? – ожидая похвалы, спросил Альберт Семёнович.

– Другие рубли в доллары переводят да куда подальше прячут, а вы транжирите, – немедленно отозвалась та, – ну зачем вам дом? Нечаевы в деревне отродясь не жили.

– А мы уедем... прямо завтра и на всё лето до глубокой осени. Альберт

Семёнович будет работать, а я... варить варенье... Клава, дайте нам, пожалуйста, варенья к чаю, только свежего.

– У меня оно всё свежее. Вот смотрите сами: на банке наклейка «Варенье этого года».

– Так это вы, Клава, всегда так пишете «этого года». А какого этого? Может, оно позапрошлогднее.

– Ну и что. Такая привычка, вот и пишу... Звонят, кажется.

Она вернулась с телеграммой. «Я же говорил!» – обрадовался Альберт Семёнович.

«Мамочка, поздравляю! В сорок пять дама ягодка опять...», – вслух начала читать Тонечка и засмеялась.

– Дама ... – хмыкнула Клава. – Хотя... конечно (она оглядела Тонечку с ног до головы), какая вы баба, дама... дама и есть... Ну, чаевничайте, а я пойду к себе.

– Нет-нет, Клава, садитесь с нами, – Альберт Семёнович пододвинул ещё один стул к овальному столику, поставил на клетчатую скатерть ещё одну фарфоровую чашку...

К деревне они подъехали, когда красное яблоко заката уже упало за лес. Увидев дом, Тонечка обрадовалась, как маленькая девочка, получившая игрушку. Окно в спальне не закрывали допоздна, из леса, приятно будоража, тянуло густым, хвойным ароматом.

Скинув синий махровый халат и зябко передёрнув плечами, Тонечка прижалась к мужу, блаженно потянулась: «Знаешь, тут, наверное, грибов много. Надо Сашеньке написать, пусть едет поскорее. Она по ним дока».

– Да, заядлая грибница. Не то, что мы с тобой... Хотелось бы завтра пораньше выйти на этюды, да надо сходить в правление... Тебе не холодно? Может, прикрыть окошко?

– Не надо, – сонно отозвалась Тонечка, – воздух такой, будто заново родился. А к председателю схожу я.

Председателя по случаю воскресного дня она застала дома за ремонтом мотоцикла, который то тархтел, как оглашенный, то, будто по команде, замолкал.

– Здравствуйте, мне тут справочку заверить, муж говорит, это к вам. Мы тут новенькие, дом купили – крайний от леса.

– Здравствуйте-здоровствуйте, – вслушиваясь в мотор, отозвался председатель.

Заглушив его, повернулся к Тонечке. Та, отчего-то смутившись под его пристальным взглядом, никак не могла выудить справку из кармана тесных джинсов.

– Может, в сумочке? – подсказал председатель.

– Да нет... вот она.

Разгладив на ладони нужную бумажку, она протянула её мужчине:

«Давайте знакомиться. Меня зовут...»

– А мы знакомы, – негромко сказал председатель, – не узнала, Тонюшка? Он сдёрнул с головы серую кепку, рыжие волосы огненным пламенем полыхнули на полуденном солнце.

– Саша... – с трудом перевела дыхание Тонечка.

Родом они были из одной деревни – жили через улицу. В девятом классе приглядели друг друга. Потом вместе уехали в город, поступили учиться: он – в сельскохозяйственный, она – в педагогический. Сашка жил в общежитии, она снимала комнатку в деревянном домишке у старушки Марьи Федотовны, которая пустила ее за мизерную плату – для компании. Саша часто бывал там на правах жениха. Но как только часы в комнате хозяйки отбивали десять, та деликатно стучала в дверь Тонечкиной комнаты, переступала порог и говорила неизменно одно и то же: «Невесте спать пора», и Саша уходил.

Традиция была нарушена лишь однажды, и вот как. Они пили чай вприкуску с фруктовой карамелью. Пробило десять, потом ещё полчаса.

– А где же Марья Федотовна? – удивился Саша.

– Уехала к сестре, сказала, что ночевать не вернётся, – с напускной небрежностью сказала Тонечка.

Проснулись они на одной подушке. На утренней зорьке Тонечка потянулась горячими губами к ямочке на Шашином подбородке, тот ответил поцелуем, зашептал на ушко: «Ты мне теперь, Тонюшка, жена, а я тебе муж... Вернусь из стройотряда, распишемся, а свадьбу в деревне сыграем...»

– Приданого-то за мной немного, – пошутила Тонечка, приглаживая его рыжие вихры.

Он поймал её руку, неловко ткнулся носом: «Дороже тебя у меня никого нет».

Саша уехал днём позже, а она вслед за ним – в деревню, готовиться к свадьбе...

– Мама, это я! Соскучилась! – закричала Тонечка, бросая в сенцах сумку, полную гостинцев.

– Тише, дочка... постояльца разбудишь.

– Какого постояльца?

– Художник у нас живет, из города, Альберт Семёнович, природу приехал рисовать.

– Тонечка, дружок, у вас такое лицо, само на холст просится... Давайте я вас нарисую... вот хоть в этом березнячке, – уговаривал ее Альберт Семёнович, когда, искупавшись, они возвращались с речки.

Посреди недели он свозил её в город, показал свою мастерскую, потом поехали на вернисаж, где тоже были его картины и где какие-то нарумяненные дамы в шляпках наперебой их хвалили.

– Ох, Тонька, не играй с огнем! Ты что, не видишь, постоялец наш по

тебе сохнет, – укорила ее мать, – а ты чего такая бледная?

– Голова что-то кружится.

– Не ела, поди, ничего с утра, все модничаешь, фигуру бережёшь.

Постучав, в комнату вошёл Альберт Семёнович.

– Что-то вы рано из города вернулись, – заметила Анастасия Николаевна.

– Да вот вернулся... Это вам, милейшая Анастасия Николаевна, и не отказывайтесь, ради Бога, – он протянул коробку конфет, перевязанную розовой ленточкой, – а это, Тонечка, розы для вас, ваши любимые, чайные... А о чём это вы тут шептались, если не секрет?

– Да вот мама говорит, что вы по мне сохнете, – неожиданно для себя выпалила Тонечка.

– Сохну, ах, как сохну, Тонечка! – спокойно отозвался Альберт Семёнович. – Лучше девушки я никогда не встречал. Вы как фея из сказки, залетевшая в наш земной мир.

Примяв домотканый половичок, он картинно опустился на одно колено: «Воля ваша, Тонечка: казнить или миловать».

...Альберту Семёновичу удалось устроить так, что в городе их расписали через неделю, без испытательного срока. Свадьбу праздновали в ресторане. Пара была удивительно хороша: Альберт Семёнович – черноволосый, в строгом тёмном костюме, с чайной розой в петлице, и Тонечка, с такой же розой в глубоком вырезе крепдешинового платья, с русой косой, уложенной короной, в длинной, до пола, воздушной фате. Гости пошептались только, что жених на пятнадцать лет старше невесты, но сошлись на том, что от Альберта как раз и можно было ожидать столь экстравагантного поступка.

Хотя оставался только год до выпуска, в институт Тонечка не вернулась, сначала, правда, хотела перевестись на заочное, но время ушло, а она так и оставалась просто женой – женой художника.

Тонечка опомнилась первой.

– Что же в дом не зовёшь? – спросила с вызовом.

– Почему не зову? Пойдём... – пригласил председатель.

– Вот... землячка моя, Антонина... Степановна. Дом у нас купили, жить, значит, рядом будут... А это Вера Петровна, жена моя. Ну, время обеденное, собирай на стол, Вера.

После борща и жареных грибов («Грибочки кушайте без опаски, их Александр Иванович сам собирал, а он плохих не возьмёт, такого второго грибника не сыщешь», – объясняла Вера Петровна), появились пирожки. Тонечка откусила, пожевала, заметила машинально: «А я в начинку огурчиков солёных немного добавляю».

– Так мама твоя делала, – откликнулся председатель. – Жива?

– И папа жив. У брата моего младшего в Москве живут.

– У Веньки? Это который мои записочки тебе таскал, – улыбнулся

председатель, не заметив, что сказал лишнее.

– А у вас детки есть? – поспешно вмешалась в разговор Вера Петровна. – Наши парнишки оба в школе учатся.

– У меня дочка, закончила филфак, работает в Вениной фирме переводчицей.

– Карточки-то дочкиной нет у вас с собой?

– Нет, – чуть помедлив, ответила Тонечка.

И схитрила. Фотография Сашеньки была всегда у неё с собой в сумочке, аккуратно вложенная в кожаную записную книжечку. С цветного снимка, сделанного, помнится, где-то на юге, смотрело хорошенькое личико с ямочкой на подбородке и ярко-рыжими длиной до плеч волосами.

Нечаевы не прожили в деревне и недели: у Тонечки от свежего воздуха каждый день разыгрывалась мигрень, да и близость леса отчего-то перестала радовать. Дом простоял заколоченным всю зиму. Весной его купили новые хозяева.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ МЕНЯЕТ ПРОФЕССИЮ

Иван Васильевич аккуратно сложил газету, удовлетворённо потёр руки: гороскоп обещал массу прекрасного – повышение по службе, дружескую встречу, дальнюю поездку... Дотянувшись до прикроватной тумбочки, он завёл будильник, потом уместился на пуховой подушке, стараясь не разбудить Люсю, уже спящую сном праведницы. Хотелось пить: поужинали они отварной картошкой и селёдкой с лучком, но не хотелось вставать, нашаривать тапочки, плестись, подсвечивая фонариком, в кухню, где в графине томилась налитая ещё утром кипячёная вода, сильно отдававшая хлоркой.

...Будильник прозвонил, как обычно, в 6.15. Иван Васильевич сварил яйцо для Люси, себе же разогрел гречку – предмет вожделенных мечтаний в былые годы, а теперь продававшуюся в каждом ларьке, насыпал заварку в чайничек с красным цветочком на боку. Этот чай он заваривал и так, и эдак, в фаянсе и в фарфоре, и только свежим, как и положено, кипятком, бросал для крепости кусочек сахара, для запаха – дольку лимона. Ничего не помогало. Всё равно, вопреки рекламе, получался невкусный, невзрачный и неароматный напиток.

– Ты уже поел, – Люся вплыла в кухню в лёгком халатике с кокетливой оборочкой, – а я... соня.

– И даже побрился, – уточнил Иван Васильевич, тут же вспомнив слова одного своего сослуживца: «Лучше раз родить, чем каждый день бриться».

Люся присела к столу, разрешила остывшее яйцо, намазала каждую половинку мягким плавленным сыром, отпила глоток чая, поморщилась,

– А не купить ли нам «Беседу»?

– Беседовать придётся одной, – тут же сострил в ответ Иван Васильевич. – Сегодня провожаем на пенсию Пал Палыча – приду не знаю когда.

– Ну, это понятно, а сейчас куда спешишь? Недел, недопил – бегом из дома. Жаль, грамот теперь не дают почётных – за прилежание. Ты бы пополнил коллекцию.

Работу свою Иван Васильевич действительно любил, хотя была она, выражаясь тактично, не очень престижной. Вернее, вовсе не престижной: не бухгалтер, не компьютерщик, не юрист и даже не банкир. Инженер. Правда, ведущий. Начальник бюро, тот самый Пал Палыч, говорил так: «Ты, Иван Васильевич, инженер перспективный, но человек непробивной. До дому-то автобусом едешь? Значит, нагяделся, как люди на конечной его штурмуют, локтями соседей распахивают, сумками отмахиваются. А всё зачем? Чтобы сесть на сиденье. А кто не успел, тот опоздал, всю дорогу толкись, как сардина в банке...» И неожиданно подытожил: «Уйду на пенсию, Семён Евгеньевич на моё место пойдет, а ты на его – замом, я уже внёс предложение главному».

...Но случилось всё по-иному. Вместо Пал Палыча заступила начальница Роза Марковна – женщина лет сорока, с модным макияжем и длинными ухоженными волосами. «Как у нас в садочке, как у нас в садочке розочка цвела»... – прокомментировал её приход записной остряк Славка Неделин, а местные женщины невзлюбили её сразу же, и, надо думать, надолго: уж слишком разителен был контраст между ними, в обед спешащими нагружаться продуктами, и ею, выходящей из собственного авто с маленькой квадратной сумочкой в руках.

Как она попала к конструкторам – для всех осталось тайной. Каким Роза Марковна была специалистом, тоже сказать было трудно, но руководитель из неё вышел крутой. Новая метла начала мести уже в первую неделю. «Сократили» две должности, добавив обязанностей оставшимся, установили жёсткий пропускной режим, а начальник отдела кадров, Вилен Андреевич, самолично стоял на лестнице от без пятнадцати девять до девяти, отмечая опоздавших.

В положенное время пришёл апрель. Хрустальное утро обещало столь же светлый день. На ивах уже набухли густо-красные почки, кое-где виднелась прошлогодняя трава, днём припекало совсем по-майски. Не спеша, растягивая удовольствие от прогулки, Иван Васильевич подходил к проходной.

– Не знаете, сколько сейчас времени? – молодой парень в кожанке явно куда-то спешил.

– Без десяти, – коротко ответил Иван Васильевич.

– Семь? – с надеждой спросил парень.

Иван Васильевич покачал головой.

– Восемь? – испугался незнакомец.

– Без десяти девять, вернее... уже без восьми, – уточнил Иван Васильевич.

– Ого, сколько же это я...

– Счастливые часов не наблюдают, – усмехнулся вслед ему Иван Васильевич коронной фразой классика.

...В десять пятнадцать позвонила секретарша Зиночка. «Будьте добры, Иван Васильевич, зайдите, пожалуйста, к Розе Марковне...Да...сейчас... не знаю...вопрос на месте...»

– Вам, Терентьев, сколько до пенсии осталось? – встретила вопросом его новая начальница. – Если не врут мои источники, три года?

– Не врут. Три года и четыре месяца.

– Прекрасно.

– Что же тут прекрасного?

– Буду с вами откровенна... Вы меня очень обяжете, если напишете заявление об уходе по собственному желанию. На ваше место уже есть человек – молодой и перспективный. Я не скрываю: он из моей команды. А не захотите по собственному... да нет, вы, мне говорили, не из таких, права качать не станете.

– Чем же я вам не угодил?

– Не угодили? Вы? Мне? А при чём тут вы и я?

– Останешься, себе дорожке выйдешь. «Съест» она тебя или «подсидит», – на удивление спокойно отреагировала на ситуацию Люся. – Что же делать, Ваня? Пришли другие времена.

...Когда вечером в половине седьмого Иван Васильевич втиснулся наконец-то в автобус, сидячие места, конечно же, были заняты. Он пробрался к кабине водителя, мысли потекли вспять... Сегодня к нему подходила профорг Маша.

– Жаль, Иван Васильевич, что вы уходите от нас.

– Не лукавьте, Маша, не я ухожу, а меня «уходят».

– Ну, – смешалась она, – заявление-то вы «по собственному» написали, я видела... А давайте мы устроим вам проводы. Профсоюз выделит деньги.

– Не стоит, Маша. Хотите пирожок? Домашний. Жена пекла...

– Что вы себе позволяете! – услышал Иван Васильевич женский голос, вернувший его к действительности.

Он огляделся. В салоне, заметно поредевшем, нарастал скандал, и пассажиры старались исключить себя из числа его участников: кто-то отстранённо смотрел в окно, кто-то раскрыл журнал с кроссвордом, а кондукторша предусмотрительно ушла собирать мзду в «хвост» машины.

– Отстаньте и ведите себя прилично! – перешла на крик женщина, сидящая у самого выхода.

– А я чё – неприлично? – парень в расстегнутой куртке, не очень твёрдо державшийся на ногах, наклонился ещё ниже. – Меня, может, на тебя пихают. Сзади. А я устоять не могу.

– Не можете устоять, сидите дома!

– У, какая злючка... Командовать ещё будешь?!

– Уберите руки! – в голосе женщины зазвучали слёзы.

– Как же, разбежалась! Недотрога... Слушай, это какая остановка?

Женщина наконец оттолкнула парня и проворно выскочила из автобуса. Но тот, оказавшись на диво прытким, успел спрыгнуть вслед за ней. Автобус плавно набирал ход. «Нужно выйти, а то как бы...», – подумал Иван Васильевич и нажал кнопку звонка. «Лезут тут всякие по головам», – тут же укорила его стоящая впереди бабуля. Автобус остановился. Иван Васильевич оказался на незнакомой остановке. И разом охватил всю картину: пьяно улыбаясь, парень пытался обнять женщину, та вырывалась. Наконец, он ухватился за её сумочку, та раскрылась, на асфальт выскочил маленький пузырёчек с духами и разбился. Запахло ландышем.

– А ну, брысь отсюда! – в ярости подлетел к обидчику Иван Васильевич.

– Сам... брысь... – опешил парень, дохнув смесью дешёвого пойла и мятной жвачки.

Иван Васильевич обернулся к незнакомке: ноги в руки – и домой. А я тут «добеседую».

– Терентьев? – удивилась та, приглядевшись к спасителю.

– Роза Марковна?..

– Иван Васильевич, садитесь, пожалуйста, вот в это кресло. К сожалению, кондиционер испортился – жарко. – Роза Марковна промокнула лоб платочком. – Спасибо вам за вчерашнее. Если бы не вы... Городским транспортом я почти не пользуюсь, только если машина не на ходу... И вот... печальный опыт. Если бы не вы... Мне солоно бы пришлось от этого негодяя... – Она открыла коричневую папку, вынула листок. – Вот ваше заявление об уходе по собственному (Роза Марковна усмехнулась) желанию. Его (она подвинула хрустальную пепельницу, щёлкнула зажигалкой, бумага, вспыхнув, превратилась в пепел)... его не существует больше. Идите и работайте. Ещё раз спасибо. Всё улажено.

– У меня к вам большая просьба, Роза Марковна, – помолчав, сказал Иван Васильевич. – Мне осталось работать неделю...

– Я же сказала: всё улажено...

– У меня просьба такая: распорядитесь, чтобы меня рассчитали с завтрашнего дня.

...В службе занятости инженерных вакансий не оказалось.

– Ждите, – туманно обнадёжили Ивана Васильевича.

Но уже через две недели через хороших знакомых Люся подыскала ему место – продавать с лотка книги.

– Ну что, благословляешь меня? – спросил Иван Васильевич, когда жена выложила новость,

– На что? – улыбнулась Люся.

– На смену профессии.

– Не драматизируй, Ваня, у нас в стране теперь каждый второй – продавец. И потом – ты же любишь читать. Вот и будешь – в свободное от покупателей время.

Читать он действительно любит, размышлял Иван Васильевич. И больше всего стихи. Вот и сейчас память услужливо подсказала строки:

«Отгремели горною грозюю,

Отшумели степными ветрами,

Сгинули дни былые в закатной тени за холмами.

С огнём отплясала радость,

И с дымом умчалось горе,

И невозвратное время не вернётся к нам из-за моря».

Хорошие стихи. Под настроение. Жаль, кто автор, Иван Васильевич не помнил. Скорее всего, кто-то из древних.

СТАКАН ЧАЮ С ЛИМОНОМ

Тамара Михайловна вернулась из нового супермаркета рассерженной и раздражённой. Соблазнила поехать соседка Галя, которая уже побывала на открытии. Добирались до девятиэтажки, где в нижнем этаже располагался торговый центр, двумя автобусами с пересадкой. А цены оказались не ниже и продукты не лучше, чем в магазине напротив их дома. Но дело было не в этом. Выйдя на морозный воздух, соседка приостановилась и сообщила: «Видела вашу Людмилу с Игорьком. Паренёк – вылитый отец, а Людмила такая красotka, шубка до пят, фигурка как у девушки». И, заторопясь, добавила: «Вон их окна, на пятом этаже. Квартира 125».

Тамара Михайловна поджала было губы, потом опомнилась и перевела разговор на другое: «Картошка на рынке по десятке, страсть прямо».

Теперь, сидя в тёплой кухне, она выдавила на ладонь жёлтый шарик валерьянки, сглотнула, испачкав руку губной помадой, запила водой из остывшего чайника. И, пока успокаивалась, решила снова съездить в супермаркет: может, что нового подвезут. С этой мыслью и пошла в гостиную смотреть очередную серию бразильского счастья.

Пятнадцать лет тому назад Морозовы жили втроем в четырёхкомнат-

ной квартире. Муж Борис Егорович, художник, делил время между вернисажами и мольбертом, сын Павел учился на последнем курсе медицинского института. Когда появилась Людмила, Тамара Михайловна сразу почувствовала неладное и пыталась отговорить сына от женитьбы, но напрасно. Всегда послушный родительской воле, он заупрямился. После свадьбы обе семьи стали жить вместе, если вечную войну, которую развязала Тамара Михайловна, можно было назвать жизнью. В Людмиле её раздражало всё: что была стройной до худобы, пельмени лепила большие, как вареники, бельё вешала сушить, вывернув наизнанку, в ответ на придирки не переходила на крик, а слабо улыбалась, но больше всего то, что чай пила не из чашки, а из тонкого стакана в подстаканнике и не хотела расставаться с этой привычкой. Игорёк родился зимой, ребёнком оказался беспокойным, орал ночи напролёт. Люда за день так с ним выматывалась, что по ночам вставал к малышу Павел. Это и переполнило чашу терпения. Тамара Михайловна, дождавшись, когда Борис Егорович ушёл в художественный салон, сказала Людмиле, как отрезала: «Вот Бог, а вот порог». И под первую весеннюю каплю молодые погрузили кровать, пару чемоданов и узел с постелью в такси. Тамара Михайловна – «пусть не думают, что подлизываюсь!» – даже к окну не подошла посмотреть, как они там управляются. Когда под вечер Борис Егорович пришёл домой, там уже пахло не подгоревшим молоком, а тонкими французскими духами, не попадались под руку целлулоидные игрушки-погремушки, не занимал ванную таз с замоченными пелёнками и даже верёвочка в коридоре, на которой они сушились, была предусмотрительно обрезана Тамарой Михайловной, которая встретила мужа блюдом свежих пирожков с курагой, до которых тот был большой охотник.

Поселились молодые Морозовы в общежитии, а какое там житьё, Тамара Михайловна представляла: общая кухня, две плитки с четырьмя конфорками и один туалет на весь этаж, из окон, сколько ни утеплишь, дует. Нет, к такому её Павел не привык, долго не выдержит, пророчила она. И оказалась права. Майские праздники сын уже гулял в родительском доме, и в прежнюю свою семейную жизнь, как в комнату со старьём, дверь уже не открывал. Тамара Михайловна, обзвонив знакомых, подыскала Павлику невесту, но он перед самым Новым годом неожиданно уехал на Север. Родителям потом витиевато написал, что встретил подругу жизни Наталью, во втором письме – через полгода – имя поменялось на Ларису, а вскоре родное чадо и писать перестало, и неизвестно, жил ли Павлуша бобылём или прибил к очередной женщине.

...Как-то Тамара Михайловна разбирала вещи мужа и в старом, давно не ношенном пиджаке наткнулась на фотокарточки. На одной, чёрно-белой, Борис Егорович вёз на санках одетого в курточку с капюшоном малыша лет шести, на другой, цветной, он, постаревший, опирался на трость, а над ним возвышался на целую голову и обнимал за плечи подросток с тёплым

взглядом синих глаз, удивительно похожий на Павлика. «На память от Игорька» – было написано на обратной стороне снимка. «Значит, Борис Егорович тайком виделся с внуком?» – волчком завертелся вопрос, но спросить было не у кого: муж год как умер, оставив её одну в сразу опостылевшей квартире. С глаз долой Тамара Михайловна спрятала фотографии в коробку с ненужным хламом и забросила её на антресоли.

...Дверь в 125-ю квартиру была выкрашена стандартной коричневой краской. Тамара Михайловна вдавила жёлтую пуговку звонка. Людмила молча стояла в проёме двери, медленно снимая фартук, улыбка гасла на её губах.

– Здравствуй, – наконец выдавила Тамара Михайловна и объяснила: «К внуку пришла», ожидая услышать колкое: «поздненько собрались».

– Мама! Это не диск принесли? – в тесный коридорчик вышел подтянутый паренёк, как две капли воды похожий на Павла – такой же темноволосяй, с вьющимися волосами.

...Пока Людмила готовила на кухне чай, Игорь, не глядя на Тамару Михайловну, что-то высматривал за окном, отодвинув край кружевной занавески. Тамара Михайловна оглядывала комнату. Над диваном висела картина, она узнала её сразу: фигура на осенней мостовой, исчерченная дождём. Картину написал Борис Егорович и назвал её «Я». Она висела в его кабинете, но как-то в очередной раз Тамара Михайловна пришла вытереть с неё пыль, а картины на месте не оказалось. «Подарил добрым людям», – ответил Борис Егорович на её вопрос.

Наконец Людмила внесла в комнату поднос, на нём – три тонких стакана с чаем, блюдечко с лимоном и сахарница. Игорь тут же неуклюже-толсто нарезал лимон и подчеркнуто вежливо спросил у Тамары Михайловны: «Вам с лимоном?». Она кивнула. Внук, поддев ложечкой, щедро положил в её стакан две дольки. Тамара Михайловна хотела добавить сахару, но сахарница стояла на другом конце стола.

Вкус этого терпкого чая горчил Тамаре Михайловне до самого дома. Не раздеваясь, она полезла на антресоли, вынула снимки, обтерев перчаткой пыль с коробки. Не снимая сапожек, прошла в спальню, прислонила фотографии к хрустальной вазе на тумбочке у кровати. Потом пошла в кухню и включила газ. Когда чайник закипел, она налила себе большую чашку чаю – сладкого-пресладкого – и выпила его залпом.

БЕЛАЯ СТРЕКОЗА ЛЮБВИ

Пятидесятилетний девственник Иван Анчуткин давно собирался расстаться с постылым наследием прошлого, то бишь с несоответствующим его возрасту интимным состоянием своего организма. И вдруг, написав хмурой ночной порой очередной стих «Белая стрекоза любви» –

неспелый плод его эротических фантазий, решился. Взял на работе отпуск за свой счёт. Окутал будущее место действия флёром романтики: купил тёмно-рубиновую розу, пристроил её в стеклянную вазочку. А с утрачка набрал заветный номерок, коим снабдил его более удачливый в сексуальном плане друг Григорий Козлихин.

– Фирма «Берёзка». Здравствуйте, – поприветствовал его приятный голосок, – говорите...

Иван откашлялся и, как в ледяную прорубь в разгар зимы, кинулся в разговор с барышней: «Мне бы девушку. Ну в смысле женщину...»

– Блондинку? Брюнетку? Рыженькую? Какие у вас предпочтения? И чего желаете?

– Ну... – и Анчуткин надолго замолчал.

– Кать, посиди за меня, я курнуть сбегая. А то тут связь с мужчиной прервалась, – услышал он приглушённый голос в трубке.

– Нет-нет!!! – заорал Иван так нечеловечески громко, что кот, одним прыжком преодолев расстояние с дивана до двери, как лыжник на скоростной трассе, вихрем пронёсся на кухню. – Я тут!!! Я просто думаю.

– Ну и ладненько, – дружелюбно отозвался голос (то ли Катин, то ли той, что ушла курить). – Клиент всегда прав. Диктуйте адрес. Так... Замок кодовый... Этаж третий... Мужчина, не волнуйтесь, всё я записала... Да... Ещё нюанс... Вы один будете?

– Нет, вдвоем. С Василием Палычем.

– С другом, значит. Тогда по двойному тарифу.

– Василий Палыч мне не друг, а домашнее животное... – решил внести ясность Анчуткин, несколько смущённый упоминанием двойного тарифа, – точнее, кот.

– Так ему, может, тоже кошечку прислать, – озорно засмеялась девица.

«Какая-то телефонная маньячка», – с досадой подумал Анчуткин и ответил самым серьёзным тоном: «Но он кастрированный».

– Жаль котика... – смех стал ещё нахальнее.

– Себя-то мне больше жаль... – не удержался от реплики Иван.

– А вы что – тоже... кастрированный? – с тревогой уточнила смешливая особа.

– Хуже... Девственник я.

– Ну, Марина (мы к вам Марину пошлём) это в рабочем порядке исправит. Вам на когда девушка нужна?

– Прямо сейчас! – осмелев, выпалил Анчуткин и почувствовал, как едкий пот побежал по спине... Сердце зачастило. Бросило в жар, словно он напился обжигающе горячего чая с изрядной долей малинового варенья.

– Ждите! – последовал короткий приказ из трубки.

В ожидании волнующих событий Анчуткин улёгся на диван, по случаю возможного прихода гости застеленный новым жёлтым и пушистым,

как цыплёнок, пледом, и с наслаждением стал вспоминать вчерашний день, ознаменованный походом в аптеку.

Дождавшись своей очереди, Иван с чувством законной гордости (мол, не банальный аспирин покупаю!) заглянул в окошечко провизора: «Мне, пожалуйста, средство контрацепции. Упаковку».

– А мы поштучно и не продаём, – усмехнулась женщина и забрала под белую шапочку выкрашенную в сиреневый цвет (любимую гамму стареющих кокеток) прядь волос. – Вам какие презервативы?

– На ваш вкус, – сгоряча выпалил Анчуткин.

– Мужчина, мой вкус лет уж двадцать как кончился.

– Тогда... давайте вон те, в синенькой коробке. И ещё... одеколон...

– Какой?

– На ваш вкус, – Иван намеревался, подобно попугаю, повторить ранее сказанное, но, встретив явно недоброжелательный взгляд провизора и удачно вспомнив, что на 23 февраля как-то давным-давно получил именно такой подарок, произнёс вслух: «Пусть будет «Командор». Попутно всплыло в памяти, что был тогда Анчуткин относительно молод, работал в женском коллективе, и все дамы, будто сговорившись, приглашали его на домашнюю чашку чая. На что неизменно получали в ответ: «Я чай не пью. Только компот».

– Долго же ты выбирал-копался, парень, – съехидничал старичок лет под семьдесят, стоявший в очереди сразу за Иваном, и ткнул пальцем в целлофановую коробочку с надписью «Визит». – Рождаемость падает, а вы... Эх, было время, рожали от нас бабы, сколько Богу угодно!

Анчуткин от неожиданности чуть не выронил сакральную для него попку, которую бережно прижимал к груди.

– Вот привязался, – огорчился он, но, скрыв досаду, вежливо поинтересовался: – У вас, наверное, большая семья? Может, и правнуки есть?

– Вообще-то лично я бездетный, – скис дед. И будто в оправдание заметил: – У меня и жены-то никогда не было.

«Тоже, наверное, девственник», – решил Анчуткин и посмотрел на старичка с большей приязнью, чем раньше.

Тут подала ворчливый голос древняя старушка в умильном белом платочке: «Эх, в наше время мужики на трусы ещё и подштанники надевали, а сейчас... разврат один...» И она покосилась на парня в шортах, украшенных алыми сердечками, увлечённо зависшего над супер-пупер планшетником. Перехватив враждебный взгляд, парень нажал на какую-то кнопку, и тяжёлый рок оглушил аптечную очередь. Въедливая старушка отшатнулась как от удара грома и перекрестилась. А Анчуткин порадовался, что на нём, несмотря на жару, приличные шерстяные брюки.

...По закону подлости, когда раздался звонок, истомившийся Анчуткин справлял свои надобности в санузле. Застёгиваясь на ходу, он, как ошпа-

ренный, кинулся к двери. Забыв сакраментальное «Кто там?», он рванул её на себя... И остановился, как ретивый конь перед преградой. Перед ним, вытирая ноги о коврик, стояла незнакомка, аппетитная, как калорийная булочка с изюмом. Лёгкий сарафанчик не скрывал пышную грудь, обтягивая не менее фигуристые бёдра.

– Марина... – скорее утверждая, чем спрашивая, произнёс Анчуткин, деревянно-неуклюже, как Буратино перед Мальвиной, взмахнул руками и отступил вглубь коридора. – А я Иван. Доброе утро!

– Доброе! – согласилась девица и деловито стала снимать босоножки.

«У, какая проворная!» – радостно подумал Анчуткин, гадая, какая часть туалета первой последует за обувью.

– Ну, Иван, показывайте, где у вас спальня. Извините, что спешу, но мне сегодня ещё в три места надо успеть. Летом заказов всегда полно. Зимой терпят, а как потеплеет, всем сразу надо, – сказала прелестница, выражая полную готовность к дальнейшим действиям.

Несколько обалдев от такой откровенности, Иван смущённо-скромно потупился, но, быстро овладев собой, сделал приглашающий жест.

Тут, мякнув, в ситуацию неожиданно вмешался Василий Палыч. Он, незаметно подкравшись, ласково потёрся о ноги гостьи.

– Ой, какой хорошенький... – Марина расцвела щедрой улыбкой. При этом она смотрела не на кота, а на Анчуткина, поэтому Иван зачислил её улыбку на свой счет и приободрился.

– А собаки у вас случайно нет? – беря на руки Василия Палыча и проходя в комнату, спросила Марина. – Я вообще-то животных люблю, но знаете, однажды пришла я вот так же, как к вам, а собака хозяина меня за пятку схватила в самый неподходящий момент: я как раз на табуретке стояла.

«Господи, мать родная! На табуретке? Это что же за поза такая?» – бездарно имитируя улыбку, но внутренне содрогаясь, подумал Анчуткин и лихорадочно стал припоминать позиции из «Камасутры», коими снабдил его вездесущий Интернет, но табуретка как-то не припоминалась.

Квартира у Анчуткина была однокомнатной, но с двумя окнами (не считая третьего – на кухне), выходящими на разные стороны. Потом часть комнаты отделили стенкой, и с тех пор Анчуткин гордо именовал её гостиной, а маленький закуток – спальней. В спальне уместились диван и высокая тумба, на которой стоял аквариум. В нём в мутной водичке, навевающей воспоминания о копытце, из которого напился сказочный неслух Иванушка, лениво плавала единственная уцелевшая рыбка. Ещё на стене висел телевизор. Анчуткин хотел было (учитывая рассказ Марины) сходить за табуреткой, но решил, что это будет методически неверно, иными словами – преждевременно.

Марина между тем по-хозяйски уселась на диван и заинтересованным взглядом стала рассматривать спальню.

«Правильно, что я не пошёл за табуреткой», – мысленно сам себя похвалил Анчуткин и живенько произнёс вслух: «Располагайтесь!»

Приглашение прозвучало несколько запоздало и Иван, подумав, продолжил: – Будьте, как дома.

– Если я у каждого клиента буду рассиживаться, как дома, то ничего не заработаю, – сказала Марина. – Да, комната небольшая.

– Но потолок высокий, – вступился за родную обитель Анчуткин.

– То-то и оно, – загадочно ответила Марина.

– При чём тут потолок, – озадачился Анчуткин, хотя, может, это что-то иносказательное.

– А у меня и душ есть, – загадкой на загадку ответил Анчуткин. – Можно будет принять.

– Какой вы внимательный, – заулыбалась Марина. – Взопреешь в процессе работы, перепачкаешься вся.

Анчуткин, пригорюнившись, подумал, что уже и так взопрел и что скорее бы уж перейти к этому самому процессу.

– Я в следующий раз с подружкой приду. Ладно? Так быстрее получится. Вам ведь быстрее надо? Вы не бойтесь: мы всё делаем качественно, с гарантией.

– С гарантией? – ошалело спросил Анчуткин.

– Ну да, обычное дело. Так... Первое впечатление я составила. А за работу завтра примемся. Я вам позвоню предварительно.

И Марина, повесив сумочку на плечо, резво прошествовала к двери, оставив в спальне Анчуткина, застывшего как соляной столб.

«Может, у них так положено. В этой самой «Берёзке». Сначала на клиента посмотреть... Надо Козлихину позвонить, узнать», – отмерев, решил Иван.

Но тут раздался звонок.

– Марина вернулась! Она просто пошутила! – счастье пролилось на измученную душу Анчуткина весенним дождём.

Теря тапки, он бросился к двери. Но никакой Марины и в помине не было. Зато надрывался мобильник.

– Сынок, – ласково зазвучал голос мамы, – Марина приходила?

– А ты откуда узнала про Марину? – застеснявшись, спросил родительницу Иван.

– Как откуда? Я сама её послала. Мне давно хотелось сделать ремонт в твоей спальне. Вот я её по объявлению и нашла. Она обои переклеит. А на потолок плитку положит. Ну как, рад?

Поддав тяжкий вздох и изобразив радость, близкую к блаженству, Анчуткин уверил маму, что рад...

«И за что мне такие мучения? – подумал Иван и мысленно послал к чёрту друга Козлихина, подсказавшего ему телефон фирмы. – Сдалась мне

эта проклятая девственность... Чем уж так она мне мешает-то? Пятьдесят лет с ней прожил – и ничего, жив остался... А теперь, не дай Бог, ещё настоящая Марина припрётся... И опять всё сначала? Нет, не открою...»

Анчуткин во избежание неприятностей отключил звонок на двери и пошёл ставить на плиту чайник. Пока закипала вода, он с потеряннным видом таращился в окно, за которым плясало и смеялось солнце. И тут телефон снова зазвонил.

– Мужчина, это вас из «Берёзки» беспокоят. Накладочка вышла. Марина в пробке застряла. Так что...

– Нет-нет, – невежливо перебил Анчуткин, – никакой Марины мне не надо. Я передумал. У меня этот... тестостерон кончился.

– Ну, мужчина, вам надо таблеточек попить, у вас, видно, нервы шалят, – без намёка на любезность донеслось из трубки.

– А я и пью, – огрызнулся Анчуткин и, положив трубку, улёгся на диван.

Огляделся. Роза мозолила глаза. Подумав, Иван вынул её из вазочки, вышел на балкон с намерением зашвырнуть розу в ближайшие кусты, зелёным островком маячившие у подъезда. Но промахнулся, и цветок плавно спланировал на лавочку, на которой сидели две Ивановы соседки по лестничной клетке: баба Мотя и баба Глаша. Обе удивлённо посмотрели вверх. Но Анчуткин успел спрятаться за перила балкона.

– Моть, не иначе у тебя поклонник объявился, – услышал он голос бабы Глаши.

– А может, это тебе прилетело? – откликнулась баба Мотя. – Цветок-то один, как будем делить, подруга?!

И обе бабульки залились задорным смехом, словно молодые девчонки.

«Раскудахтались, весело им», – Анчуткин с размаху захлопнул балконную дверь и пошёл на кухню пить чай с мятой, горюя о том, что белая стрекоза любви опять пролетела мимо.

БУКЕТ ИЗ ЧАЙНЫХ РОЗ

В тот год мы жили на верхнем этаже блочной пятиэтажки в переулке Вокзальном, в десяти минутах неспешной ходьбы от железнодорожной станции. Уезжающие и приезжающие стали уже настолько привычной частью законного интерьера, что мы перестали их замечать. Поначалу свистки, гудки, стук колёс пассажирских и товарных поездов и бубнящий что-то невнятное голос вокзального диспетчера нас раздражали, но со временем мы и к этому привыкли.

Квартира наша состояла из трёх небольших комнат. Ещё была вместительная кладовка, в которой папа, включив красную лампочку, печатал фо-

токалочка. Но самым уютным местом всегда оставалась кухня. Большую часть её занимала печка, которую надо было топить дровами. Но когда папа получил премию, и мы купили немецкую электрическую плитку «Фека» – беленькую, чистенькую, двухконфорочную, надобность в этом отпала.

В тот год январь жёг руки, стоило снять варежки. Мороз безжалостно выбивал слёзы из глаз, припудривал щёки ярким, как клюква, румянцем, задорно скрипел под ногами. Бриллиантовой крошкой холодно сверкал снег под весёлыми лучами солнца, в сонной тени отсвечивал бледно-синим перламутром. Пухлые сугробы слепили белизной, навевали мысли о пуховых одеялах, под которыми так славно спится длинными зимними ночами. Хотелось сидеть дома, на кухне, есть огненно раскалённые дырчатые блины с густой, как взбитый крем, сметаной или, на худой конец, просто посыпанные сахарным песком.

В тот год я считала себя некрасивой. Мне не нравились заплетённые в косу волосы с коричневым капроновым бантом на конце и светлые «поросычки» ресницы, чулки в резиночку и ботинки на сплошной подошве, байковые панталоны и коротко остриженные ногти. Мне хотелось быть похожей на Светку Ушакову, черноволосую, с короткой стрижкой, с родинкой на правой щеке. На школьные вечера она приходила в короткой юбке, открывавшей стройные ножки в шёлковых взрослых чулках, в модельных туфельках, а обтягивающие кофточки не скрывали её упругую грудь. Её наперебой приглашали на танцы. Я же в отсутствии кавалеров скромно стояла у стенки или сидела, поджав ноги, на стуле. И когда учительница пения (она и учитель физкультуры следили за порядком в актовом зале) спрашивала меня, почему я не танцую, бледно улыбаясь, отвечала: «Не хочется». А хотелось! Ужасно хотелось!!! И вдруг однажды, отделившись от Светкиной компании, ко мне подошел незнакомец.

– Привет. Потанцуем? – сказал он.

И пока мы не очень умело кружились в вальсе, я успела узнать, что зовут незнакомца Сергеем и что он учится в десятом классе не нашей, а вечерней школы.

– А я в девятом.

– Знаю. Мне Светка сказала.

– Ты из её компании? – опасно спросила я.

– Я сам по себе.

В тот год рано запахло весной. После занятий Серёжа, не таясь, встречал меня у школы, забирал портфель, и мы шли в парк. Там, на лавочке, он вынимал мой дневник и делано удивлялся: «Опять пятерки. И по русскому. И по географии». И, комично горестно качая головой, добавлял: «А у меня две пары и единственный трояк – по поведению». Иногда мы уходили в берёзовую посадку и разжигали костёр из сушняка. Костёр агрессивно шипел, как кошка, которой наступили на хвост, и плевался огнём, как матёрый дракон.

Я любила смотреть, как Серёжа рисует. На белых альбомных листах оживали ленивая осень с сонными дождями, с нехотя, медленно опадающими жёлто-багряными листьями или витражные сине-красные окна таинственных зданий... Или полутьма зимних деревьев... Или закат – полосы белоснежных облаков, ало подсвеченные уползающим за горизонт солнцем. Но особенно удавались ему пейзажи, словно вуалью, окутанные полупрозрачной зеленью, и размытые, будто из воздуха сотканые акварели.

– Тебе надо в художественное училище поступать, – советовала я. – У тебя талант.

– Мне сначала в армии надо отслужить, – отмахивался Серёжа, который относился к своему творчеству просто как к хобби.

Наша дружба вызывала неоднозначную реакцию. Мои мама и папа, скрепя сердце, сносили наши ежевечерние и воскресные прогулки, и в дом Сергея не приглашали. Его же родители встречали меня приветливо, усаживали пить чай. Что касается одноклассниц...

– Девчонки тебе обзавидовались, – вводила меня в курс дела закадычная подруга Лиля. – Такого парня, мол, отхватила. Удивляются, что он в тебе нашёл? Они, послушать их, все сплошь красавицы и принцессы, а ты так себе – серая мышка... А больше всех злится Светка Ушачиха. Она, знаешь, что болтает? Что у вас с Серёгой... уже того...

– Чего того?

– Ну... в смысле... было... это самое, – объясняла Лиля, и мы обе, как по команде, краснели.

В тот год всё лето и пришедшую ему на смену осень мы с Серёжей встречались каждый день. Но ничего запретного между нами не было. Целовались, обнимались. И на этом ставили точку. Дружба уступила место романтическим отношениям. Но страсть – неопытно-юная – ещё не пьянила наш разум.

Зимой по мягкому холодному снежному ковру пришло моё шестнадцатилетие. Серёжа подарил мне прелестный натюрморт с пятью чайными розами, перевитыми узкой лентой.

– Я же говорила, что у тебя талант, – восхитилась я, – замечательный рисунок, один из твоих лучших. Спасибо. Я вставлю его в рамочку, и он всегда будет со мной. Хотела бы, чтобы мой свадебный букет был таким же нежным.

– Так и будет. Я уж постараюсь.

– Обещаешь?! Ты подаришь мне розы, чайные розы?! Ура!

А потом время помчалось, как лыжник с горки. Дни таяли, словно хрупкий лёд на весенних лужах.

Две новости сошлись в один день: Сергей получил повестку из военкомата, а мой папа – перевод на новое место службы. Но это была перспектива, хотя не столь отдалённая. А пока ничто не разлучало нас с

Серёжей...

В то воскресенье мы чуть не попали под дождь. Неожиданно облака собрались в тёмную тучу, грозившую пролить на наши головы потоки воды. К счастью, мы уже возвращались с прогулки. Но до моего дома было ещё далековато, а ненастье наступало нам на пятки.

– Ко мне ближе, успеем до дождя, – сказал Серёжа.

– Да мне уже домой пора, – засомневалась я.

Но тут небо яркой змейкой прорезала молния, тревожно загрохотало. Пошёл дождик, пока еще мелкий и тёплый. И мы побежали к Серёжиному дому, благо он был совсем рядом.

– А где твои родители? – спросила я, когда квартира встретила нас непривычной тишиной.

– Да они ещё с утра уехали бабулю проведать. Вернутся с последней электричкой.

Я трянула головой, и с волос тут же брызнули в разные стороны дождевики.

– Серёж, давай зонтик возьмём, и ты меня проводишь.

– Куда спешить? Обсохнем, чаю попьём. Рисунки мои посмотрим, есть новые.

Пока мы пили чай на кухне, потом в Серёжиной комнате рассматривали его рисунки, меня назойливо покалывали иголки беспокойства. Но мы продолжали сидеть на диване, переворачивать альбомные листы, обмениваться впечатлениями... Потом стали целоваться. Мы впервые целовались столь жадно, как будто через мгновение нам грозило расстаться на век.

От этих сладко-жгучих поцелуев, тесных объятий в горле пересыхало, руки дрожали, сердце колотилось, кружилась голова, а перед глазами плыли цветные, как радуга, пятна.

– Какая ты красивая, – сказал Сергей, расстегнув пуговицы моего платья. Он дотронулся до моей груди. Прикосновение было нежным, невесомым, но у меня мурашки побежали по телу. Меня будто качало на волнах... Приятно... Тепло... Даже жарко... Я откинулась на подушку и закрыла глаза... А когда открыла их, Сергей уже лежал рядом, тоже освобождённый от одежды. Мы, впервые увидев друг друга нагими, были, как притихшие дети, и даже целоваться перестали.

– Не боишься? – прошептал Сергей. – Не бойся. Я люблю тебя. Тебя. Тебя. Только тебя... Ты будешь моей женой.

От этих слов, ожидаемых и всё же неожиданных, от близости его горячего тела желание вспыхнуло порохом... У последней черты Серёжа посмотрел мне в глаза и секунду помедлил. Эта секунда решила всё. В отчаянии я покачала головой и отстранилась...

Между тем неминуемо приближался день расставания. Родители паковали вещи, готовясь к переезду в новый гарнизон.

Наш поезд уходил утром. Серёжа пришел меня проводить. В пустых гулких комнатах присесть было не на что. Родители тактично удалились на кухню, оставив нас наедине.

– Ты мне только адрес сразу напиши, – в глазах Сергея стояли слезы.
– Отслужу, приеду, сразу поженимся.

Я согласно кивала головой и откровенно ревела. Вернулись родители, но мы не перестали целоваться...

– Пора, – сказал папа, посмотрев на часы...

...Сергей нёс службу на подлодке. А я поступила в театральное училище. Это была моя давняя мечта, о которой я никому не рассказывала. Мы писали друг другу часто. Это скрашивало долгую разлуку.

«Представляешь, меня, студентку, пробуют на главную роль в спектакле нашего местного драмтеатра, – писала я Сергею. – Пьеса из современной жизни. О любви. У меня замечательный партнёр, мы уже начали репетировать».

«Рад за тебя! – незамедлительно отвечал Серёжа. – Красавица моя! Я безумно по тебе скучаю. У нас штормит, и старпом ходит злоющий, как чёрт, нет, как тысяча чертей. Потому что выход в море откладывается. Уйдём в автономку надолго. Может даже на полгода. Не представляю, как я смогу жить без твоих писем, милая моя артистка. Сам я буду писать тебе каждый день. А как вернёмся на базу, отправлю тебе все письма сразу. Прибавлю работы почте».

Меня утвердили на роль. С Дмитрием, моим партнёром, мы репетировали днями, вечерами, случалось, прихватывали и часть ночи. Творчество захватило меня в свой сладкий плен и отодвинуло всё остальное. Прошло четыре месяца. Писем от Сергея не было. Но это меня не волновало. Я забросила занятия в училище и всё время пропадала в театре.

Как-то незаметно любовь со сцены перетекла в нашу с Димой жизнь. Мы поженились и уехали вдвоём покорять московские театральные подмостки. Дмитрий к тому времени уже получил приглашение в молодежный театр-студию и уверял, что и для меня найдётся роль. Осенью от мамы пришло очередное письмо, как всегда полное добрых советов и пожеланий. В постскриптуме она спрашивала, что делать с письмами Сергея, которые приходят почти каждый день.

«Что хочешь, то и делай, мамочка», – ответила я.

...В столице мы пришили ко двору. Дмитрий был востребован на главных ролях и через несколько лет получил звание заслуженного артиста. Я тоже играла, но больше роли второго плана. Жизнь наша бежала вперёд без оглядки. Я была на шестом месяце беременности и вся погрузилась в будущее материнство. Теперь только изредка мы выбирались с мужем «в свет». Так случилось и в тот раз. Я надела свободное платье из бледно-жёлтого атласа, расшитое пайетками, взбила волосы в высокую причё-

ску, добавила каплю духов от Нины Риччи «Кризантэм д'ор» с пикантной ноткой полыни. Поехать на выставку работ перспективных художников с периферии уговорил меня муж. Я бы с удовольствием осталась дома и вязала пинетки для будущего малыша.

Мы вошли в зал. Народу было немного. Отыскав знакомые лица, мы перекинулись с ними взглядами и улыбками и стали переходить от картины к картине. Увы, живопись меня не задевала. И вдруг... Картина была небольшой по размеру и скромной по композиции. Пять чайных роз, причудливо перевитые узкой лентой. Картина называлась «Свадебный букет». Я, уже зная, что увижу, посмотрела на фамилию художника... Так и есть. Это был привет из моей сладкой юности, из моего далёкого шестнадцатилетия...

– Здесь так душно. Ты хорошо себя чувствуешь? – забеспокоился Дмитрий, когда я побледнела и буквально зависла перед картиной. – Посиди минутку, я принесу твой плащ.

Мы вышли на улицу и пошли пешком. Ветер вспенивал разноцветные листья, и они, как бабочки, летели, чтобы, опадая на землю, слиться, словно в любовном объятии, вновь прижавшись друг к другу.

В конце января я родила мальчика, назвали сына Серёжей.

РЯБИНОВЫЕ БУСЫ

Дверь кабинета раскрылась, и Татьяна Николаевна с надеждой посмотрела в ту сторону: в ожидании рецепта («Подождите в коридоре, вам вынесут») прошло... да... уже двадцать минут. Но на пороге появились двое – медсестра в халатике, не закрывавшем её клетчатой, в складку, юбки, и старушка, тяжело дышавшая и переминающаяся с ноги на ногу.

– Идите осторожно... Или лучше посидите сначала. Что же вы одна-то на приём пришли... – и бабуля была усажена на диванчике рядом с Татьяной Николаевной.

– Сидишь – ничего, только мушки какие-то перед глазами прыгают, а встанешь – всё плывет и какая-то серость... – ни к кому не обращаясь, сказала старушка. – Давление, говорят... Мы раньше об нём и понятия не имели. Ну, болит голова, и пусть болит, человек живой, чего ж не поболеть...

Она порылась в матерчатой сумке, достала несколько рецептов и упаковку лекарств с белыми таблетками, раздумчиво покачала головой: – Здесь что ли выпить или до дома... А сколько натикало?

– Половина одиннадцатого, – ответила Татьяна Николаевна и решительно встала: – Давайте, я вас провожу, хотя бы до лифта.

– А очередь твоя пройдёт?

– Я не на приём, рецепт выписать для папы.

– Баба Катя меня зовут, – сказала старушка и грузно облокотилась на руку Татьяны Николаевны. – Спасибо, дочка.

Дойти до лифта они не успели – только завернули за угол, баба Катя задышала ещё одышливее, побледнела, потянулась рукой к сердцу. Татьяна Николаевна расстегнула ей верхнюю пуговку вязаной кофты, обмахнула лицо попавшей под руку газетой, гоня свежий воздух. Лицо бабы Кати порозовело, но на глазах появились слёзы.

– Вам больно?

– Да нет... Жалеешь меня, вот и плачу. Я ведь что... репа-репой на тебе повисла... и чего ты со мной носишься? Я ж тебе никто. А с лифтом я управляться не умею, извини уж. А тебе возврататься надо. Может, по лестнице сойду. Потихоньку. А ты иди-иди.

Татьяна Николаевна с минуту колебалась. Потом посмотрела на часы.

– Знаете что, баба Катя... Вы вот у этого кабинетика присядьте, я возьму рецепт и быстренько вернусь. А если плохо опять станет, народу тут много, помогут. – Она усадила её рядом с дамой лет сорока. Та проворчала: «Так и норовят своих бабок на чужих людей спихнуть, а самим умчаться», но подвинулась, давая место старушке.

Татьяна Николаевна покраснела и скорым шагом направилась к кабинету врача.

– А вас тут искали с рецептом, – обрадовала её очередь. – Велели заходить сразу же.

– Ну куда же вы пропали? – медсестра сунула ей в руку рецепт. – Печать поставите внизу.

Баба Катя сидела там, где она её и оставила, только подвизалась в ожидании белым, в синее пшенице платочком. Оделись, спустились с третьего этажа на лифте, сошли со ступенек в талую воду.

– Ты чего же, и до дома меня так поведёшь?

– Вам далеко, баб Катя?

Через улицу, потом в тупичок и подале за базар пройти. Перный дом с края – мой.

Они проехали на троллейбусе две остановки, потом пошлёпали по лужам. Баба Катя еле переставляла худые ноги, обутые и валенки с галошами, вздыхала.

– Чего молчишь-то?

– Думаю. Зачем вы одна к врачу пошли?

– А кому ж со мной идти. Старик помер.

– А кто ж вам обед варит, когда плохо?

– Обед... Да чего его варить. Кипяток на газу завсегда есть, постным маслом плеснешь, сухарей чёрных размочишь, лучку.

Не пробовала? Вкусно.

– Значит, вы, баба Катя, одинокая.

– Почему? Дочь есть, Шурка. Внуки. Только они, Антиповы, не здесь живут. А я Михеева буду, Катерина Иванна, – она остановилась и протянула Татьяне Николаевне руку в серой варежке-самовязке.

Прошли ещё немного, и баба Катя замедлила шаг: «Нет, не дойти без отдыха. Давай вот у этого дома на лавку присядем, вон какая у тебя шуба справная, не замёрзнешь, поди. А я привычная. Шурку осенью родила, и не углядели, глазки у ней стали гноиться, так пока до больнички кулёк орущий донесёшь, семь потов сойдёт, по коленки в грязи. А машина-то ни одна не подберёт, всё пехом до самого города. Но, дал Бог, сама справлялась. А Шурка, как в тягости вдругорядь была, тут же телеграмму отбила: «Приезжай, мама». Ну я и поехала. Картошки, огурчиков, помидорок через плечо навязала... Приехала... На вокзале темень... Потом, глядь, Антипов явился, не запыхался, встретил тещу, значит... Ну, пожила у них недельку. А Шурка всё не родит и не родит. Вот напасть. Май, теплынь, сердце у меня кровью обливается: огород-то не сажено. Я и говорю Шурке: «Покупай билет, домой поеду». А та, чудна девка, вплачь: куда, говорит, я Надюшку малую дену, как рожать пойду. Михаил-то в ночную смену ходит...

– Ну и как, баб Катя?

– Что как? В самый раз успела: и картошку, и моркошку...

– Да я не об этом. Шура-то ваша как – родила?

– А куда ей деться. Как я уехала, она тут и родила через день. Антипов телеграмму отбил: внук, мол, родился. Дед мой впрысядку пошёл – очень внука ждали. Мы ведь тоже себе мальчонку загадывали, а вышла Шурка. Ох, и любил он её... Баловник был страшный: то конфетку, то косынку ей принесет. А на день рождения завёл ей подарок делать. Подарок... Я ему, бывало, скажу: чего деньги зря переводить, всё у девки есть, а он: нет, без подарка нельзя. Я ему, значит, на курево дам, а он накопит и что-ничто ей купит – это, говорит, от нас с матерью... Помню вот случай вышел: в госпитале он лежал, пришла я к нему. А он мне: «День-то сегодня кикой, помнишь, Катя?» Ну какой, говорю, среда. – «А число какое?» – Какое? Двадцатое с утра было. – «Да день рождения, говорит, сегодня у Шурочки, неужто забыла?» И под подушку лезет. «Я тут ягодков нарвал (и на рябину за окошком показывает), на нитку нанизал, смотри, какие бусы получились, отдай их дочке».

– А где, говорю, иголку брал?

– Сестра дала.

Ну, приехала я домой, жакетку парадную сняла, в кармане игоды нашупала... Ну, отец, ну удумал – бусы рябиновые... Курам на смех... Выбросить бы, да Шурка тут как тут: «Как папка?» А чего ему будет, уход хороший... Болеть, говорю, не работать, а нам с тобой ещё капусту рубить, не забыла? А она не унимается: «Расскажи, что он говорил, да не просил ли чего передать?» А на следующий день девка моя из школы, как шальная,

прибежала: «Мама, мы с учителькой в город поедem, музей смотреть. Можно, я жакетку твою надену?»»

– Ну, надень... только не замарай... ох, да она велика тебе... да ладно... сойдёт.

А Шурка платочек маленький наодеколонила, в карман спрятала.

– Ой, мам, тут ягодки какие-то... рябинка... помялась...

– Да это я так, сорвала вчерась по дороге.

– А зачем тут ниточка?

– Зачем-зачем? Вот пристала... Отец тебе нанизал... ну... на день рождения. Помялось всё, выбрось!

Только много вы родителей слушаете. Шурка жакетку сняла, ягодки все собрала, в коробочку, где брошка праздничная у неё лежала, сложила, потом пальтишко своё старое надела – и след её простыл. Думала, к школе подалась, а гляжу, она па лавочке сидит, под окном.

– Что же, муж ваш сердился, когда из больницы вернулся и узнал, что с подарком его вы так... обошлись? – спросила Татьяна Николаевна.

– А он и не узнал, – сказала баба Катя и вновь потянулась в сумку за таблеткой. – Не узнал... Шурка ничего не сказала. Только говорит: «Спасибо за бусы, папа». – «А что же не носишь, дочка?» – «Да ниточка перетёрлась»... Ох-ох, убежали годочки. У Шурки уж своих трое. А всё в тесноте ютятся, я уж отписывала, приезжайте, дом просторный, это раньше казалось, что у чёрта на куличках живём, а сейчас до города автобус прямёхонько возит. Но нет, приедут, к отцу на могилку сходят, на родник за водой, на озёрах искупаются, в лесу ягод поищут и домой, будто их Тула мёдом мазана. Привыкли, говорят, в тесноте, да не в обиде... Ну вот и пришли мы. Тут рядом, дойду. Да вон и соседка, в калитку мою стучится. Чего надо, Аньк?

– Баб Кать, вот вы где, – подбежала запыхавшаяся женщина. – А я стучу-стучу – никого. Куда подевалась? Я вам и хлеба взяла, и молока налила.

– Ну, налила и налила, – осадил её баба Катя, – чего кричишь-то при чужом человеке... Ох, девки, с улицы бы не шла. Птахи кличутся. Воды ныне много будет. Подсушит, огород копать станем... Чего лыбишься, Анька? Не увидишь, как старость и к тебе подкатит.

ПОГОВОРИ СО МНОЮ, ДОЖДЬ...

Есть неизъяснимая сладость в крошечных провинциальных городках. Как неприхотливые сыроежки по лесу, разбросаны они по российским просторам. Не могут похвастаться столичным лоском и валяжностью. Но так ли это важно? Как говорится, не судите о конфете по обёртке.

Я родилась в городочке по имени Глинск, и даже густая пора листопада не заставит моё сердце сжиматься от грустной мысли, что счастье может пройти мимо – в погоне за призрачными огнями большого города. Мне хорошо и уютно в нашем старом, с вековыми липами парке зимой, где оцетинившиеся, словно ёжики иголками, торчат из-под снега голые кусты сирени и жасмина, а деревья стоят в пушистых толстых шубах, и той прелестной порой, когда ранняя весна остро пахнет арбузом, и в карусель солнечно-жёлтых листьев, и в красно-прекрасное лето...

На задворках парка стоит двухэтажный деревянный домик. А рядом – некрашенная лавочка под белой акацией, на ней любила отдохнуть на вольном воздухе моя мама, я, возвращаясь с работы, подсаживалась к ней. Теперь, уходя из дома, я вспоминаю, как раньше всегда оборачивалась. А папа обязательно стоял у окошка и махал мне рукой. И я ему махала в ответ. Иногда посещает шальная мысль: вот обернусь, а он стоит там, живой, и машет мне, улыбаясь. Оборачиваюсь. Но нет... никого нет. Пустое окно с задёрнутой занавеской. Становится зябко на душе. Мои сговорчивые соседи уже получили жильё в новом микрорайоне, отделённом от центра речкой Глинкой. Осталась одна я – строптивница. Неужели и мне придётся уехать?! От этой мысли сжимается сердце.

На перекрестье двух парковых аллей – еще один старый, одноэтажный ветхий домишко. В нём располагается местный краеведческий музей, в котором я работаю экскурсоводом. Музей – это, пожалуй, громко сказано. Всего одна экспозиция, а то немного, что хранится в запасниках, нигде разместить. И мой дом, и музей ожидает одна горькая судьба: мы идём под снос. Застройщик уже получил «добро» от местной власти, пообещав на расчищенном месте построить современный торговый центр. А музей решено переселить в однокомнатную квартиру в пятиэтажке в спальном районе. В ответ на этот бред мы, сотрудники музея, подали заявления на увольнение. Так что с завтрашнего дня я – безработная.

На улице бушевала весна. А я сидела дома и связывала книги стопками, готовясь к неизбежному, как майская гроза, переезду. Глаза наполнялись слезами. И я смотрела на привычные и дорогие мне вещи, словно сквозь залитое дождём окно: на обои в мелкий, «деревенский» цветочек, на бабушкину швейную машинку «Зингер», на которой, по семейному преданию, тачались распашонки для моей мамы, на потёртый ковёр с выцветшим, а когда-то празднично ярким рисунком, на абажур тёплого, апельсинового

цвета... Настроение висело на волоске, и только запрятанные глубоко в памяти дни прежнего счастья не давали мне впасть в уныние.

– Гостей принимаешь? – с этими словами в комнату вошел Георгий, бывший мой одноклассник, а ныне известный в масштабах Глинска краевед. – Чего у тебя дверь-то нараспашку?

– Давненько тебя, Герка, не было видно. Месяца два не показывался.

– Точь-в-точь, подруга. С зимы не виделись. А тут птичка на хвосте принесла, что у тебя проблемы. Ну, выкладывай свои беды...

И я выложила, как на тарелку закуску, и про ненавистный переезд, и про то, что осталась без работы.

– Переехать помогу. И с работой улажу, – прокомментировал мой рассказ Георгий.

– С работой? – недоверчиво переспросила я.

– Ну да. Помнишь бывшую помещицью усадьбу? Так вот после Нового года появился в наших краях столичный меценат Гаврилов. Купил он это захолустье вместе с землёй и отреставрировал на свои, конечно, средства. В пруду теперь утки плавают. Сирени персидской насажали видимо-невидимо. В большом доме у него резиденция, ну то есть живёт он там и друзей принимает. По последнему слову евроремонта всё отделано: спальни, гостиная, музыкальная комната, кабинет, библиотека...

– И это ты называешь реставрацией?

– Да ты дослушай, торопыга. Отреставрировал он два других дома – поменьше. И хочет в одном открыть музей старинного быта. А в другом – галерею, он несколько картин с собой привёз – девятнадцатый век, русские мастера. А ты по музейному делу специалист не из последних. В общем, от тебя – резюме, от меня – рекомендация. И будешь ты при деле. Только одно условие – жить придётся в усадьбе. Я сам там обитаю, консультантом у Гаврилова работаю, по округе езжу, экспонаты для музея собираю.

Гаврилов мне понравился: приятное открытое лицо, улыбочивые глаза. Выглядит лет на сорок. Короткая стильная стрижка. Одет в лёгкий белый свитер, на плечи накинут бледно-жёлтый джемпер, рукава которого узлом стянуты на груди. Держится уверенно. В общении демократичен. Никакой дистанции в парадигме хозяин, наёмный работник не выстраивает. Со мной, испросив разрешения, сразу почти перешёл на «ты». Внимательный. Даже дотошный. В общем и целом, перфекционист.

Первую мою экспозицию Гаврилов раскритиковал. Я отнеслась к этому спокойно и переделала всё так, как он хотел. Он посмотрел и... попросил оставить так, как было в первый раз.

– Я оказался не прав, твой тренд лучше. Извини. И в виде компенсации прими вот это, – Гаврилов протянул мне букетик ландышей.

«Интересно, – подумала я, принимая подарок, – знает ли он, что это мои любимые цветы, или его выбор – простое совпадение?»

Это было в мае, когда куртины сирени кружили голову. А сейчас на дворе уже лето, самый разгар, и листва деревьев пестрит желтоватыми пятнами солнца. Проказник-ветер набрасывается на кусты роз, и лепестки, похожие на крошечные атласные лоскутки, усыпают дорожку. Я сижу на уютной скамейке, вдыхаю сладкий аромат горделивых красавиц и читаю Блока.

*«Это я помню – неясно.
Это – отрывок случайный,
Это из жизни другой мне
Жалобный ветер напел...»*

Я вышла замуж на первом курсе. Толик был студентом физмата, я училась на историческом факультете. Оба мы были иногородними. Снять жильё в Питере по нашим скромным средствам было нереально. Но нам повезло. Стараниями деканов нас поселили в шестиметровую комнатку семейного общежития. Жизнь наша напоминала качели: то холодные ссоры (на пустом, как я теперь понимаю, месте), то жаркие примирения. В общем, мы пробовали на вкус семейную жизнь. Хотя то, что связывало нас, напоминало скорее детскую забаву, игру в семью, в папу-маму, мы всё-таки были счастливы. А потом я встретила Марка, и всё полетело в тартарары.

...Презентация музея была назначена на 7 августа, а Гаврилов всё не появлялся в поместье. Говорили, что он укатил в Москву по делам, и эти дела его, видно, задерживают.

– Дела ли? – загадочно улыбалась домоправительница Анастасия Петровна и многозначительно замолкала, воздерживаясь от дальнейших комментариев.

В субботу я проснулась очень рано. Было уже не темно, но ещё не светло, небо на востоке только-только начало окрашиваться нежным, как неспелый арбуз, розовым цветом. Я открыла окно и забралась на подоконник, как была – в батистовой короткой ночнушке. Вскоре в лёгкой туманной дымке нарисовалась чья-то фигура. Я пригляделась. Это был Гаврилов. Ловко лавируя между кустами жимолости, он приближался к моему окну.

– Не спишься? – спросил он вместо приветствия, будто мы расстались только вчера. – Выходи. Будем не спать вместе.

Он неожиданно послал мне воздушный поцелуй и к моему удивлению дополнил его смутившими меня словами: – У тебя чудесные волосы, густые, как... как трава на нашем лугу. Зачем ты убираешь их в пучок? Носи, как сейчас – распущенными. Как вы тут без меня... жили? Вы – все? И ты – в частности?

Он сорвал мохнатый малиновый пион с клумбы и протянул мне. Но я, отчаянно жалея, что у меня нет шапки-невидимки, поспешно прыгнула с подоконника на пол, запоздало вспомнив о своём нечаянно полуголом виде.

Тремя часами позже Гаврилов пригласил меня в свой кабинет.

– Ты меня извини за утрешний несколько, может, игривый тон, – сказал он, – ничего личного, просто после дальней дороги увидел в молочной дали премиленькую фигурку... Но волосы тебе, действительно, больше идут распущенные. – И без перехода деловито добавил: – После презентации будет обед для гостей – в русском стиле. Ну, ботвинья там, поросёнок с хреном... Над этим повара похлопочут.

– Я должна буду провести экскурсию? – уточнила я свои обязанности.

– И остаться на обед.

– Это обязательно?

– Это желательно.

И подготовка к приёму гостей вошла в завершающую фазу: шум, суета – дым коромыслом, иначе говоря, смерч на музейном фронте.

В назначенный день в поместье на машинах, вызывающе сверкавших хромом, прикатили гости. Были среди них и дамы, модно, красиво, но безвкусно одетые, обилие бриллиантов, странно смотревшихся ранним утром, зашкаливало. Дамы, все как одна, сочно, явно переигрывая, расцеловались с Гавриловым. Мужчины сдержанно пожали ему руку.

И презентация, и обед удались. Гости остались ночевать. В сумерках я решила прогуляться по саду. Качал деревья август. Но уже пахло близкой осенью. Я обошла стороной элегантный тёмно-синий «БМВ» Гаврилова, против обыкновения неловко припаркованный посреди песчаной дорожки. И наткнулась на него самого. Он полулежал на зелёной траве газона и смотрел куда-то вдаль. Оставалось, гадая, что или кого он там видит, мышкой проشمыгнуть мимо. Однако пройти незамеченной мне не удалось.

– Что, тоже устала от гостей? – спросил Гаврилов. – Я устал.

Он снял с себя светлый льняной пиджак и расстелил на траве: – Приядь, если не торопишься.

– Пиджак испачкается, – вздохнула я, – зелень потом не отстирается.

– Не парься. Куплю новый. Садись... Тебе не холодно? Такой день был жаркий, а вечер прохладный. И платьишко у тебя лёгкое...

– Платьишко... Ну да, по сравнению с нарядами ваших дам...

– Да ты всех их красивее была, – не дал мне договорить Гаврилов.

– Пойду я, пожалуй. И впрямь свежо. Спокойной ночи.

– Нет, подожди минутку.

Гаврилов легко поднялся, открыл дверцу машины, покопался в салоне и, вернувшись, накинул мне на плечи цветастый павлово-посадский платок с золотистыми кистями – безумно красивый и, наверное, дорогой.

– Нравится? Носи. Это я специально для тебя выбирал.

– Для меня?! – моему изумлению не было предела.

Вместо ответа Гаврилов наклонился и, как маленькую, погладил меня по голове, утопив руку в шелковистом ворохе волос. Ласка была приятной, щекочущей нервы и чувства.

– Ты мне очень нравишься, – шепнул Гаврилов.

Я попыталась встать, но он притянул меня к себе и поцеловал. Пока его губы ласкали мой рот, я сидела, не помня себя, желая и боясь ответить на его поцелуй. И неуместная, как дырка на джинсах модника, мысль пробивалась сквозь туман чувственности: «Меня давно никто так не целовал». Внезапно Гаврилов отстранился: – Прости. Не смог удержаться.

А потом к моим ушам полетел букет изысканных комплиментов. Но тут послышались весёлые голоса, и компания гостей, никак не желавших уснуть, нарушила наше уединение.

Зима в тот год запоздала. Когда первые колючки снега, наконец, ударили в окно, Гаврилов сделал мне предложение. «Я никогда не любил ни одну женщину так, как тебя», – сказал он, надевая мне на палец изящное колечко с синим овальным камнем. Потом он привёз каталог свадебных нарядов. Но я, поразмыслив, отложила его в сторону. Мне не хотелось выходить замуж в шумном городе, где по вечерам вспыхивают и гаснут разноцветные огни реклам, снуют в хороводе пробок машины, бегут-спешат озабоченные своими проблемами люди, спеша укрыться за тысячью ярко-жёлтых или оранжево-красных квадратов освещённых окон. Мне хотелось, чтобы это событие состоялось в Глинске. Гаврилов со мной согласился.

И тут появился Марк, вторично перевернув мою жизнь с ног на голову. Я узнала его в одном из гостей, приехавших в поместье покататься на коньках (мы залили огромный каток).

Все забывается, если не вспоминать. Но я-то помнила. И ослепление страсти, и жар крови, бросившие меня в объятия Марка, и его до дрожи волнующий голос, и любовь, которая несла меня на своих крыльях навстречу минутам, часам, дням, месяцам блаженства. Нас познакомил студенческий КВН. Мы оказались в противоборствующих командах. Я сразу выделила высокого, с волосами цвета спелой ржи, остроумного парня. Потом Марк признался, что я ему тоже сразу понравилась. После полуфинала (обе наши команды вышли в финал игры) мы собрались на небольшой сабантуйчик.

– Я провожу тебя, – сказал Марк, когда вечеринка окончилась.

– Пошли на автобус или пешком? – спросила я.

Марк ничего не ответил, но взял меня под руку и подвёл к припаркованной неподалеку серебристой «Хонде».

– Твоя?! – удивилась я.

– Моя.

– У тебя, наверное, отец банкир или депутат, – сказала я, усаживаясь на мягкое, пахнущее кожей сиденье.

Марк отделался лёгкой улыбкой.

Метелью золотых листьев заметала Питер осень. Но мы её не замечали. Взаимное чувство, сильное, обжигающее, как огонь, захватило нас. Я

впервые в жизни поняла, что такое любовь. С этим мужчиной я готова была разделить свою судьбу и сама тянулась ему навстречу, как истосковавшийся путник.

Отношения с мужем стали для меня тягостными. На смену весёлой беспечности пришла ледяная холодность. Я под любыми предложениями уклонялась от близости и вообще старалась как можно реже быть дома. Толик тоже целый день носился по своим делам, а возвращаясь, первым делом кормил рыбок, уныло плавающих в трехлитровой банке, как будто это было для него самым важным. За весь вечер мы могли не перемолвиться ни словом. Так дальше продолжаться не могло, я не выдержала и рассказала мужу о Марке.

Между тем Марк взял инициативу на себя. Он снял для наших встреч квартиру, и после развода с Толей я переселилась туда на правах хозяйки. Отгородившись четырьмя стенами от всего остального мира, мы купались в любви, и дни, как бусины, нанизывались на нитку нашей общей счастливой жизни.

В тот памятный день хлопья снега танцевали в желтоватом свете уличных фонарей. А дома было тепло и уютно, лишь крупные снежинки пролетали мимо окна. После лекций я забежала в супермаркет и накупила массу вкусностей, не забыв любимый торт Марка – «Муравейник». К его приходу ужин был готов. Мы совсем по-семейному поели, потом посмотрели телевизор, после чего удалились в спальню.

Мне снилось, как чашка с горячим чаем, треснув, вдруг разлетается на осколки в моих руках... Еще в дрёме, я скользнула рукой по кровати в поисках Марка. Его не было. Наскоро набросив халат, я пошла на кухню. Там, придавленная тарелочкой с куском «Муравейника», меня ждала записка.

«Дорогая моя, – писал Марк своим красивым каллиграфическим почерком. – Спасибо тебе за всё. С моей стороны это не было минутным увлечением, я любил тебя. Но обстоятельства выше моих чувств. Семья поставила мне условие, чтобы я женился. На девушке «из своей песочницы», папа её тоже депутат, как и мой, они приятели. Отец сказал, что иначе лишит меня материальной поддержки и рукой не двинет, чтобы помочь мне в карьере. И кем я останусь, милая моя? Нищим, в общем-то, студентом. А у меня большие планы на жизнь... Я хочу быть богатым человеком. Да, я прагматик. И что в этом плохого? Если ты поймёшь и простишь меня, мы сможем встретиться и после моей свадьбы. Квартира оплачена на год вперед».

Я наскоро собрала свои вещи и ушла. Сменила номер сотового. Перевелась на заочный. И уехала в Глинск – к маме и папе.

... И вот теперь передо мной стоит Марк, вернувшийся из небытия. Мы вежливо здороваемся, как абсолютно чужие люди. За ранним обедом я стараюсь не смотреть в его сторону, но чувствую его взгляд. Гаврилов представил меня как свою невесту. И приехавшие дамы живо интересу-

ются, какой наряд я выбрала для венчания. Под вздохи разочарования мы с Гавриловым сообщаем, что не собираемся венчаться, а просто распишемся в ЗАГСе. «В Глинске, оттуда я родом», – уточняю.

Поскольку небо хмурится снегом, гости решают пойти на каток незамедлительно, пока не разгулялась метель. У меня побаливает горло, и я остаюсь дома. Через полчаса Гаврилов с раскрасневшимися щеками возвращается узнать, как у меня дела. Поцеловав меня, он идёт к двери. Но тут звонит его телефон. Послушав и коротко ответив, он раздосадованно сообщает мне, что должен уехать по делам сию минуту. «Не скучай, родная, я вернусь уже завтра», – говорит Гаврилов и просит меня извиниться перед гостями за его внезапное отсутствие.

Вечером я читала любимого Диккенса, изредка поднимая глаза от книги. И вдруг заметила, как ручка двери начала осторожно поворачиваться.

– Кто там? – спросила я.

Вместо ответа на пороге нарисовалась статная фигура Марка.

– Я по тебе соскучился, – прошептал он, подойдя, и, пока я искала слова, чтобы остановить его вторжение, обнял меня ласково и горячо, как обнимают только близкую и родную женщину. Потом его прикосновения стали грубоватыми и нетерпеливыми, такими, какими я их помнила. Я встретилась с его тёмными орехового цвета глазами, и будто не было лет разлуки, горьких, как шальные пули. Я ничего не могла с собой поделать и отдалась на волю чувств... А время сыграло в поддавки и умерило свой бег...

Я набросила на себя рубашку Марка, которая валялась на полу. Встала и подошла к окну.

– Так что ты мне ответишь? – спросил он.

Мысли, как дикие пчёлы, роились в моей голове: Марк свободен, он давно расстался с женой, он преуспел, как и мечтал, и он только что предложил мне выйти за него замуж.

– Давай уедем в Питер прямо сейчас, – Марк тоже поднялся с постели и теперь стоял рядом, – ничего никому не объясняя, мы же взрослые люди, и мы любим друг друга. Никогда не переставали любить. Ведь так? Не молчи, пожалуйста...

С иллюзиями надо расставаться легко. Но получалось трудно. И слова не хотели слетать с моих губ.

– Я не могу уехать с тобой сейчас и вообще никогда не смогу, – в конце концов, сказала я. – Но не потому, что я не люблю тебя, Марк. Просто... один поступок может перечеркнуть тысячу слов... Хотелось бы верить, что ты искренен сейчас. А тогда... когда ты писал ту записку, ты тоже был искренен? Не отвечай, Марк. Просто уезжай. Я прошу тебя.

...Мы расписались с Гавриловым в Глинске, и вдвоем, как мне и хотелось, отпраздновали это событие, вернувшись в поместье. В свадебное

путешествие уехали в Испанию. А когда вернулись из романтического во-
яжа, я решила навестить родные места. Стояли дни хрустальной осени с
великолепно высоким и восхитительно прозрачным, будто росой умытым
небом, и облака белоснежными бабочками порхали по бледной синеве. Све-
жий ветер – как старательный дворник – сгребал опавшие листья в при-
чудливую бессмыслицу, и они летели, летели, летели навстречу холодам и
метелям, которые притаились в сторонке, дожидаясь своего заветного зим-
него часа.

Глинск встретил меня дождём. На месте моего дома возвышалось
первое в городе девятиэтажное здание. От парка осталось всего несколько
деревьев, промокших и понурых. И только дождь был таким, каким я его
помнила с детства – задорно весёлым.

– Поговори со мною, дождь, – поддавшись настроению, попросила я,
протянув руку навстречу крупным прозрачным каплям.

В безмолвии я стояла ещё чуть-чуть... Погода менялась на глазах.
Равнодушно падали и таяли, не успев долететь до земли, редкие снежинки.
Я раскрыла зонт и, не оглядываясь, пошла прочь...

ЯБЛОКИ НА СНЕГУ

Аркадий толкнул дверь подъезда, изрядно примёрзшую за ночь, и по-
чувствовал на лице холодные уколы редких, сонных снежинок. Сизо-белая
мгла отливала мутной метельной тьмой.

«Градусов двадцать пять будет, – подумал Аркадий, огорчившись,
что не посмотрел на термометр за кухонным окном. – Вот и мёрзны теперь в
лёгкой дублёнке вместо тёплого полушубка. В такую погоду хороший хозя-
ин собаку из дома не выгонит».

Собак в обозримой дали действительно не было, да и их хозяев тоже,
досматривали, видно, последние воскресные сны. Только от угла, от перво-
го подъезда, двигалась плохо различимая фигура, поверх чего-то мехового
укрытая клетчатой шалью.

«И куда бабульку спозаранок несёт», – не успел подумать Аркадий,
как та лихо проехала по ледяной, раскатанной ребятами дорожке («ну ба-
булька и лихачка!») и ... хлопнулась в снег.

– Осторожней надо, бабуля, – он подлетел к сугробу, протянул руку,
помог подняться. Шаль сползла с головы незнакомки: лицо было молодое,
улыбчивое.

– Ой, извините, я вас за бабулю принял, – смутился Аркадий, отряхи-
вая девичью шубку.

– Ну не мудрено в такую непогоду, и все мы, как бабульки, в этих

размахайках... Мода... А где же мои яблоки?

– Что?

– Яблоки. Были в пакете, пока я не растянулась.

Аркадий пригляделся: действительно, зелёно-красные яблоки лежали на снегу.

– А вы, девушка, любите яблоки?

– Яблоки полезны... особенно детям.

– Стоп... – глаза Аркадия заискрились весельем, – коль разговор о детях... вы – учительница. Угадал?

– А вы врач. И у вас хобби – ходить в баню под Новый год...

– Да... врач. Только не Женя Лукашин, а Аркадий Воронцов. Да и в Ленинграде никогда не был. Моё хобби – помогать застрявшим в снегу девушкам собирать рассыпанные яблоки.

– А меня зовут Катей. Екатериной Максимовной. Собралась со своим классом на лыжах, а пришло только пятеро... Перенесли на следующие выходные...

– А я на дежурство в кардиологию.

Прошла неделя. Подул южный ветер, навалило снежку, и 11 «А» собрался на лыжную прогулку в полном составе. Когда Аркадий и Катя подошли к школе, все разговоры стихли.

– Курить – здоровью вредить, – сказала Катя вместо приветствия, и мальчишки, не спеша, загасили сигареты. – Ребята, знакомьтесь, это Аркадий Леонидович, врач. Он пойдёт вместе с нами. Подберите ему лыжи.

– А можно вопрос, Екатерина Максимовна? – темноглазая девушка в ярко-жёлтой куртке подняла, как на уроке, руку в кожаной перчатке. – В каком качестве будет сопровождать нас Аркадий Леонидович... – как врач или... как ... ваш... поклонник?

– Ирина... – укорила Екатерина, но в голосе её не чувствовалось строгости.

– Как поклонник, – негромко отозвался Аркадий, и тут же вступил в разговор парень баскетбольного роста.

– Вот ты, например, Ирка, ломаешь на горке ногу, а Аркадий Леонидович...

– Лучше ты, Ермолаев, ломаешь ногу, – отпарировала Ира.

– Так, – решительно прервала перепалку Катя, – я еду первая, замыкающим – на всякий пожарный – Аркадий Леонидович. Устраивает?

«Конечно, не устраивает», – подумал Аркадий, но послушно пошёл в конец шеренги.

Катюша очень нравилась Аркадию, но, что удивительнее, нравилась она и его маме.

– Хорошая девушка, серьёзная, с интеллигентной профессией, хоть и не денежной, и по годам тебе пара, а не какая-нибудь соплюшка... Мила,

бойка в меру... Нет, Аркаша, не упускай, время уходит, сынок, в тридцать лет пора обзавестись семьёй, – наставляла Вера Андреевна.

– Так он уж... – хотел было высказаться Леонид Васильевич, но жена тут же перебила: «Не буди лихо, пока тихо» и, будто мимоходом, спросила сына: «А квартира-то у Кати на каком этаже?»

– Не был я у неё, мам, не приглашала.

– И хорошо. Значит, не ветер в голове.

Масленицу отмечали у Катиной подружки – Варвары. С пылу, с жару ели блины, поливая их кто сметаной, кто сгущёнкой. Когда Катя ушла запекать новую партию, Аркадий и Варин муж расставили шахматы. Но хозяйка, мигнув супругу, уснула его «по хозяйству», а сама подседа к Аркадию.

– Вы меня простите. Но мы с Катей вместе учились, за одной партией сидели, она мне как сестра, – Варвара задумчиво покрутила в пальцах «слон», поставила его на белую клетку. – Я уж, Аркадий, с вами попросту... Не тяните, женитесь на Катюше... Она... замечательная. И не такая, как все. Доброты в ней – через край. Взять хоть этих девчонок. Трудно ведь с ними.

– Да... – неопределенно пробормотал Аркадий, вспомнив бойкую Иру.

– О чём это вы шепчетесь – без меня? – Катя внесла тарелку с пышными, политыми растопленным маслом блинами. – Пробуйте – удались?

Предложение он сделал Катюше зимой, шестого декабря, в день её двадцативосьмилетия. Встретил, как всегда, у школы, под ближним фонарём вынул высланную розовым шёлком коробочку со скромным колечком.

– Ну, что мне ответишь, Катюша, «да» или «нет»?

Катя крутила на пальце подаренное колечко, сапожком подгребала снег, укладывала его горкой, притаптывала и молчала.

– Год как мы знакомы, а ты... даже домой не разрешаешь проводить по-человечески...

– А как это по-человечески, Аркаша?

– Ну, до подъезда хоть. Я ведь даже адреса твоего не знаю. Что за секреты...

Секреты, впрочем, были и у Аркадия. Два. Первый – грустный. Когда-то (давным-давно, как казалось ему самому) он был женат. Но под одной крышей они прожили полгода, потом разбежались. Как? Почему? В двух словах не расскажешь, да и вспоминать не хотелось. А второй секрет был, пожалуй, весёлый. Дело в том, что каждое предновогодье Аркадий подрабатывал Дедом Морозом – сначала, в студенчестве, для того, чтобы заработать собственных денег на подарки родителям, потом... Потом просто не мог оторваться от этого волшебного занятия.

...Тридцатого декабря к семи вечера у него осталась только одна заявка. Он поднялся на последний этаж старой пятиэтажки, позвонил весёлой трелью, дверь тут же открылась, две девчушки – лет пяти-шести – стояли

на пороге... Ахнув, они радостно закричали куда-то в глубь коридорчика: «Мама! К нам Дед Мороз пришёл!»

– А ёлочка у вас есть, бусинки-резвухи? – спросил Аркадий, входя в образ. – Пойдёмте хоровод водить!

– Сюда, сюда, Дедушка Мороз! – из комнаты, торопясь, выбежала молодая женщина в синем платье с полосатым воротничком.

– Катя?! – в замешательстве Аркадий скинул громоздкую красную шапку с блёстками, расстегнул кафтан.

– Ой, а Дед Мороз ненастоящий, просто дяденька... – огорчились девчухи.

Он опрометью выскочил из подъезда. Сердце колотилось, как бешеное. Аркадий сгрёб комок снега, провёл по лицу, размазывая румянец на щеках. Вот так Катя-Катерина! Обманщица! Впрочем... Почему обманщица? Она никогда не сказала ему ни слова неправды. Варвара говорила тогда о девчонках, а он не понял... И что в том такого страшного, что есть у неё дети: девочка и девочка, две девочки... И любит он её по-прежнему.

Через полчаса мороз начал забираться даже в тёплые валенки. Аркадий снова надавил кнопку звонка.

– Мама, опять этот дяденька, ну который Дед Мороз. Впустить? А вам чего – жарко у нас в квартире стало? Да?

В десятом часу дети наконец-то уснули на раздвинутых креслах. Катя подошла к окну, чуть отодвинула край шторы. Аркадий встал рядом, обнял её за плечи: «Значит, это им ты несла яблоки... ну, когда мы встретились?» Катя кивнула.

– И давно они с тобой?

– Считай сам, Аркаша. Тогда мой «одиннадцатый» был еще «восьмым». Ира (помнишь Ирину?) предложила купить сладостей и отвезти в детдом. Мы испекли пироги, купили конфет... Все малыши улыбались, а Валя и Аля... они стояли серьёзные-пресерьёзные и даже не развернули подарков... А когда мы стали уходить...

– Ты умница, Катюша...

– Смотри, звезда упала. Успел загадать желание?

– Загадал.

– Только не говори, какое, а то не исполнится...

– Исполнится, Катюша, обязательно исполнится... А загадал я, что этот Новый год мы встретим все вместе: ты, я, Валечка и Алечка. Это же семейный праздник!

СОДЕРЖАНИЕ

Лето вернётся через год. Повесть	3
--	---

РАССКАЗЫ

Глухая пора листопада	22
Вишнёвый переулок, дом 5	29
Жёлтый лист в осеннем лесу	33
Рождество в Лапландии	40
За синие горы, за белый туман	46
Коль нет цветов среди зимы	50
Садово-огородный роман	55
Кто последний за туманом?	58
Дядя Ваня	68
Чёрно-белая правда	70
Мелодия на два голоса	77
Дом окнами в лес	82
Иван Васильевич меняет профессию	86
Стакан чаю с лимоном	90
Белая стрекоза любви	92
Букет из чайных роз	97
Рябиновые бусы	102
Поговори со мною, дождь	106
Яблоки на снегу	113

Литературно-художественное издание

Барановская Т.Н.
Поговори со мною, ДОЖДЬ...

Повесть и рассказы

Ответственный за выпуск А.В.Бандорин
Редактор Л.Ф.Салтыкова
Компьютерный набор: Татьяна Барановская
Корректор Валентина Шендалёва.
Верстка: ИП Жуков В.Ю.

Сдано в набор 16.10.2014 г.
Подписано в печать 28.12.2014 г.

Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. 7,375. Тираж 50 экз.

Издательство «Старт» – лауреат
Всероссийской литературной премии
им. генералиссимуса А.В.Суворова
г. Рязань, ул. проф. Никулина, д.6

Отпечатано в типографии издательства

ISBN: 978-5-902405-06-1

9 785902 405061